

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ АН СССР
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

*Л. Я. Бляхер, А. Т. Григорьян, Б. М. Кедров,
Б. Г. Кузнецов, В. И. Кузнецов, А. И. Купцов,
Б. В. Левшин, С. Р. Микулинский, Д. В. Ознобишин,
З. К. Соколовская (ученый секретарь), В. Н. Сокольский,
Ю. И. Соловьев, А. С. Федоров (зам. председателя), И. А. Федосеев,
Н. А. Фигуровский (зам. председателя), А. А. Чеканов,
С. В. Шухардин, А. П. Юшкевич, А. Л. Яншин (председатель),
М. Г. Ярошевский*

А. И. Алексеев

**Илья Гаврилович
ВОЗНЕСЕНСКИЙ**

(1816—1871)

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1977**

В книге рассказывается о жизненном пути замечательного русского ученого-путешественника И. Г. Вознесенского. Вся его жизнь была связана с Петербургской академией наук, по поручению которой он в 1839—1849 гг. совершил путешествие по Русской Америке и Дальнему Востоку. Собранные им богатейшие этнографические, геологические, ботанические и зоологические коллекции вошли в золотой фонд музейных собраний Академии наук и послужили основой для написания многих научных трудов. Автор книги использовал обширный архивный материал, значительная часть которого вводится в научный оборот впервые.

Ответственный редактор
академик А. П. ОКЛАДНИКОВ

Александр Иванович Алексеев
Илья Гаврилович Вознесенский

*Утверждено к печати
редколлегией научно-биографической серии Академии наук СССР*

Редактор издательства В. П. Большаков
Художественный редактор И. А. Напратова
Технический редактор В. Д. Прилепская
Корректоры П. А. Пирязев, И. С. Шерман

Сдано в набор 7/XII 1976 г. Подписано к печати 3/III 1977 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Усл. печ. л. 7,9. Уч.-изд. л. 7,6.
Тираж 24500. Т-03353. Тип. зак. 1473. Цена 46 коп.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

А $\frac{20100-013}{054(02)-77}$ 64-77НП

© Издательство «Наука», 1977 г.

Предисловие

Я с удовольствием представляю читателям новую книгу доктора исторических наук Александра Ивановича Алексева, темой которой стало десятилетнее путешествие препаратора Зоологического музея Академии наук Ильи Гавриловича Вознесенского по Русской Америке¹ и Дальнему Востоку, совершенное в 1839—1849 гг.

И. Г. Вознесенский был командирован в Русскую Америку для сбора всевозможных коллекций сначала на три года, но дважды этот срок продлевался. Путешествия Вознесенского не были заранее спланированными и организованными экспедициями, в состав которых обычно входит несколько человек, обеспеченных определенными средствами передвижения и пр. Вознесенский путешествовал один, используя для этого все представлявшиеся возможности. Чаще всего это были суда Российско-Американской компании, доставлявшие неутомимого препаратора в самые малодоступные точки Русской Америки и Дальнего Востока.

Результаты десятилетних странствий превзошли все ожидания. Вознесенский собрал большое количество этнографических, геологических и других коллекций, ставших достоянием Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР. Они изучаются до сих пор. Их материалы легли в основу ряда трудов по этнографии, физической географии и геологии Русской Америки.

Вознесенский оставил после себя еще и многочисленные дневники (записные книжки), которые ему не дове-

¹ Русская Америка — неофициальное название русских владений в XVIII—XIX веках на Аляске, Алеутских островах и по северо-западному побережью Северной Америки.

лось подготовить для издания. Они в течение века привлекают внимание исследователей. Эти дневники, а также опубликованные по ним работы послужили основными источниками научной биографии И. Г. Вознесенского, которую написал А. И. Алексеев.

Особая ценность книги состоит в том, что она является первой научной биографией путешественника, написанной с историко-географической точки зрения. Доскональное знание архивов и истории Русской Америки позволили автору написать правдивую книгу. Важным обстоятельством является публикация рисунков И. Г. Вознесенского и карт его странствий, которые составил автор.

Книгу с большим интересом прочитают как в нашей стране, так и в США и Канаде. Доброго ей пути.

Академик А. П. Окладников

События, о которых рассказывается в настоящей книге, происходили в 1839—1849 гг. О них мало известно широкому кругу читателей. Между тем эти события представляют значительный интерес для истории географического изучения бывших русских владений в Северной Америке (Аляска и Алеутские острова) и Дальнего Востока. Несомненно, интерес этот разделят с советскими читателями и американские граждане.

В эти годы препаратор Зоологического музея Императорской Академии наук Илья Гаврилович Вознесенский путешествовал по необъятным просторам Русской Америки. Он отправился из Петербурга один и один возвратился в Петербург: помощниками исследователя становились те, кто встречался на его большом пути — капитаны промысловых судов, командиры военных кораблей, промышленники — русские, креолы, алеуты, жители Петропавловска-Камчатского и Ново-Архангельска, Алеутских и Курильских островов... Поэтому-то один Вознесенский сумел сделать столько, сколько вряд ли под силу многолюдной экспедиции.

Вознесенский не оставил после себя опубликованного наследия. Но собранные им богатейшие коллекции были использованы географами, геологами, этнографами, зоологами — представителями различных научных дисциплин. Его уникальные этнографические коллекции составляют гордость Музея антропологии и этнографии АН СССР. Их обрабатывают, изучают и сейчас. О различных коллекциях Вознесенского много написано.

Очень ценным является рукописное наследие Вознесенского — его дневниковые записи, переписка, рисунки,

составляющие архивный фонд И. Г. Вознесенского, хранящийся в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР. К этому фонду прибегал и прибегает каждый исследователь, в сферу научных изысканий которого входили или входят этнография, история, география северо-западной части Северной Америки с Алеутскими островами. И каждый исследователь в меру своих сил и применительно к своей тематике знакомил читателей с жизненным путем Вознесенского, с историей его удивительных многолетних путешествий.

Первые печатные известия о Вознесенском относятся ко времени нахождения его в путешествиях. Академик Ф. Ф. Брандт в 1840 и 1847 гг. опубликовал в академических изданиях известия, полученные от Вознесенского¹. Известный исследователь Аляски Л. А. Загоскин в своей «Пешеходной описи» упоминает о Вознесенском, с которым был хорошо знаком и который научил лейтенанта искусству препарирования². Несколько слов уделено Вознесенскому в «Очерке истории музеев Имп. Академии наук»³.

Впервые о жизни и деятельности И. Г. Вознесенского написал академик А. А. Штраух в статье, посвященной 50-летию Зоологического музея Академии наук⁴. В ней дана высокая оценка собирательской деятельности путешественника. Штраух очень тепло рассказывает о Вознесенском. Впервые описывает он и маршруты Вознесенского по Русской Америке, по Дальнему Востоку. О Вознесенском неоднократно упоминается в библиографических работах Д. Литвинова и И. Бородина⁵.

Наиболее полный очерк жизни и деятельности

¹ *D-r Brandt. Bericht über die Reise des Preparanten des Zoologischen Museums Vosnesenski.*— «Bull. scientifique publié par l'Acad. Imp. des sciences de St-Petersbourg», 1840, t. 7, s. 365—367; *D-r Brandt. Acquisitions du musée zoologique, dues an voyage du preparateur Vosnessensky.*— «Bull. de la Classe Phys.-Math. de l'Acad. Imp. des sciences». M. V, 1847, s. 383—384.

² *Загоскин Л. А.* Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Л. Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах. Ч. 1, 2. СПб., 1847—1848.

³ Очерк истории музеев Имп. Академии наук. СПб., 1865.

⁴ *Штраух А. А.* Зоологический музей Императорской Академии наук.— «Зап. Имп. Академии наук». СПб., 1889, т. 61, № 3. Прил.

⁵ *Литвинов Д.* Библиография флоры Сибири. СПб., 1909; *Бородин И.* Коллекторы и коллекции по флоре Сибири. СПб., 1908.

И. Г. Вознесенского издал К. К. Гильзен⁶ к столетию со дня рождения путешественника. Необходимо отметить, что Гильзен написал обстоятельную биографию Вознесенского, которая по ряду причин осталась до сего времени неопубликованной и хранится в Архиве Академии наук СССР. Все последующие работы о Вознесенском базировались в какой-то мере на работе Гильзена. Правда, постепенно исследователи начали разрабатывать и архивные материалы фонда Вознесенского. К сожалению, пока затрагиваются материалы преимущественно этнографического содержания.

В 40-х годах XX в. несколько работ по этнографии северо-западной части Северной Америки с привлечением материалов И. Г. Вознесенского опубликовала М. В. Степанова. Уже в первой статье «И. Г. Вознесенский и этнографическое изучение Северо-Запада Америки», отмечая важное значение материалов Вознесенского, она писала: «В многосторонней деятельности И. Г. Вознесенского его работы по этнографии Северной Америки и в еще большей степени по этнографии прибрежных районов Северо-Востока Сибири не могут быть забыты, а его научный архив и вещевое собрание должны быть изучены русскими учеными и опубликованы»⁷.

В другой работе Степанова подчеркнула определенное влияние на формирование исследовательских взглядов И. Е. Вениаминова (этнографические работы которого она рассматривала) бывших в те годы в Русской Америке натуралистов, и в частности И. Г. Вознесенского⁸. О нем Степанова говорит в еще одной статье, где вновь указывается на заслуги путешественника. «В собирании этнографических коллекций,— пишет Степанова,— большая заслуга принадлежит зоологу И. Г. Вознесенскому. Благодаря его организаторским способностям и чутью коллекционера было создано значительное по размерам и исключительное по качеству вещевое собрание по Русской

⁶ Гильзен К. К. Илья Гаврилович Вознесенский. К столетию со дня рождения.— В сб.: МАЭ. Пг., 1916, т. 3, с. 1—14.

⁷ Степанова М. В. И. Г. Вознесенский и этнографическое изучение Северо-Запада Америки.— «Изв. Всесоюз. геогр. о-ва», 1944, т. 76, вып. 5, с. 279.

⁸ Степанова М. В. Вениаминов как этнограф.— «Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая». Нов. сер. М.—Л., 1947, т. 2, с. 297.

Америке для Академии наук. Сборы Вознесенского являются и ныне преобладающей частью коллекций по Северной Америке Музея при Институте этнографии Академии наук»⁹.

З. Н. Зубкова в монографии «Алеутские острова» (1948) отметила значение И. Г. Вознесенского в изучении геологии Алеутских островов. «Материалы Вознесенского, — писала она, — были первыми, давшими представление о геологическом строении всей Алеутской гряды, и не потеряли своего значения до сего дня»¹⁰. Именно это имел в виду и замечательный советский ученый, писатель и поэт, автор знаменитой «Летописи Аляски» С. Н. Марков, когда писал следующие строки: «В 1839 году Илья Вознесенский, зоолог из Петербурга, начал свой огромный десятилетний труд изучения природы и людей Аляски и Алеутских островов (его сочинения канули в бездны архивов, где лежат, как бесценный клад, до нашего времени)»¹¹.

Характеристику этнографических материалов, содержащихся в архиве И. Г. Вознесенского, дала Б. А. Липшиц¹². В ее работе приводятся выдержки из некоторых дневниковых записей Вознесенского, отмечается, что наиболее полно в путевых записях представлена Калифорния. Среди этих заметок имеются описания тростниковой лодки, причесок индейцев Калифорнии, говорится об отношении индейцев к двум обрядовым костюмам — кукушуй и моллок. Многие этнографические заметки относятся ко времени пребывания Вознесенского на Кенае. Значительное количество записей касается природы и животного мира Русской Америки.

В 1951 г. была издана большая работа Е. А. Бломквист¹³. Несомненно, она стала важной вехой в изучении

⁹ Степанова М. В. Из истории этнографического изучения бывших русских владений в Америке. — «Сов. этнография», 1947, № 3, с. 143—144.

¹⁰ Зубкова З. Н. Алеутские острова. Физико-географический очерк. — «Зап. Всесоюзн. геогр. о-ва». М., 1948, т. 4, с. 46.

¹¹ Марков С. Н. Летопись Аляски. М., 1948, с. 139.

¹² Липшиц Б. А. Этнографические материалы по Северо-Западной Америке в архиве И. Г. Вознесенского. — «Изв. Всесоюзн. геогр. о-ва», 1950, т. 82, вып. 4, с. 415—420.

¹³ Бломквист Е. А. Рисунки И. Г. Вознесенского. В сб.: МАЭ. Л., 1951, т. 13, с. 230—303.

наследия И. Г. Вознесенского: впервые были опубликованы 36 (из 50) его рисунков, хранившихся в Музее антропологии и этнографии. Тщательный анализ всех рисунков (не только воспроизведенных) позволил Бломквист проследить по путевым записям Вознесенского маршруты его путешествий. При этом наиболее полно его описаны места, отраженные в рисунках путешественника. Однако маршруты Вознесенского по Камчатке не нашли должного отражения в работе Бломквист. В статье дается карта-схема путешествий Вознесенского.

К столетию со дня рождения И. Г. Вознесенского Музей антропологии и этнографии выпустил специальный сборник «Культура и быт народов Америки». В нем помещены статьи Р. Г. Ляпуновой, Д. А. Сергеева, Э. В. Зиберт, И. П. Труфановой, Р. А. Разумовской, П. М. Кожина, написанные по материалам Вознесенского. Наибольший интерес для нас представляет работа Р. Г. Ляпуновой¹⁴, в которой описываются подготовка и походы Вознесенского, итоги его деятельности, приводятся новые материалы из записных книжек путешественника, некоторые его рисунки. Статья иллюстрирована картой-схемой путешествий Вознесенского, в основу которой положена аналогичная карта-схема Е. А. Бломквист.

Работы других авторов сборника посвящены этнографическим проблемам.

В 1971 г. в Москве на XIII Международном конгрессе по истории науки А. И. Алексеев сделал сообщение «Географические итоги путешествий И. Г. Вознесенского по Северной Америке и Дальнему Востоку в 1839—1849 гг. (по материалам архивов СССР)». С подобным докладом он выступал 16 мая 1969 г. на заседании отделения истории географических знаний и исторической географии Московского филиала Всесоюзного географического общества¹⁵. Алексеев посвятил И. Г. Вознесенскому очерки

¹⁴ Ляпунова Р. Г. Экспедиция И. Г. Вознесенского и ее значение для этнографии Русской Америки.— В сб.: МАЭ, Л., 1967, т. 24, с. 5—33.

¹⁵ Алексеев А. И. Путешествие И. Г. Вознесенского по Дальнему Востоку и Русской Америке в 1839—1849 годах.— «История геогр. знаний и ист. географии. Этнография». М., 1970, вып. 4, с. 36—39.

в книгах «Сыны отважные России» и «Судьба Русской Америки»¹⁶.

В обстоятельном труде о русском населении Русской Америки С. Г. Федорова неоднократно обращается к наследию И. Г. Вознесенского. В частности, она пишет: «Первой академической экспедицией в Америку и Северо-Восточную Азию, в задачу которой входил систематический сбор коллекций, была экспедиция И. Г. Вознесенского, находившегося в Америке с 1840 по 1845 г. и обследовавшего за это время Американское побережье от Берингова пролива до Калифорнии. Им производились также этнографические сборы среди жителей по берегам Квихпака и на Алеутских островах. Уникальные по своей полноте и ценности коллекции И. Г. Вознесенского дополняются собранием выполненных им рисунков, среди которых значительная часть является иллюстрацией русского быта в Америке»¹⁷.

К сожалению, в нашей литературе сведения о жизни и путешествиях Вознесенского, по существу, ограничиваются перечисленными в данном обзоре работами. Но редкий труд по истории, географии, этнографии и геологии Северной Америки и Алеутских островов обходится без упоминания Вознесенского.

Для того чтобы написать книгу о жизни и деятельности И. Г. Вознесенского, автору пришлось обратить самое серьезное внимание на архивные материалы. С этой целью в Архиве АН СССР (Ленинградское отделение) были изучены фонды (2-й и 53-й), в ЦГИА СССР выявлены материалы, относящиеся к И. Г. Вознесенскому (ф. 733, оп. 12, д. 514; оп. 13, д. 136; оп. 225, д. 85), в ЦГАДВ, ЦГАВМФ, ЦГВИА просмотрены описи фондов за 1839—1849 гг. Эта работа помогла выявить документы, имеющие косвенное отношение к путешествиям Вознесенского (журналы плаванья судов и кораблей, описание островов, портов и т. п.). Большую роль сыграло обстоятельное знакомство с фондом Российско-Американской компании в АВПР и с материалами Государственного ар-

¹⁶ Алексеев А. И. Неутомимый препаратор.— Сыны отважные России. Магадан, 1970, с. 155—165; Судьба Русской Америки. Магадан, 1975, с. 262—280.

¹⁷ Федорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии. М., «Наука», 1971, с. 224.

хива Иркутской области. В работе над книгой в полной мере использованы рисунки И. Г. Вознесенского, хранящиеся в фонде Архива Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (Коллекция 1142, № 1—34). Значительная часть их публикуется вместе с рисунками и картами Вознесенского из других архивов.

Как уже отмечалось, до сих пор фонд И. Г. Вознесенского в основном разрабатывали ботаники, зоологи, антропологи и, разумеется, этнографы (все отмеченные выше работы носят в той или иной степени этнографический характер, причем даже те из них, которые опубликованы в географическом журнале). Но почему-то десятилетнее странствование Вознесенского по Русской Америке и Дальнему Востоку прошло мимо внимания историков и географов. Совершенно нетронутыми оказались камчатские дневники путешественника, в которых много места уделено географии и геологии.

Предлагаемая вниманию читателей книга рассказывает о жизненном пути И. Г. Вознесенского. Она написана специалистом в области географии и истории на основе архивных материалов. Автор выражает признательность академику А. П. Окладникову и члену-корреспонденту АПН СССР А. И. Соловьеву за ценные замечания, сделанные при просмотре рукописи.

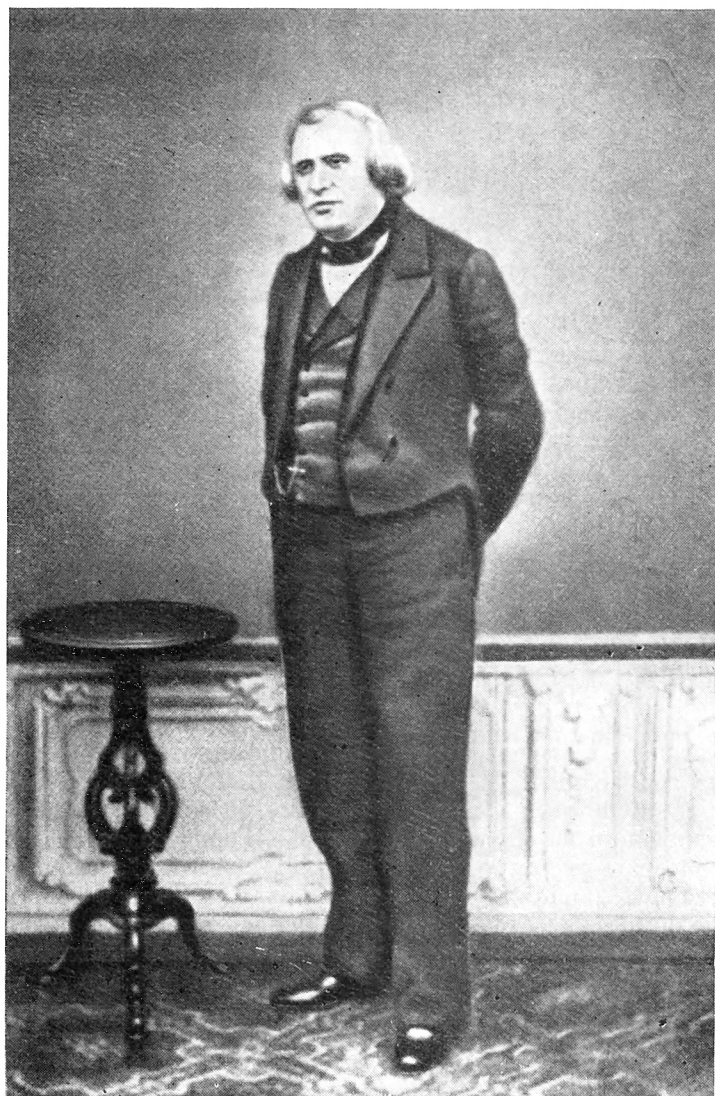
Глава первая

Начало пути

О Вознесенском можно сказать, что вся его жизнь связана с Академией наук. Он родился в доме № 1 по Большой Невке, здесь же спустя полвека с небольшим закончил свой путь. Только задания академии заставляли его покидать на разное время этот дом: отсюда он ушел в плавание к берегам Русской Америки, ушел, чтобы возвратиться только через десять лет... Кем же был Вознесенский, прежде чем стать знаменитым путешественником и собирателем редкостей?

Илья Гаврилович Вознесенский родился 19 июня 1816 г. в семье отставного унтер-офицера, служившего в Академии наук. Мы не нашли никаких подробностей о детстве Ильи — можно лишь предполагать, что радостей у него тогда было мало. Едва мальчугану исполнилось пять лет, как родители позаботились о том, чтобы «пристроить его к месту». Таким местом стала типография Академии наук, куда 15 июля 1821 г. он был определен «наборным учеником».

Шесть лет длилось обучение мальчика наборному делу. Тут же Вознесенский постигал и основы грамоты. И, разумеется, за все эти шесть лет он не получал ни копейки. Он был учеником-мальчиком, работавшим за обучение мастерству наборщика. И кто знает, быть бы Вознесенскому квалифицированным типографским рабочим — профессия важная, нужная и в те годы весьма редкая, — если бы не Зоологический музей, в котором мальчик проводил все свободное время. Он с увлечением помогал препараторам мастерить чучела животных и птиц и очень скоро заявил о себе как об очень способном ученике. 17 сентября 1827 г. Вознесенский был принят на учебу в музей.

Илья Гаврилович Вознесенский

На новом месте мальчика не приходилось подгонять. Частенько он и сам засиживался допоздна, и сотрудники музея вынуждены были выпроваживать его из рабочих помещений. Незаурядные способности и огромное прилежание не прошли незамеченными для академического начальства. Несмотря на то что Вознесенский, по словам академика А. А. Штрауха, «получил, соответственно общественному положению своих родителей, самое элементарное образование»¹, он скоро стал незаменимым помощником консерватора при Кунсткамере — зоолога Э. П. Менетрие, незадолго перед тем возвратившегося из Бразилии, где он участвовал в экспедиции Г. И. Лангсдорфа.

Сохранился документ, из которого явствует, что для Менетрие предназначался другой ученик и что консерватор сам выбрал Вознесенского. В журнале Правления Академии наук от 18 октября 1827 г. имеется следующая запись: «По приказанию его превосходительства г. Президента Академии, вместо назначенного по выписке Ученого Собрания от 21 марта сего 1827 г. за № 163 для обучения чучельному искусству г. Менетрие молодого человека из рижского Сиротского дома, определен к г. Менетрие академического унтер-офицера Вознесенского сын его родной Илья Вознесенский. О чем Комитет определил уведомить Ученое Собрание. № 3900 28 октября 1827 г.»².

В 1829—1830 гг. состоялась специальная научная экспедиция на Кавказ для изучения горы Эльбрус, которую возглавил геолог и географ М. Купфер. В ней приняли участие физик Э. Х. Ленц, ботаник К. А. Мейер и зоолог Э. П. Менетрие, а также 13-летний Илья Вознесенский. Экспедиция из Пятигорска (тогда — Горячеводск) направилась к Каменному мосту на р. Малка, откуда были совершены маршруты на плато Канжал и Инал в системе Скалистого хребта — передовой цепи северного склона Большого Кавказа. Затем участники похода попытались с верховьев р. Малка взойти на Эльбрус. Однако ее восточной вершины достиг лишь проводник экспедиции кабардинец Киллар Хаширов, считающийся первовосходителем на самую высокую гору Кавказа. От Эльбруса экс-

¹ Штраух А. А. Зоологический музей Императорской Академии наук.— «Зап. Имп. Академии наук». СПб., 1889, № 3, Прил., с. 46.

² Архив АН СССР, ф. 1, оп. 2—1827, д. 29.

педия спустилась вниз по долине р. Кубани и возвратилась в Пятигорск³. Отсюда специальный отряд в составе К. А. Мейера и Э. П. Менетрие совершил путешествие в Закавказский край, к Каспийскому морю до г. Ленкорань. Вместе с отрядом этот путь проделал и Илья Вознесенский. 19 декабря 1830 г. он возвратился в Петербург, где был определен учеником к консерватору Е. И. Шрадеру.

Участие в экспедиции явилось хорошей школой для юноши. Он стал лучше понимать мир, научился метко стрелять, познал основы зоологии и ботаники, зарекомендовав себя с самой лучшей стороны. Начальник экспедиции Купфер 13 ноября 1831 г. представил Комитету правления Академии наук следующую докладную: «В уважение того, что означенный Илья, Гаврилов сын, Вознесенский служил с усердием и исправностью в течение всего времени и что он старался, сколько от него лично зависит, содействовать успеху нашего предприятия, то я, согласившись предварительно с г. Менетрие, прошу Комитет правления Императорской Академии наук наградить означенного Илью Вознесенского назначением ему жалованья, соответственного занимаемой им должности»⁴.

Но это представление осуществилось лишь через три года. Дело в том, что для получения денежного содержания необходимо было занимать должность: ученики не имели права на жалованье. Тогда Комитет правления пошел по другому пути и впервые в истории Зоологического музея ввел должность помощника препаратора. Вознесенский, как записано в его послужном списке, с 1 апреля 1834 г. был «наименован помощником препаратора Зоологического музея Академии»⁵ с окладом 400 р. в год. В то время юноше было всего 18 лет.

Любовь к избранной профессии, природные способности, знакомство с немецким и французским языками помогли Илье Вознесенскому быстро стать прекрасным специалистом. Недостаток в общем образовании он успешно

³ Гвоздецкий Н. А., Федчина В. Н., Азатъян А. А., Донскова З. Н. Русские географические исследования Кавказа и Средней Азии в XIX — начале XX в. М., «Наука», 1964, с. 13.

⁴ Гильзен К. К. Илья Гаврилович Вознесенский. К столетию со дня рождения. — В сб.: МАЭ. Пг., 1916, т. 3, с. 3.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 225, д. 85, л. 44 об. — 45.

восполнял чтением специальной литературы. В одной из его книжек есть такая запись: «Сентября 23-го дни 1835 года принял из Академического архива от казначея г-на Захарова 3 экземпляра «Всеобщей и частной естественной истории» графа Бюффона, из оных два экземп[ляра] для Зоологической лаборатории и 1 экземп[ляр], для меня. Дан по ходатайству г. консерватора Шрадера, а по представлению г. дир[ектора], Зоологич[еского] музея Бранта (Брандта.— А. А.) конференции, которая и предписала Комитету Академии выдать 1 экз. помощ[нику] преп[аратора] Вознесенскому»⁶. Очень пригодилось Вознесенскому и умение рисовать.

К середине 30-х годов Российско-Американская компания распространила свое влияние на всю северную часть бассейна Тихого океана: Северная Калифорния, Аляска, Алеутские острова, Камчатка, Курильские острова, побережье Охотского моря были охвачены сетью контор и факторий. Компания осуществляла торговлю практически со всеми странами Тихоокеанского бассейна. В результате большого числа кругосветных и полукругосветных плаваний, конечной целью которых, как правило, являлась доставка грузов в Российско-Американскую компанию и на Камчатку, все русское побережье Азии и Северной Америки было нанесено на карты, а также сделано навигационно-гидрографическое описание большей части мест якорных стоянок и подходов к Охотску, Петропавловску, Ново-Архангельску, Павловской гавани и другим портам. Многие делали в этом отношении и мореходы Российско-Американской компании. Данные исследований стекались в Гидрографический департамент, который координировал их и издавал результаты в виде пособий для мореплавателей, морских карт и планов.

Осваивалось не только побережье. Постепенно русские люди стали все чаще бывать во внутренних частях Аляски, развивать торговлю с местными жителями. Жизненные потребности заставляли Правление Российско-Американской компании не только проводить в этом районе морские гидрографические работы, но и вести изучение животного и растительного мира, разведку месторождений полезных ископаемых — словом, проводить широкий круг физико-географических исследований.

⁶ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 37, л. 1.

Часть решения этой задачи (на побережье) брали на себя моряки, но основная тяжесть падала на плечи Академии наук, в недрах которой еще только вызрела идея создания Русского географического общества. Академия посылала своих представителей, в том числе и крупных ученых, в кругосветные и полукругосветные плавания, во время которых изучалась природа различных уголков земли и, конечно, Русской Америки. Ее посещение учеными, естественно, было полезно с научной точки зрения, но возможность вести в этом случае лишь кратковременные наблюдения не позволяла накопить достаточно большое количество материалов и данных, необходимых для больших научных обобщений.

Не удивительно, что к концу 30-х годов в кругах русских ученых возникла мысль об организации академической экспедиции для изучения природы Русской Америки. Для начала было решено заняться сбором коллекций животных и растений. 31 мая 1839 г. академики Ф. Ф. Брандт, К. А. Триниус и Г. П. Бонгард представили в Академию наук доклад, в котором излагались сообщения о желательности посылки в Русскую Америку натуралиста по сбору коллекций для Зоологического и Ботанического музеев Академии наук. Спустя пять дней, 6 июля 1839 г., непреременный секретарь Академии наук П. Н. Фус направил министру народного просвещения графу С. С. Уварову следующий документ: «Богатство и разнообразие форм в произведениях природы на северо-западном берегу Америки с давнего времени уже возбудили в Академии желание отправить туда на несколько лет особого натуралиста для собирания предметов как животного, так и прозябаемого царств, могущих служить посредством обмена важным пособием к обогащению академических коллекций. Ныне приготовив к сему, в течение трех лет, одного из препараторов Зоологического музея своего, Вознесенского, Академия наук желает отправить его на свой счет на первом судне Российско-Американской компании в Ново-Архангельск для собирания там и в колониях вообще животных и растений в течение трех лет»⁷.

Таким образом, Академия наук решила поручить новое ответственное дело совсем молодому человеку, уже за-

⁷ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 12, д. 514, л. 1.

рекомендовавшему себя с самой лучшей стороны. Не сохранилось свидетельств того, какие чувства владели при этом самим Вознесенским. Но, если судить по его путевым запискам во время начавшегося уже путешествия, он был полон оптимизма и уверенности в своих силах.

В цитированном выше документе оговаривались условия поездки Вознесенского. За время пребывания в экспедиции ему должен был выплачиваться двойной оклад — 1600 р. в год. Кроме того, назначались ежегодные 1200 р. на приобретение «естественных произведений всякого рода».

С аналогичным документом Академия наук обратилась и в Главное правление Российско-Американской компании. 15 июля 1839 г. один из ее директоров, И. Проккофьев, писал, что оно «с удовольствием готово принять на принадлежащий компании корабль «Николай»... препаратора Вознесенского»⁸. На проведение экспедиции согласилось и Министерство народного просвещения⁹.

Вознесенский тщательно готовился к предстоящему путешествию. От ученых Академии наук он получил специальные инструкции по сбору коллекций: ботанических (Ф. Е. Фишер и Г. П. Бонгард), этнографических (Е. И. Шрадер) и зоологических (Ф. Ф. Брандт).

Ф. Фишер предписывал Вознесенскому «собирать флору Российско-Американских владений, и каждый вид, сколько возможно в многочисленных экземплярах». При этом он подчеркивал, что флора «самого острова Ситхи не совершенно известна; собирали до сих пор только в окрестностях самого Ново-Архангельска и на ближних горах, но далее отдалиться от крепости не посмели; без совершенной доверенности колошев сего и невозможно будет. Флора тверди Северо-Западной Америки около Ситхи вовсе неизвестна и, вероятно, богаче, чем ситхинская. Флора Калифорнии в окрестности колонии Росс чрезвычайно богата и любопытна во всех отношениях»¹⁰. Фишер просил также собирать по возможности и морские растения.

Е. И. Шрадер писал в своей инструкции: «Нет возможности сообщить Вам подробного списка для всех этно-

⁸ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 35, л. 32.

⁹ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 12, д. 514, л. 3—3 об.

¹⁰ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 7, л. 1—1 об.

графических предметов, коих потребовалось бы Вам собирать, а посему я ограничиваюсь означением одних главных только категорий, коих не должно Вам упустить из виду; они суть следующие: одежда народов; материи для настилки и покрывания; домашняя утварь; произведения искусства и игрушки; музыкальные инструменты, приборы для рыбной ловли; орудия для вырабатывания их домашней утвари, каковы топоры, ножи и заменяющие их приборы — машины для прядева и ткания и пр.; идолы; оружие, каковы кошья, стрелы, дуги, булавы и пр.; монеты, рукописи; ландкарты; картины и пр., и пр., и пр. Если удастся Вам приобрести какое-либо из означенных предметов, то поставьте себе неперменным правилом следующие сведения: 1) наименование этих предметов на природном и европейском языках; 2) из каких материалов оные сделаны (очень желательно, чтобы Вы старались получить и самые материалы, как, например, разные роды дерев, употребляемых на изделия, краски и самые предметы, из коих краски изготовляются, и пр.); 3) как разные предметы употребляются; 4) в какой они ценности находятся у народа». Инструкция заканчивалась: «Я твердо уверен, что Вы будете рассудительны во всех Ваших оборотах при приобретении этнографических предметов и тем более будете оправдывать то хорошее мнение и ту доверенность, с которою я привык обходиться с Вами в течение 7 лет, которые Вы находились под непосредственным моим руководством»¹¹.

Своего рода итог всем научным наставлениям подвел директор Зоологического музея академик Ф. Ф. Брандт. Его инструкция — это не только перечень указаний по сбору зоологических коллекций, но и руководство к действиям во время многолетней экспедиции. К этому моменту было решено, что первоначально намеченный срок путешествий — три года — мал для осуществления обширных замыслов Академии наук, оно должно было продлиться по крайней мере на пять лет. Об этом, в частности, говорилось в первом пункте инструкции Брандта:

«Илья Вознесенский отправляется на пять лет в Русско-Американские колонии. В течение сего путешествия

¹¹ Ляпунова Р. Г. Экспедиция И. Г. Вознесенского и ее значение для этнографии Русской Америки. — В сб.: МАЭ. Л., 1967, т. 24, с. 33.

поставляется ему в обязанность: 1) собирать и приобретать покупкою для музея Академии наук предметы естественной истории, как животного, так и растительного царства, кои имеют надлежащим образом приготавливать и сохранять, и 2) научать способных в колонии людей собиранию, приуготовлению и сохранению животных и растений, дабы можно было отправлять таковых в разные места колонии, так как Вознесенскому не удастся самому на всех их быть»¹².

На время экспедиции Вознесенский переходил в непосредственное подчинение Главного правителя Русской Америки. Последний по мере возможности обеспечивал его пребывание в Русской Америке, переезды с места на место и т. д. Брандт наметил предварительные маршруты экспедиции. «Путь, подлежащий Вознесенскому, следующий: он отправляется на корабле Американской компании вокруг света в Ситху. На этом пути он обязан собирать не только среди океана, но и на всех тех местах, где корабль остановится, а именно: в Бразилии, Чили, на Сандвичевых островах и на берегу Калифорнии. Пребывая несколько недель на Ситхе, он имеет приучать людей к собиранию и потом отправиться в колонию Росс, откуда воротится не раньше как весною 1841 года. Вскоре спустя предстоит ему отправиться на Кадиак, а оттуда чрез Нучих и Киней (Кадьяк, Нучек и Кенай.— А. А.) в Кадмей (Катмай.— А. А.) для зимовки. Из Кадмая Вознесенский пойдет весною пешком в Нучаях (Нушагак.— А. А.), а отсюда переправится чрез остров Св. Павла в Уналашку для проведения зимы. С Уналашки пойдет он на Атку, а отсюда для зимовки на остров Берингова, где ему наиболее надлежит обратить внимание на сивучи. С сего острова он направит путь через Камчатку на Курильские острова для провождения зимы, а на следующее уже лето возвратится чрез Охотск в С.-Петербург. Благоусмотрению губернатора (Главного правителя Русской Америки.— А. А.) представляется делать изменение в сем главном плане, но остается желать, чтобы Илья Вознесенский не миновал колонию Росс, острова Кадиак, Уналашку, Св. Павла, Берингова и Курильские»¹³.

¹² Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 8, л. 1.

¹³ Там же, л. 3—3 об.

8 августа 1839 г. Вознесенский был официально зачислен в состав экспедиции. В его послужном списке имеется следующая запись: «С разрешения г. министра народного просвещения отправлен в Ново-Архангельск, для собирания там и вообще в колониях на северо-западном берегу Америки животных, растений и предметов до этнографии относящихся»¹⁴. Спустя неделю директор компании прислал путешественнику сопроводительное свидетельство. В нем говорилось: «Объявитель сего, назначенный от Императорской Академии наук в Российско-Американские колонии помощник препаратора Г. Вознесенский, отправляется в Кронштадт для поступления на принадлежащий Компании корабль «Николай», а по сему Главное правление Компании просит пропустить его, г. Вознесенского, в Кронштадт беспрепятственно, для чего и дано сие свидетельство от Главного правления Российско-Американской компании в С.-Петербурге. Августа 16 дня 1839 года. Директор Иван Прокофьев»¹⁵.

Все дела были улажены, багаж погружен на корабль, деньги переданы на хранение его командиру: Вознесенский сможет получать их частями во время плавания. Он надолго расставался с Петербургом. Вознесенский ждал часа отплытия с нетерпением: дорога в неизведанное звала его.

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 13, д. 136, л. 20—20 об.

¹⁵ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 35, л. 1.

Плавание в Русскую Америку

20 августа 1839 г. транспортный корабль «Николай I» Российско-Американской компании под командованием капитан-лейтенанта Николая Кондратьевича Кадникова вышел в море. Вместе с И. Г. Вознесенским в далекое плавание отправился и новый Главный правитель Русской Америки Адольф Карлович Этолин. Он возвращался в Русскую Америку, которую оставил в 1837 г., чтобы принять дела от известного мореплавателя и исследователя Ивана Антоновича Купреянова.

Не в первый раз уходил к берегам Русской Америки и «Николай I». В 1837—1838 гг. транспорт совершил подобное плавание под командованием Евгения Андреевича Беренса. Тогда старшим офицером на корабле шел Василий Степанович Завойко, с которым в дальнейшем Вознесенскому придется иметь немало дел. Часто будут пересекаться американские и дальневосточные дороги Вознесенского и других офицеров «Николая I». Ему придется плавать с Александром Михайловичем Гавриловым, будущим предшественником знаменитого Г. И. Невельского по исследованию Амурского лимана, с вольнонаемным штурманом Компании креолом Илларионом Ивановичем Архимандритовым, вольнонаемным штурманом М. Клинковстремом. В дальнейшем корабль «Николай I» войдет в историю исследования Дальнего Востока как судно Амурской экспедиции 1850—1855 гг., возглавляемой Г. И. Невельским.

Первая стоянка была в Гельсингфорсе (Хельсинки). Вознесенский сумел сделать кое-какие покупки, осмотреть город и порт. Затем начался переход по Балтийскому морю. К своему удивлению, юный путешественник обнаружил, что хорошо переносит морское плавание.

Запомнилась Вознесенскому и стоянка в Копенгагене. Он познакомился с достопримечательностями датской столицы: музеем натуралистической истории, Академией художеств, замком Гельсинор и т. д. Юноша смог полюбоваться удивительными скульптурами Торвальдсена в новом Копенгагенском соборе, осмотреть экспонаты кабинета антиквариата и анатомического кабинета. При посещении Королевского музея он встретился с профессором Рейнгартсом¹. К сожалению, в записках Вознесенского нет подробностей знакомства с культурной и научной жизнью Копенгагена. Можно только предполагать, что для любознательного молодого натуралиста оно не прошло бесследно.

В то же время в его дневнике имеются записи о хозяйственных делах в Копенгагене. Например, сообщается, что Вознесенский приобрел в городе двуствольное французское ружье, карандаши, кисточки, ведра, охотничий рог, порох, ножи, ремень, ножницы, башмаки, рубаху и шарф².

Остановка в Портсмуте была также использована Вознесенским не только для знакомства с примечательными местами порта и Лондона, но и для приобретения необходимых в экспедиции вещей.

О предстоящей работе юноша думал постоянно. Об этом свидетельствует его записная книжка: «Октября 4-го и 5-го числа Ключев сделал мне сеть с железным обручем. Она будет служить мне для ловли морских животных... Г-н Залдберг уступил мне жестяной ранец для насекомых... Он подарил мне самых тоненьких булавок — 600 штук»³.

Из Портсмута «Николай I» вышел в Атлантический океан. На 59-й день плавания корабль бросил якорь на Санта-Круцском рейде. Восторженному взору юноши предстал величественный Рио-де-Жанейро.

Вознесенскому повезло. Этолин и Кадников были заняты переговорами с бразильскими судостроителями о приобретении судна для Компании. У юного путешественника оказались три свободные недели. Он использовал их для знакомства с бразильской столицей и ее окрестностями.

¹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 27, л. 6.

² Там же, д. 38, л. 1 и д. 39, л. 1—4.

³ Там же, д. 37, л. 3—4.

Прежде всего он осмотрел город и опять-таки сделал закупки необходимых вещей. В частности, Вознесенский приобрел всевозможные аптечные препараты, ареометр, 23 бутылки спирту, некоторые недостающие таблицы, сургуч, чернила, а также товары для обмена с местными жителями: табак, корольки, тесьму, стеклярус и т. п. Наконец, он смог приобрести и первые экспонаты для зоологической коллекции — черных раков, попугая жако, птиц колибри и др.⁴ Большую помощь в этих делах ему оказали русский посланник С. Г. Ломоносов и натуралист Риддель. С последним Вознесенский осмотрел местные музеи и Ботанический сад. Риддель помог ему и в организации экскурсий в окрестности Рио-де-Жанейро.

Прошли дожди, и вокруг благоухала пышная растительность. Вознесенский много времени проводил на берегу океана, собирая растения, отлавливая животных. Не обошлось и без происшествий. Об одном из них Вознесенский даже писал в своем дневнике:

«Первоначальные зоологические мои поиски во время кругосветного плавания начались с роскошных окрестностей Рио-Жанейро, где я едва было не лишился жизни. Однажды, занимаясь охотой на островке Ратас, я увидел небольшого зверя, который удалялся от меня очень медленно; ружье мое оставалось по другую сторону острова в лодке, а в руках на этот раз у меня ничего не было, кроме рукоятки от мешка, коим ловил я тут насекомых; рассчитывая на быстроту своих ног, я опрометью пустился за зверем, торопившимся скрыться в камнях на краю берега; догоняя предмет моего преследования, я кинул в него палкою и в этот же момент с разбегу, поскользнувшись, упал с камня в море. Искусству плавания я не научился и не знал тогда — подать помощь спасения было некому. Я был один, к счастью, прилив волны, в которую я погрузился, пошел к берегу, меня бросило к скале, и я уцепился в отвесном камне за кораллы, но вылезти не мог, оттого что не находилось под ногами опорной точки, я висел несколько минут, как улитка; волны то поднимали, то отрывали меня от спасительного утеса. Сбравшись с силами и осмотревшись, я переменил злополучное положение свое — ухватился за более надежный камень,

⁴ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 38, л. 2 и д. 39, л. 5—6.

высовывавшийся из скалы и, к счастью, в то же время мог опереться ногами и таким образом вылезти на берег»⁵.

Переговоры А. К. Этолина с бразильскими судостроителями завершились покупкой брига водоизмещением 190 т, названного «Великим князем Константином». (В 1846 г. А. М. Гаврилов по поручению Российско-Американской компании именно на этом судне совершил плавание в устье р. Амур.) 24 декабря «Николай I» и «Константин» покинули рейд Санта-Круц, держа курс на юг, к мысу Горн.

Спокойное плавание вдоль атлантических берегов Южной Америки сменилось штормовыми ветрами. Повеяло холодом от недалекой Антарктиды. Экипажам «Николая I» и «Константина» так и не пришлось полюбоваться суровой красотой и величием скал самого южного, известного печальной славой мыса Американского континента. В тревожных буднях встретили они и новый 1840 г.

Обойдя мыс Горн, корабли вошли в Тихий океан. Вскоре они шли уже вдоль красивых берегов Чили и 16 января благополучно прибыли в порт Вальпараисо. Стоянка затянулась: пришлось много чиниться, особенно на «Константине», впервые испытавшем бурное плавание.

Для Вознесенского длительная остановка оказалась весьма полезной. Впоследствии он вспоминал: «В Хили (Чили.— А. А.) я имел случай сделать больше приобретений по части натуральной истории, потому что нашел себе ученых спутников: д-ра Сольберга и пастора Сигнеуса, жаждавших также собиранием естественных коллекций, с которыми, заблаговременно согласившись определить некоторую сумму денег, служившую нам средством предпринять недалекую поездку во внутренность страны, жить на берегу — покойно использовать время на наши занятия»⁶.

Ознакомившись с достопримечательностями Вальпараисо, Вознесенский вместе со своими новыми знакомыми отправились в Кильоту, расположенную недалеко от порта. Здесь путешественники сняли «квартиру с освещением у г-на Гёца за 4 реала в сутки».

⁵ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 27, л. 2 об.

⁶ Там же, л. 2 об.

Вознесенский пользовался каждой свободной минутой, чтобы познакомиться с Кильотой. Ежедневно верхом на лошади в сопровождении проводника совершал он экскурсии и по окрестностям города. За десять дней он побывал во многих местах. Об этом, в частности, свидетельствуют и записи в его книге «по счетной части». Под заголовком «Расход во время пребывания моего в Кильоте с 5 и по 15 февраля»⁷ читаем: «5 — проводнику, 8 — за живую собаку для травли кондоров, 19 — проводникам на Колокольную гору, 14 — покупал в магазине 2 пары серебряных серег, 15 медных колец, порохов... 15-го — г-ну Гёцу за 10-дневный наем квартиры... В Альмендраме за прописку билета таможенным приставам 2 реала. Продавцу и доставщику из Кильоты вьюка на одном муле до Вальпараисо... За шлюпки для провозу вещей из Кильоты, за лошадь для Кильотской экспедиции (12 дней — 12 пиастров)...»⁸

Вознесенский накупил в Чили множество товаров, которые намеревался использовать для меновой торговли в Русской Америке. Его коллекции пополнились чучелами кондора, цапли, утки, фламинго, альбатросов, колибри. К сожалению, Вознесенский испытывал недостаток в средствах. В наброске проекта предварительного отчета о своем путешествии отметил, что деньги на путешествие в Кильоту и покупку некоторых вещей взяты в долг у доктора Сольберга⁹.

Последний переход, к берегам Русской Америки, длился долго — с 22 февраля по 1 мая 1840 г. Корабли вошли в тропики, пересекли экватор. Во время плавания Вознесенский много читал, беседовал с бывальыми людьми, учился у них «морской науке». Экипаж хорошо относился к молодому натуралисту. Многие помогали ему чем могли. «Матрос Баранов сделал мне сеть на железном обруче для ловления моллюсков и пр[очих] морских животных, — писал он 1 марта. — Первая сеть, сделанная Ключевым, затеряна в Рио-Жайнеро»¹⁰.

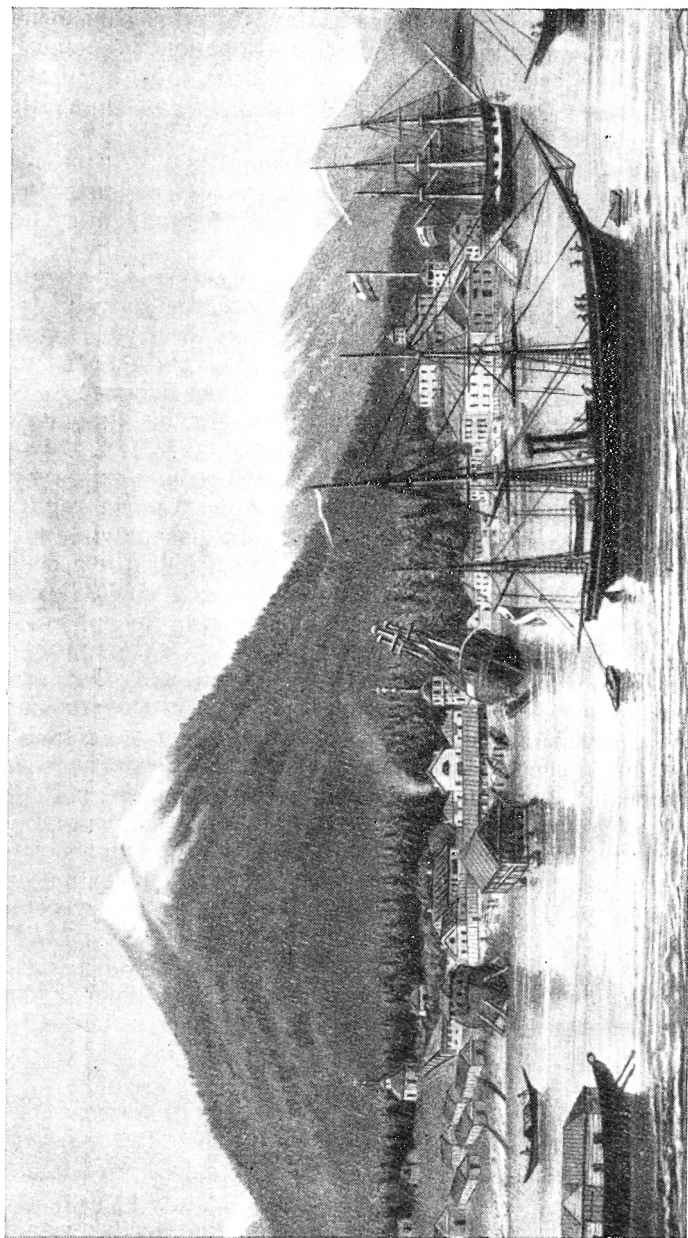
Настал долгожданный миг: 1 мая 1840 г. вдали показалась вершина горы Эджкомб. Участники похода высыпали на палубу. Вскоре должен был появиться и остров

⁷ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 39, л. 7.

⁸ Там же, л. 8.

⁹ Там же, д. 27, л. 6 об.

¹⁰ Там же, д. 37, л. 4 об. — 5 об.

Общий вид Ново-Архангельска. Рис. И. Г. Вознесенского

Ситха, на котором располагался Ново-Архангельск, основанный легендарным Александром Барановым, первым Правителем Русской Америки, достойным преемником и продолжателем дела Колумба Росского — Григория Шелихова.

На пристани прибывших встречал Иван Антонович Купреянов, много сделавший для развития научных исследований в Русской Америке и принимавший активное участие в гидрографических работах.

Как уже отмечалось, в 30—40-х годах среди ученых России возник усиленный интерес к естественному изучению Русской Америки, причем не только этнографическому¹¹, но и общегеографическому. Главную роль в этих исследованиях по-прежнему играли морские офицеры, состоящие на службе Российско-Американской компании, и особенно М. Д. Тебенъков, Л. А. Загоскин, Д. Ф. Зарембо, Р. Г. Машин, А. М. Гаврилов. Плодотворно трудились в этом крае первооткрыватель золота на Аляске горный инженер П. П. Дорошин, врач Э. Блашке, начальник форта Росс А. Г. Ротчев. С ними и многими другими россиянами — А. Ф. Кашеваровым, архиепископом И. Е. Вениаминовым — Илья Вознесенский познакомится за время своего пребывания в Русской Америке.

Купреянов был рад приезду Вознесенского. Посланцу Академии наук отвели квартиру на берегу Ситхинского залива и сразу же загрузили работой. Дело в том, что Купреянов в свое время сделал богатые зоологические, ботанические и этнографические сборы. Теперь, возвращаясь в Россию на корабле «Николай I», он поручил Вознесенскому подготовить коллекции к транспортировке морем. Юноша горячо взялся за дело, работал буквально от зари до зари. У него не хватало времени и написание подробного отчета Ф. Ф. Брандту. Лишь 26 мая наконец взялся за перо¹².

Вознесенский очень тепло отзывался о Купреянове: «...я должен с почтительной благодарностью вспомнить о

¹¹ Степанова М. В. И. Вениаминов как этнограф.— «Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая». Нов. сер. М.—Л., 1947, т. 2, с. 295.

¹² Ляпунова Р. Г. Экспедиция И. Г. Вознесенского и ее значение для этнографии Русской Америки.— В сб.: МАЭ. Л., 1967, т. 24, с. 12.

лестном внимании, оказанном мне контр-адмиралом г. Купреяновым 1-м, кончавшим в то время свое управление колониями. В течение пяти лет его превосходительство г. Купреянов собирал из разных мест Северо-Западной Америки большую коллекцию зоологических и этнографических предметов... которую я по просьбе его превосходительства в Ново-Архангельске пересмотрел — привел в порядок — составил каталоги и уложил. Незавидное занятие это было для меня весьма полезно, ибо я на будущее время ознакомился с предметами, которые составляли главную цель моих занятий. В управление г. Купреянова мне даны были два малолетних креола, выбранные из Ново-Архангельского училища для обучения их искусству препарации. Один из них оказался к этим занятиям не способен, другой же (Дружинин) при природных дарованиях был деятелен, остался при мне и по утверждении на том г. Этолина сопутствовал со мною во все время моего путешествия по колониям»¹³.

Необходимо отметить, что и Этолин, сменивший Купреянова, весьма внимательно относился к занятиям Вознесенского. В своем отчете молодой натуралист писал: «Состоя под особенным покровительством Главного правителя колоний ныне контр-адмирала г-на Этолина, давшего мне все зависящие от него средства, радушно оказывая во всех случаях необходимые пособия в течение всего моего пребывания и 5-летнего правления г-ном Этолиным тех мест»¹⁴.

Несмотря на свою занятость, Вознесенский находил время для экскурсий в окрестности Ново-Архангельска, знакомства с местными жителями. На байдаре он плавал у берегов Ситхи, побывав даже на Японском острове, ознакомился с тремя фарватерами — Восточным, Средним и Западным, ведущими в Ново-Архангельский порт. Интересной была поездка на озеро Лебяжье. И отовсюду Вознесенский привозил богатые трофеи.

Во время разбора купреяновских коллекций он познакомился с доктором Эдуардом Блашке, автором книги о Ново-Архангельске (с медицинским уклоном), в которой был помещен один из редких планов Ново-Архангельска

¹³ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 27, л. 4.

¹⁴ Там же, л. 3 об.

и порта¹⁵. План этот снимал лейтенант Ростислав Григорьевич Машин. Впоследствии Вознесенский неоднократно встречался с ним во время путешествий по Камчатке. Познакомился он и со знаменитым штурманом Александром Антоновичем Халезовым, с 1835 г. служившим в Русской Америке, и со Степаном Васильевичем Воеводским, новым командиром «Николая I» — корабля, на котором в Петербург отплывали Блашке, Машин и Халезов.

Особенно крепко сдружился Вознесенский с Лаврентием Алексеевичем Загоскиным. Последний уже тогда просил Главного правителя о назначении начальником экспедиции «при описи неизвестных нам стран, если то сочтется по соображениям Главного правления»¹⁶. Загоскин учился у Вознесенского искусству препарирования.

Часто заходил к нему и горный инженер Петр Петрович Дорошин. Новые знакомые говорили о многом. И в первую очередь разговор касался землетрясения в Кенайской губе, во время которого в строениях Николаевского редута обрушились трубы и развалились печи.

Поручение Купреянова было выполнено. Сделав некоторые закупки в Ново-Архангельске, Вознесенский начал путешествие по Русской Америке. Его путь лежал в Калифорнию. Но прежде чем сесть на идущий туда корабль, он упаковал и погрузил на транспорт «Николай I» очередную посылку в Академию наук.

¹⁵ *Blaschke Ed.* Topographia Medica portus Novi-Archangelscensis... Petropoli, 1842.

¹⁶ *Загоскин Л. А.* Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Л. Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах. СПб., 1847, ч. I, с. 10—11.

Глава третья

В Калифорнии

7 июля 1840 г. Вознесенский на трехмачтовом судне «Елена», которым командовал Н. К. Кадников, отправился в Северную Калифорнию — один из пунктов программы его путешествия. В течение 13 дней корабль плыл вдоль берегов, которые однажды уже видел Вознесенский. Совсем близко прошли от острова Ванкувер (Квадра Ванкувер), открытого испанцем Хуаном Франсиском де ла Бодега Квадрой в 1774 г. и в 1792 г. нанесенного на карту англичанином Джорджем Ванкувером. В заливе Бодега, названном по имени испанского мореплавателя, в свое время русские основали порт Румянцева. Здесь 20 июля Вознесенский сошел на берег. В 18 милях южнее находились селение и крепость Росс.

Почти все время, пока корабль стоял в заливе, исследователь проводил на берегу в экскурсиях, восхищаясь богатством растительного мира, разнообразием птичьего царства. Но вот пришло время «Елене» уходить. Вознесенский свез на берег несколько ящиков с новейшими приобретениями и 30 июля отправился в форт Росс. По дороге он посетил два ранчо — Афанасия Черных и Петра Костромитинова — и сделал остановку у устья р. Славянка.

Ранчо Афанасия Черных, расположенное у Русского ущелья, как раз на полпути от порта Румянцева до р. Славянка, было основано в 1833 г. К моменту посещения его Вознесенским здесь имелись казарма, в которой было шесть комнат, кухня, баня, склад и два дома для припасов, два парника, настил для веяния пшеницы, виноградник с двумя тысячами лоз. Вся обрабатываемая земля, где выращивались пшеница, бобы, лук и т. п., была

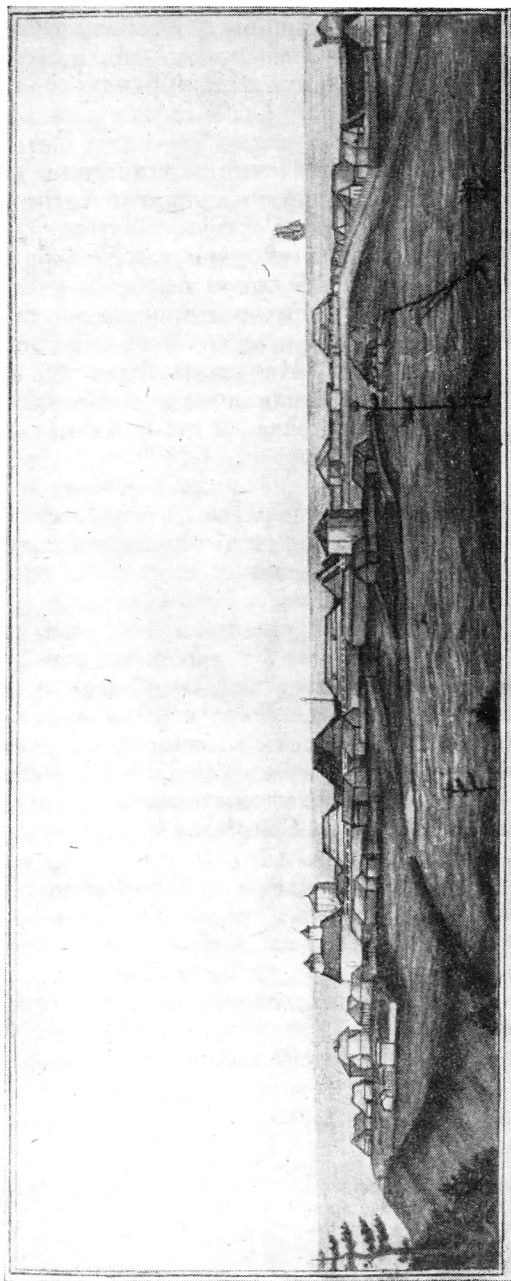
огорожена. По мнению Вознесенского, ее хватило бы для посева 50 фанег пшеницы (фанага — испанская мера сыпучих тел, равная 55,5 л).

Сохранился доклад А. Черных конторе селения Росс «Об успехах работ на Новой ранче и Долине близ Бодеги за генварь 1839 года». Из него видно, что на «Новой ранче» работало трое русских, двое креолов и двое индейцев. Перечислялись и работы, которые они выполняли в течение месяца: «Из числа русских 1 с 1 креолом постоянно находился при делании гряд и покрышек для рассад, при сеянии и поливке рассад, при делании под семенные садушки досчаного пола для безопасности от хомяков. Они же исправляли должность повара и бакера. Другой креол был болен. Остальные двое русских с двумя индейцами 5 дней находились при набивке парника и добывании досок для его покрышки; потом в течение 20 дней вспахали 3¹/₂... десятины земли: 1 нови и 2¹/₂ старой земли. Кроме сего под виноградные лозы выкопано 510 ям, из коих 260 засажены». Более подробные данные приводятся в докладе по основной усадьбе — в долине р. Бодега, где работало 12 русских, 3 креола, 2 алеута и 18 индейцев — всего 35 человек, среди которых были и сеяльщики, и боронильщики, и сошный мастер, и повар, и даже «стрелец — 1 алеут — промышлял диких коз и изюбров для пищи индейцам»¹.

Форт Росс, основанный в 1812 г. сподвижником А. А. Баранова — И. А. Кусковым, доживал последние дни — русские готовились покинуть это селение и крепость.

Тем важнее было для Вознесенского как можно плодотворнее использовать время пребывания в форте. И он сделал все, что мог. Впоследствии в отчете Вознесенский писал: «С переселением в форт Росс при усерднейшем содействии и при всех средствах со стороны бывшего тогда правителем конторы и селений в Калифорнии г-на Ротчева началась богатая жатва приобретений по всем отраслям естествознания. В непродолжительное время я приготовил для отсылки в музеумы Импер[аторской] Академии наук 15 мест (13 ящиков с разнородными предметами натур[альной] истории с приложением вещей

¹ Бломквист Е. А. Рисунки И. Г. Вознесенского. — В сб.: МАЭ, Л., 1951, т. 13, с. 244—245; Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 6/6, л. 28 об. — 29.

Селение Росс. Рис. И. Г. Вознесенского

этнографических, из коих три были с собранными в Ситхе, и два бочонка с мягкотелыми животными в спирту). Посылки эти погружены были в С.-Франциско на кругосветный корабль «Николай I» 16 октября на возвратном плавании его от Ситхи в Россию»².

В форте Росс путешественника встретили и оказали самое внимательное содействие супруги Александр Гаврилович и Елена Павловна Ротчевы. Благодаря их теплому участию Вознесенский получил самые хорошие условия для научной работы. В одном из писем к Брандту он писал об этом: «...от первого дня приезда моего и до последнего я никогда не был отвлекаем от занятий моих хозяйственными заботами... Мне даны были все роды полезных средств и случаев для моих работ и экскурсий от г-на Ротчева, что, думаю, едва ли где подобные найти ему могу»³.

«Пребывание мое в Калифорнии,— писал он в другом письме,— продолжится до первого весеннего судна из Ситхи — слышно, что суда будут в следующем году в Калифорнию ходить несколько раз по случаю уничтожения селения Росс, то я считаю не за очень нужное торопиться из-под ясного неба Калифорнии на холодный север, где труд мой едва ли так будет успешен, как здесь»⁴.

Во время своих путешествий по Северной Калифорнии, совершенных из форта Росс и от залива Сан-Франциско, Вознесенский побывал во многих пунктах побережья, посетил испанские селения, ранчо. При этом он много рисовал и даже пытался составлять от руки планы местностей вблизи залива Сан-Франциско и впадающих в него рек и речек.

Незадолго до своего отъезда в Сан-Франциско Вознесенский совершил одну из интереснейших экскурсий на север — к мысу Мендосино. Исследователь провел несколько дней в горах среди дремучих лесов, где росли исполинские сосны — чаги и величественные кедры. «Чтобы судить о величине лесов в Сев. Калифорнии,— отмечал Вознесенский,— я выпишу несколько слов из моих наблю-

² Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 27, л. 4 об.— 5.

³ См.: *Липшиц Б. А.* Этнографические материалы по Северо-Западной Америке в архиве И. Г. Вознесенского.— *Изв. Всесоюз. геогр. о-ва*, 1950, т. 82, вып. 4, с. 416—417.

⁴ См. *Бломквист Е. А.* Рисунки И. Г. Вознесенского, с. 239.

дений: 1) срубленный кедр, который в отрубе имел от земли 2 аршина, вышина была 77 аршин, ветви начинались от корня на 20 аршин; 2) другого кедра вышина была 73 аршина, отруб от корня был 1 аршин и 2 вершка; первого ветви от засеки начинались на 44-аршинном расстоянии, диаметр отвала был 2 аршина; 3) чага, по измерении длины, оказалась от земли до вершины 178 фут[ов], диаметр 7 фут[ов]; 4) длина 201 фут, в диаметре 7½ фут[а]; 5) я видел одну сосну, вершина которой была сломана ветром, и когда оную срубили, то в отрубе от земли на 2 аршина диаметр толщины были 11 фут[ов] и 4 дюйма. Таковые-то леса укрывают племена индейцев Нового Альбиона, которые скитаются подобно зверям за защитой непроницаемых тущоб, удалившись от порабощения испанцев»⁵.

23 октября 1840 г. Вознесенский с Ротчевым верхом на лошадях перебрались из форта Росс в залив Сан-Франциско. По прибытии в Сан-Рафаэль они наняли байдары и вскоре уже были в Эрба Буэне. Однако здесь оказалось не так-то легко найти подходящее жилье. Пришлось на первых порах пристроиться на транспорте «Николай I», готовящемся к отплытию в Кронштадт. Вознесенский снова оказался в той же каюте, в которой проделал полукругосветное путешествие. «Я приютился,— записал он в дневнике,— в каюте у почтенного спутника Варлама Егоровича Сергеева, в той самой каюте, где я жил 8 месяцев в плавание кор[абля] «Николай» от Кронштадта в Ситху, и ложем моим служило то же самое место, как и тогда»⁶.

После ухода транспорта Вознесенский переехал в дом капитана порта А. Ричардсона, где уже жил верный спутник путешественника Филат Дружинин. Ричардсон «уступил мне свою залу в роде худого сарая, а стол готовит Пономарев (служитель Компании.— А. А.) с 2 ноября»,— записал в дневнике Вознесенский⁷.

26 октября Вознесенский отправился вместе с Сергеевым на баркасе в миссию Санта-Клара, расположенную на юге залива Сан-Франциско. Плавание по заливу длилось три дня. На обратном пути они останавливались и в миссии Сан-Пуэбло. Во время плаванья баркас неоднократно

⁵ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 27, л. 5—5 об.

⁶ Там же, д. 1/2, л. 4.

⁷ Там же.

попадал под ливневые дожди и многие бумаги Вознесенского промокли. По возвращении на корабль ему пришлось заново делать опись коллекции Купреянова и вещей, которые он посылал в академию.

Спустя некоторое время после отплытия транспорта Вознесенский с Дружининым перебрались в дом, построенный Компанией рядом с домом французского эмигранта Виктора Прюдона, содержавшего в районе Эрба Буэны лавку и трактир.

Вопрос с жильем улажен, и путешественник полностью отдается любимой работе. Пользуясь предоставленным ему баркасом, он посещает многие места побережья. Так, 27 ноября он побывал на противоположном берегу залива в миссии Сан-Антонио⁸.

28 ноября 1840 г. в залив вошел корабль «Елена» и бросил якорь напротив Эрба Буэны. Командир Н. Кадников рассказал Вознесенскому о тяжелом переходе от Ситхи до Сан-Франциско, длившемся 32 дня. На 40-й параллели судно попало в жесточайший шторм, изорвавший в клочья зарифленные паруса. К счастью, не пострадал рангоут.

6 декабря Вознесенский присутствовал на рождественском приеме, устроенном командиром «Елены». В числе приглашенных были Ричардсон, Прюдон и все русские проживающие в Эрба Буэне. В завершение вечера участники приема, «чувствуя в голове своей более или менее веселое брожение», верхом на лошадях поехали в крепость.

И снова потекли рабочие будни. Вознесенский охотился, занимался препарированием, составлял каталоги, проводил первичную обработку коллекций, готовил их к отправлению. «Елена» в феврале должна была уйти в Ситху, и путешественник спешил подготовить новую посылку для Академии наук — большую партию птиц, животных, рыб, рассортированных по видам и «с указанием — российские они или местные»⁹.

В записных книжках Вознесенского появляется много интересных записей, касающихся его пребывания в Русской Америке. «Калифорнийский лавр, — отмечает он, — цветет с первыми дождями в ноябре месяце. Мною сорва-

⁸ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 1/1, л. 9 об.

⁹ Там же, д. 30, л. 1—18.

но несколько ветвей с сего дерева в бытность мою в Сан-Пабло (Сан-Пуэбло.— А. А.) на берегу небольшой речки, но шумной, стекающей по глинистому грунту»¹⁰. В другом месте он записывает интересную деталь из жизни птиц: «Крик дятла, у которого затылок украшен красными перьями, походит на щебетанье сороки. Это в то время, когда он перелетывает с одного места на другое»¹¹. Еще через две страницы идет запись о быте местных индейцев: «Я первый раз видел, как индейцы ездят в байдарах, или, лучше сказать, на камышовых лодках, человек по 7 в одной. На взгляд, это куча камыша, связанного одним и тем же материалом; передняя часть этого плота острая, что может уподобляться носу. Гребут по двое и по одному в каждой лодке. Гребки сделаны из довольно длинной палки, на конце повязаны поперек камышовые палки, что в виде лопатки (а не весла)»¹².

Незаметно пролетели четыре месяца. Они оказались успешными. По словам Вознесенского, «коллекции ежедневно обогащались новыми приобретениями; в эти четыре месяца я посетил многие окрестности залива: на южной стороне миссию St. Clara и Pueblo; на восточной — St. Leonardo, St. Antonio, St. Paulo и Pionoli; на северной — Napa, Petaluma Sonoma (резиденция военного генерал-губернатора Верхней Калифорнии); к западу — миссию S'Fransisco, мыс Drago, Sansotito, островки Los Ancheles, Elontrusies и другие»¹³.

Время пребывания Вознесенского в Северной Калифорнии совпало с печальным событием в жизни Российско-Американской компании. Исследователь стал свидетелем последних дней форта Росс. Дело в том, что 15 апреля 1839 г. правительство России, как уже говорилось, приняло решение о ликвидации этого легендарного русского поселения.

В течение двух лет из форта Росс в Ситху вывозилось все, что можно. Оставшееся недвижимое имущество и скот были проданы в рассрочку за 30 тыс. пиастров уроженцу Швейцарии, мексиканскому подданному Дж. Суттеру (Саттер).

¹⁰ Там же, д. 1/1, л. 18 об.

¹¹ Там же.

¹² Там же, л. 21.

¹³ Там же, ф. 2, оп. 1839, д. 9, л. 91 об.— 92.

А. Г. Ротчев посоветовал Вознесенскому побывать в имении Суттера — Новой Гельвеции, расположенном в долине р. Сакраменто. 20 февраля Вознесенский отправился туда на лодке. Исследователь был радушно принят Суттером и «все время (до 2 апреля.— А. А.) жил с ним под убогою кровлею его хижины. Сопутствуя г. Суттеру по отведенной тогда ему земле мексиканским правительством я доезжал с ним до Трех Вершинных гор, несколько раз переправлялись вброд и ночи проводили на золотых (ныне) реках... На этих местах я нашел много разнородных предметов натуральной истории и при содействии капитана Суттера приобрел довольно редкие вещи по части этнографии. При этом считаю не лишним сказать, что река Сакраменто очень изобилует порою рыб: осетрами, лососью и пр., образцы которых посланы были в Зоологический музей Академии. Берега ее густо поросли несколькими видами дуба, лаврового дерева и других»¹⁴. Особенно расширились его коллекции змей и черепах.

В дневниках Вознесенского имеется много интересных записей, касающихся жизни индейцев. Так, в одном месте он пишет: «Когда я привез с Рио-Сакраменто индийские костюмы: моллок и кукшуй, то индейцы, видевшие оные, в сильном были страхе и удивлялись, как могу я держать в комнате подобную вещь, как кукшуй, в котором обитает сам сатана: они потом считали меня шаманом»¹⁵. Любопытна запись о прическах местных жителей: «Индийцы, женщины и мужчины, носят волосы весьма длинные, которые одни подбирают вверх и завязывают на макушке либо на темечке. Большая часть — носят распущенные по шее»¹⁶.

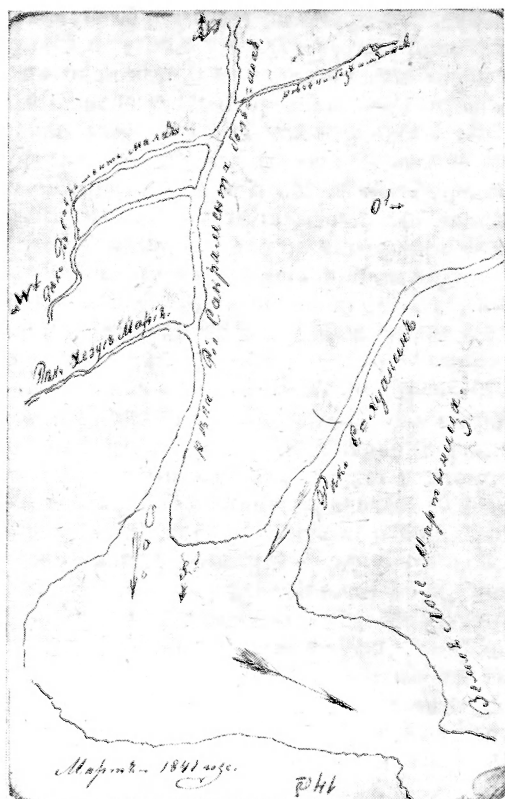
Сохранился план залива Сан-Франциско с бассейном впадающих в него рек Сакраменто и Хуакин. Этот чертеж сделан Вознесенским в марте 1841 г. В дневниках путешественника есть указания и на другие карты и планы этого района, которые пока не удалось обнаружить.

Вознесенского интересует и история Сан-Франциско. Так, в записи от 25 марта он сообщает: «...Хуакин — утес, на котором стоит батарея, защищающая выход в залив

¹⁴ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 28, л. 3.

¹⁵ Там же, д. 1/2, л. 8.

¹⁶ Там же, д. 1/3, л. 3 об.

Карта-схема бассейна реки Сакраменто. Март 1841 г.
Рис. И. Г. Вознесенского

С.-Франциско, русские называют его Батарейным мысом. Когда входилъ в залив, то онъ лежит на SO. На сем месте построена крепостца, древность которой, по словам капитана, над портом достигает не далее 32 лет, поэтому сооружение оной было в 1808 году»¹⁷. По его словам, «в президии Сан-Франциско уже лет 20 тому назад считалось около трехсот человек жителей, а Эрба Буэна стала застраиваться лишь 8—10 лет тому назад». Вознесенский

¹⁷ Там же, д 1/2, л. 9 об.

приводит и русское значение слов «Эрба-Буэна» — «места травы», «хорошая трава».

Вскоре после посещения Сан-Франциско он вновь перебрался в форт Росс. 11 апреля Вознесенский записал в дневнике: «За верховую лошадь с двумя заводными от миссии С.-Рафаэль до долины Хлебникова бакеру индейцу заплачено 12 рублей»¹⁸. По приезде в форт путешественнику пришлось «заняться приготовлением к укладке естеств[енных] предметов и всего другого, которых накопилось тогда весьма большое количество»¹⁹.

А. Г. Ротчев выделил в помощь Вознесенскому бакера Степана Колесникова. Илья Гаврилович дал последнему свое двустольное ружье, ягдташ, порох, дробь, фитиль. И вскоре Колесников буквально завалил его птицами. Ротчев подарил ему пойманного бурундука, с р. Славянка Вознесенскому прислали дикую козу. Препаратору из Петербурга помогали и дети русских промышленников. Так, однажды дети Чеченева доставили ему из лайды двух живых морских ежей и морскую звезду. 23 апреля Вознесенский записал, что Андрей Мунин принес змею «из рода боа и скелет дикой кошки».

В течение мая и июня Вознесенский путешествовал по долине Славянки. Он прошел реку на всем ее протяжении, охотился за изюбрами в степях, а 16 июня даже совершил восхождение «на одну из высочайших гор (S. Cheleha), на вершине которой тогда еще никому не случалось быть»²⁰. 19 июня Илья Вознесенский будничной работой в долине р. Славянка отметил свое 25-летие.

В июле 1841 г. русский форт Росс перестал существовать. Его население перебралось в порт Румянцева (залив Бодега) и ожидало прихода судна из Ситхи. Вознесенский в это время находился в долине Хлебникова, совершая многочисленные экскурсии. 5 сентября он вместе с жителями Росса на бриге «Елена» отправился на Ситху. На этот раз кораблем командовал Лаврентий Алексеевич Загоскин, готовившийся к экспедиции по внутренним районам Аляски. Он тепло встретил представителя академии, помог разместить его многочисленные коллекции.

4 октября после утомительного морского перехода ко-

¹⁸ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 38, л. 8 об.

¹⁹ Там же, д. 28, л. 3 об.

²⁰ Там же, л. 3.

рабль прибыл в Ново-Архангельск. Здесь Вознесенского ждали письма из России. Среди них — письмо от Брандта, датированное 17 марта 1841 г., с описанием дальнейших маршрутов Вознесенского. «Если ты теперь еще находишься поблизости[от] Ситхи или в самой Ситхе,— писал академик,— то ты в первом случае должен отправиться на Алеутские острова и на один из сих островов, лежащий между Америкой и Камчаткою, о котором известно, что он изобилует животными и растениями, например Уналашке, Адше (Адхе.— А. А.) и других следственных островов. Положение географическое сего острова должно быть такое, что легко можно отправиться в Камчатку или на остров Берингов. На упомянутых Алеутских островах останешься на будущее, 1842- года лето. Потом отправившись в Камчатку для исследования Камчатки и Берингова острова, на коих местах можешь провести еще другое лето, что будет в 1843 году» ²¹.

Вознесенский намеревался провести зиму в Ново-Архангельске, а летом выполнить предписание Брандта. Он уже начал обработку богатого калифорнийского материала, когда А. К. Этолин предложил ему заманчивое предприятие — отправиться в Южную Калифорнию на корабле «Наследник Александр», которым командовал лейтенант Бертрам. Судно шло в Калифорнийский залив за солью, добывавшейся из соленых озер острова Кармел. Раз в три года из Ново-Архангельска сюда приходил русский корабль и загружался солью, за которую испанцам платили установленную пошлину — полреала за арробу (арроба = 11,5 кг).

Вознесенский немедленно согласился и, отложив обработку сборов, перебрался на парусник.

23 ноября 1841 г. пароход «Николай» взял на буксир «Наследника Александра» и повел его средним фарватером с Ново-Архангельского рейда. У острова Куличок корабль встал под паруса и, обменявшись салютом с буксиром, при ясной морозной погоде начал плавание ²². Оно было обычным, если не считать сильных туманов, частых штормов и холодных дней. Утром 9 декабря подул норд-вестовый пассат и разогнал мглу. На следующий день Вознесенский записал в дневнике, «что с того дня, как

²¹ Там же, д. 36, л. 4—4 об.

²² Там же, д. 1/10, л. 11.

вышли из г. Ситхи, и по сие число мы не имели еще ни одного такого прекрасного теплого дня, каков был сегодня»²³. Корабль быстро бежал под тугими парусами — за сутки прошли 176 миль.

Следующий день был еще погожее. Матросы смогли заняться уборкой судна — мытьем палубы и бортов. Все радовались отличной погоде. 14 декабря Илья Гаврилович записал: «Первый день, когда я расстался с теплым нагрудником, шерстяными носками и бараньей шапкою»²⁴.

Под утро 15 декабря «Наследник Александр» уже шел мимо острова Гваделупа. Воскресенский описал его восточную часть. Он и в плавании не прекращал наблюдений, много записывал. Так, в те дни в его дневнике появилась следующая запись: «Великое множество морской капусты несет мимо бортов огромными плотами»²⁵. Вечером 16 декабря открылся мыс Лазаря. На следующее утро, по словам путешественника, вокруг корабля появилось множество чаек, фрегатов, а в воде плавали морские черепахи.

19 декабря вдали проступили берега Калифорнии, и вскоре судно пересекло тропик Рака. Вознесенский подметил разницу в цвете воды при входе в Калифорнийский залив: «Цвет воды изменился, в океане был голубой, а теперь в заливе Калифорнийском — зеленовато-серый. Я заметил в кругосветном плавании, в плавании в Северную Калифорнию и теперь в Южной Калифорнии, что там, где цвет воды имеет вышесказанный колорит, который бывает преимущественно в заливах, проливах, бухтах, вода сильно ночью светится»²⁶.

25 декабря корабль встал на якорь у острова Кармел. И на следующий день Вознесенский с помощником штурмана Архимандритовым и 12 матросами побывал на Кармеле. Лейтенант Бертрам выдал Вознесенскому 10 пиастров и предоставил ему свободу действий на все время стоянки «Наследника Александра» в Калифорнийском заливе. Вознесенский с большим удовлетворением наблюдал на острове за белоголовыми фрегатами. «Я каждого пересмотрел в трубу, — писал он в своем дневнике, — и не

²³ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 1/4, л. 3.

²⁴ Там же, л. 6.

²⁵ Там же, л. 8 об.

²⁶ Там же, л. 15 об.

заметил между ними другого вида, кроме как белоголовые. Прочая часть тела вся черная как смоль; хвост длинный и развилистый. Летаёт очень гордо, и быстро, и высоко»²⁷.

Ночью 26 декабря, оставив на острове группу матросов и промышленников для добычи соли, корабль отправился в Лоретту и вскоре уже был вблизи цели: «В 12 часов пополудни,— писал Вознесенский,— мы завидели в трубы — остроглазые креолы без вспомогательных средств, простыми глазами — сначала купол Лореттской церкви и вершины зонтичных пальм, потом открывалась площадь, обстроенная довольно высокими плоскостышными домами. В исходе 1-го часа якорь загремел из бухты во второй раз, и мы остановились на глубине 11 сажень, почти пред Лореттою, в расстоянии от берега на четверть часа в езде. В ту же минуту спустили гичку. Капитан, суперкарго и я отправились на берег по-тропически, т. е. под тентом; четыре гребца в красных рубашках (из креолов) ловко взмахнули веслами, быстро подлетели к берегу и по камням с буруном вкатились в песчаную лайдду. Несколько человек испанцев с дюжиною до трех ребятшек ожидали уже нас на берегу, столпившись в кучу. Впереди всех стоял толстый преклонный человек в форменном мундире, шитом серебром, и с красными лампасами на панталонах, в мексиканской обыкновенной шляпе. Матросы вынесли нас из гички на руках, и мы тотчас окружены были донами и сеньорами всех возможных имен, которые, держа в левой руке папильотку (папирску.— А. А.), как будто хотели нас запалить, а правую рукою отодвинули свои сомбреро на затылок»²⁸.

На берегах Калифорнийского залива Вознесенский пробыл до 4 февраля 1842 г. Но за этот, казалось бы, небольшой срок он сделал очень много. Исследователь побывал почти во всех местах побережья — «посещал двукратно... Кармел, потом производил поиски между Лореттою, портом Эскондидо и окрестностями»²⁹. Из записей Вознесенского «по счетной части» видно, что в экскурсиях его сопровождали местные жители: так, 15 января он «нанял на пять суток лошадей в Эскондидо для

²⁷ Там же, л. 19.

²⁸ Там же, л. 20 об.— 21 об.

²⁹ Там же, ф. 2, оп. 1839, д. 9, л. 93 об.— 94.

путешествия в окрестности Лоретты и обратно в порт». Сопровождал путешественника индеец Карэрос. На острове Кармел он рассчитывался с американцем Томасом «за сопутствие во время моих экскурсий по острову Кармелю по горам и в Punta Lovo 24-го и 25-го числа»³⁰.

Время проходило незаметно. Вознесенский писал в дневнике: «Корабль нагружался солью быстро, ящики мои становились час от часу полнее, и наконец 4-го февраля 1842 года корабль «Наследник Александр» пустился в обратный путь из залива Калифорнийского и благополучно достиг Ситхи 19 марта 1842 г.» Корабль доставил трехлетний запас соли, а Вознесенский выгрузил на берег свой большой сбор: одних растений 113 видов в 360 образцах! Таков был итог большого путешествия И. Г. Вознесенского по Калифорнии.

Как уже говорилось, основной целью Вознесенского был сбор ботанических и зоологических коллекций. Однако записи в его дневнике свидетельствуют о том, что пытливый ум юного натуралиста интересовало многое. И в первую очередь роскошная природа Калифорнии, быт ее населения. Так, Вознесенский отметил как исключительный факт ношение бороды коренным населением Калифорнии. «Я видел в индейском племени тусуллесков на реке Сакраменто,— писал он,— одного индейца бородатого: средних лет...»³¹

Вознесенский был буквально очарован чудесными пейзажами, открывающимися его взору во время различных поездок. Вот как; например, он описал свой выход на баркасе из Сан-Франциско на ранчо Сан-Антонио в ноябре 1840 г.: «Якорь был поднят, мы тихо стали отходить от берега... Ночь была прелестная, полная луна катилась высоко по темно-голубому небу, прозрачные тучи быстро неслись и скрывали светлый лик спутницы нашей, которая простирала к нам блеск свой и сквозь завесу покрывала. Оба берега чернелись в равном почти один от другого расстоянии, огни в казах (домах.— А. А.) Гербо Буэны (Эрба Буэны.— А. А.) мелькали как метеоры; корабли, стоящие на якорях в заливе, казались уже не ог-

³⁰ Ляпунова Р. Г. Экспедиция И. Г. Вознесенского и ее значение для этнографии Русской Америки.— В сб.: МАЭ. Л., 1967, т. 24, с. 18.

³¹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 1/1, л. 7.

ромными гигантами, а маленькими корабликами; свет луны ударял на распущенные паруса их ... которые белели и блестели»³².

Да и само посещение ранчо описано путешественником ярко и выразительно: «Я ходил на ранчу владельца С.-Антонио, которая лежит верстах в 3-х от того места, где, приставши, был баркас наш. Усадьба эта гораздо лучшее имеет строение против ранчи Св. Павла, местоположение оной живописнее, большую красу придают окрестности два тенистых ручейка, которые вытекают из противоположных гор и впадают в бухту залива; несколько каз раскинуто по неровному месту, в середине дом владельца, довольно отличный против других домов, как и снаружи, так хорош равно и внутри по отличному порядку в домашнем обиходе...»³³

Большую научную ценность имеет художественное наследие Вознесенского. Среди его рисунков, дошедших до нас, значительное место занимают калифорнийские зарисовки. В этой связи интересны рисунки, изображающие ранчо Черных в Северной Калифорнии, форт Виктория на острове Ванкувер, а также редкие испанские зарисовки натуралиста. Именно благодаря Вознесенскому-рисовальщику можно представить, каким был форт Росс в последние годы своего существования.

Выше упоминалось о чертеже бассейна р. Сакраменто, сделанном Вознесенским. Сохранилась также рукописная карта р. Славянка, снятая им в мае 1841 г. Сравнительно небольшое количество физико-географических и картографических материалов среди всех работ, выполненных Вознесенским в Калифорнии, объясняется, по-видимому, требованиями Ф. Ф. Брандта собирать в первую очередь ботанические и зоологические коллекции. Но, несомненно, сыграло свою роль и исключительное богатство фауны и флоры Калифорнии, целиком поглотившее внимание путешественника и не оставившее ему времени для иных занятий.

³² «Американский ежегодник». М., «Наука», 1971, с. 318.

³³ Там же.

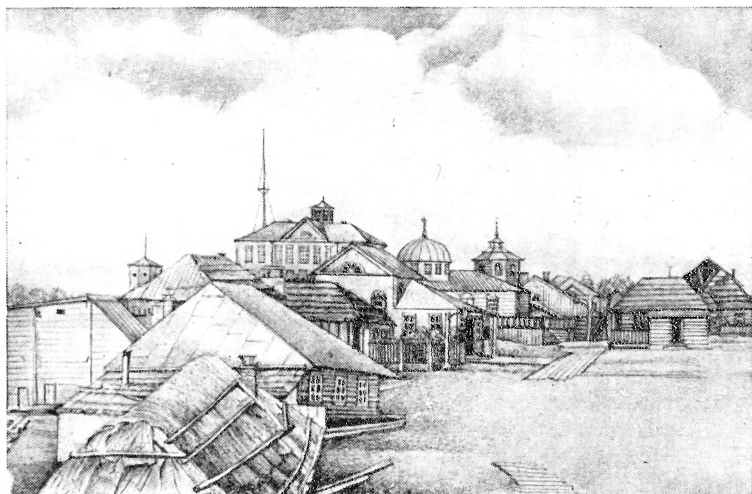
Глава четвертая

Кадык и Кенайский залив

Немногим больше трех месяцев провел Вознесенский в Ново-Архангельске после калифорнийского путешествия. Все это время он занимался обработкой новых коллекций. Их скопилось множество и теперь; пользуясь редкой возможностью, он готовил материал к отправке в Петербург.

В Ново-Архангельске Вознесенский снимал квартиру с отоплением в доме Черемного. Она обходилась ему недорого — 45 р. в месяц. Кроме того, приходилось платить за подготовку посылки в академию — колошенскому толмачу, столяру, меднику и др. Расходы еще больше увеличились, когда стало ясно, что летом он вместе с А. К. Этолиным пойдет на Кадык. В его записях того времени упоминаются порох, мыло, пакля, свечи, бумага, нитки, сургуч, чернильный порошок, гвозди, ситец, чай, сахар, ленты, ножницы, серьги, кольца и т. п. Как видим, приобретенный в путешествии опыт подсказывал ему, какие вещи необходимо иметь.

В марте и апреле Вознесенский ежедневно виделся с Л. А. Загоскиным, продолжая учить его искусству препарирования. Загоскин должен был вскоре отправиться в экспедицию и тщательно к ней готовился. Они подружились. В дневниках Вознесенского часто встречаются записи, свидетельствующие о тесных связях с Загоскиным. Так, 23 марта 1842 г. он записал: «Лаврентий Алексеевич подарил 2 маски и один бат колошенский» — и получил в ответ «три колибри из Южной Калифорнии. Высушенных две и одна препарированная, две зеленых и одна лиловая — самцы». 27 марта «Лаврентий Алексеевич

*Вид центральной части Ново-Архангельска.
Рис. И. Г. Вознесенского*

подарил мне два куска руды серебряной, которые привез Бертрам из Южной Калифорнии»¹.

Между тем население Ново-Архангельска увеличилось. Сюда перебрались поселенцы из Калифорнии. Часть их осталась в городе, другая готовилась к переезду на Кадьяк и Алеутские острова. У Вознесенского появились новые знакомые, и среди них архиепископ Иннокентий Вениаминов, участник плавания на «Охотске». По-прежнему виделся он и с Ротчевым. Незадолго до их совместного плавания Вознесенский подарил Ротчеву четыре записные книжки, купленные еще в Копенгагене.

Живя в Ново-Архангельске, Вознесенский был частым гостем «компанейской» библиотеки. Ее держал некий господин Гешнер. Как видно из записей Вознесенского, в библиотеке имелся неплохой выбор книг. Так, 1 апреля путешественник взял в библиотеке «книги Карла Линнея — 10 частей, естественную историю Блюменбаха — 3 части и первую часть физиологии Георга В. Консбруха»².

¹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 37, л. 15 об.— 20 об., и д. 38, л. 10—10 об.

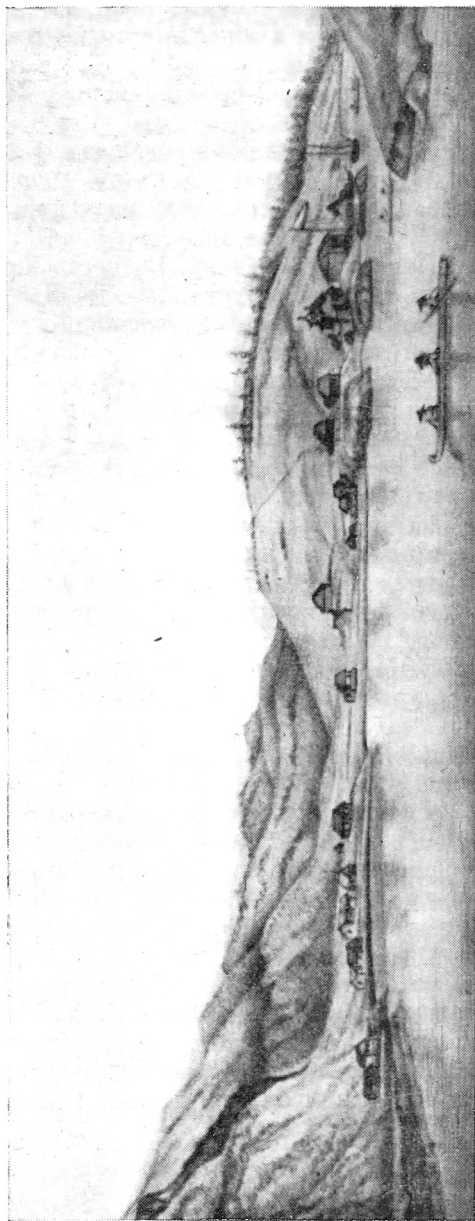
² Там же, л. 19.

1 мая 1842 г. провожали Загоскина. Бриг «Охотск», отправлявшийся на Алеутские острова, должен был доставить его на север, к редуту св. Михаила. Отсюда Загоскин предполагал начать свое путешествие по внутренним районам Аляски. На «Охотске» уходил в плавание и Вениаминов. Следующей была очередь Вознесенского. Молодой натуралист тщательно готовился к предстоящему путешествию. Он заказал ящики для насекомых, привел в порядок винтовку и ружье, отремонтировал часы и даже успел пошить себе новую куртку. Незадолго до отплытия Вознесенский отправил на судах Гудзоновской компании в Петербург огромную коллекцию, собранную во время пребывания в Калифорнии.

22 июня 1842 г. бриг «Промысел» отправился к острову Кадьяк. Вместе с Этолиным, направлявшимся в экспедиционную поездку по ведомствам Кадьякской конторы, на бриге был и Вознесенский. Юный путешественник, тепло простившись с провожающими, среди которых находился и заместитель Этолина капитан 2-го ранга Дионисий Федорович Зарембо, с нетерпением ждал встречи с суровым северным краем. Вознесенского сопровождал Филат Дружинин. Спустя пять суток бриг бросил якорь на рейде Павловской гавани. Вознесенский, Этолин и сопровождающие его лица на байдарках перебрались на Кадьяк в селение. Это было первое русское селение в Америке, основанное еще Г. И. Шелиховым.

Долгой стоянки в Павловской гавани не предполагалось. Поэтому Вознесенский не предпринимал дальних экскурсий, а знакомился с селением и его обитателями. Среди последних были и те, кто помнил А. А. Баранова и его доблестных сподвижников. Они сообщили Вознесенскому ценные сведения из истории русских поселений в Кенайской губе и в Чугацком заливе — Нучеке. В частности, он узнал, что Николаевский редут построен в Кенайском заливе в 1791 г., а Константиновский — в заливе Константина и Елены в 1793 г.

7 июля Этолин, к которому присоединился правитель Кадьякской конторы И. С. Костромитинов, решил плыть в Кенайский залив к Николаевскому редуту. Через двое суток «Промысел» уже был на месте. После осмотра редута инспекция направилась к Орловской одиночке. На знакомство с этим поселением ушло немного времени. Правда, Вознесенский успел побродить по берегу, и в его

Павловская гавань на о. Кадьяк. Рис. И. Г. Вознесенского

записной книжке появилась такая запись: «У Орловской одиночки в Кадыяке видел выброшенного кита размером длины 11¹/₂ косой сажени, а ширина 5 (у передних ластов)»³. Вскоре бриг вновь бросил якорь у Николаевского редута.

Все это время Вознесенский сопровождал Этолина. Но теперь он решил действовать в одиночку, сделав Николаевский редут базой для дальнейших экспедиций по кенайскому берегу. И когда 15 июля Этолин на бриге «Промысел» ушел в Павловскую гавань, Вознесенского с ним уже не было. Он с головой окунулся в исследования и сбор материала для всевозможных коллекций.

До 17 сентября путешествовал Вознесенский по Аляске. Он проник «во внутренность этой страны, ходил на снеговые хребты к отрогам Каменной горы и плавал в байдарках по Кенайскому заливу на остров Калеин, который лежит близ полуострова Аляксы (Аляски.— А. А.), на реках Кокну, Касилова и по большому озеру, из которого вытекает река эта, для обозрения каменноугольной формации и собирания горнокаменных пород NW берега Кеная...» «Я прошел для сего верст 80 от мыса Микешина до Качетматской губы или Чукачик»,— писал он в своем дневнике⁴.

Главной целью этого путешествия Вознесенского явились геолого-минералогические исследования. Он произвел глазомерную съемку побережья полуострова Аляска от мыса Микешина до Катмая на протяжении более 80 км и обнаружил здесь месторождения каменного угля. Вот как писал об этом сам Вознесенский: «С юго-востока к норд-весту по берегу Кенайского залива от мыса Старичкова, называемого туземцами Стук-таль-хин — в половине пути к мысу Ненильчику, по-туземному Сунит, не доходя 150 шагов до одного незначительного водопада, но замечательного по глубине и пространству своего бассейна,— открываются в двух параллельных рядах, в мелкопесчаном грунте слои минерального угля». Проследив их направление и протяженность, исследователь констатировал, что они то теряются, то выходят «опять из-под земли наружу в трехлинейных пластах»⁵. Позднейшие

³ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 1/5, л. 9 об.

⁴ Там же, ф. 2, оп. 1839, д. 9, л. 94 об.

⁵ Там же, оп. 16, д. 17, л. 1—1 об.

наблюдения подтвердили указания Вознесенского. В архиве последнего сохранились материалы маршрутной съемки от Николаевского редута до мыса Лайденного и рисунки-наброски этого мыса⁶.

Разумеется, Вознесенский продолжал сбор зоологических и ботанических коллекций. Однако его путешествие по внутренним районам Аляски, поход к аляскинскому хребту и к озерам позволяет говорить о том, что Вознесенскому не были чужды географические и геологические интересы.

17 сентября в Кенайский залив вошел бриг «Квих-пак». И спустя два дня Вознесенский отправился на нем в Павловскую гавань, где предполагал провести осень и зиму. 27 сентября он уже сходил со своим багажом на берег Кадьяка.

Сразу же по прибытии на Кадьяк Вознесенский отправил в госпиталь заболевшего в пути Дружинина и засел за подготовку отчета Этолину об итогах путешествия по побережью Кенайского залива. В своем рапорте он, в частности, писал: «Приобретенные мною коллекции по части зоологии, ботаники, минералогии и этнографии состоят из замечательного числа любопытных предметов, собранных на снеговых горах, называемых туземцами Трылыи, в окрестностях большого озера Тустамена, из которого и выходит река Касилова, с острова Кулшаха и многих других мест. По причине позднего моего прибытия на Кадьяк, к сожалению, не могу предпринять путешествие в Нушагак через Аляску; и для моих открытий до наступления весны будут одни окрестности Кадьяка и близлежащие острова...»⁷

К сожалению, записи Вознесенского, относящиеся к его пребыванию на Кенае, очень трудно читаются: он писал их в походных условиях карандашом, причем чрезвычайно неразборчиво. Помимо уже сказанного в его записной книжке имеется подсчет расходов, который он произвел 19 августа в Николаевском редуте (израсходовал он «4022 р. 08½ к., а получил за эти три года 3952 р. 40 к.»), есть записи о приобретениях для этнографической коллекции: «Для этнографической коллекции

⁶ *Бломквист Е. А.* Рисунки И. Г. Вознесенского.— В сб.: МАЭ. Л., 1951, т. 13, с. 247.

⁷ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 35, л. 8.

Топорок. Рис. И. Г. Вознесенского

куплено: от управляющего Александровскою одиночкою Квасникова узорчатая урилья парка...» В последней экскурсии по Кенаю Вознесенский записал: «1 пуд муки пшеничной для провизии на гребцов алеутов при байдарках в экскурсию от Николаевского редута до Качекматского залива с 11 по 15 сентября»⁸.

Еще более отрывочны сведения о пребывании Вознесенского на Кадьяке зимой 1842 г. Кроме общих отчетных данных имеются лишь его краткие записи в дневни-

⁸ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 38, л. 13—13 об.

ке или в расходной книге. По ним можно судить о том, что Вознесенский по обычаю не терял времени даром. За зиму Вознесенский в сопровождении Дружинина побывал в гавани Трех Святителей, в Игютском заливе, на островах Еловый, Угак и в Чиниатском заливе, встречался со старожилами, собирал и записывал интересные сведения по истории края. В его дневнике, например, есть запись о точной дате смерти известного русского миссионера отца Германа, возведенного русской православной церковью в Америке в настоящее время в ранг святого: «Отец Герман умер 1834 [г] ноября 2-го на 78-м году от рождения»⁹.

Вознесенский занимался в основном географией и этнографией. Долгими зимними вечерами просиживал он за разбором материала, подготовкой коллекций или беседуя с местными жителями. Не случайно в его дневнике часто встречаются записи о покупке стеариновых свеч: «Много покупал свеч стеариновых для вечерних занятий», много платил за банки, склянки, ящики для упаковки купленных вещей. И конечно, не обходилось без ценных приобретений. Так, 12 февраля 1843 г. «у Лесновского тоэна куплено 11 штук разнохарактерных личин (масок.— А. А.), употребляемых кадьякскими алеутами на игрушках; и со следующими к ним причитающимися принадлежностями», 12 марта «Лесновскому тоэну за починку моделей байдарок, и за сделанные к ним снаряды с фигурами, и за новые носки к нерпячьим стрелам заплачено (кроме прибавки вещами) деньгами 4 р.»¹⁰

В наши дни эти личины-маски и байдарки выставлены в Музее антропологии и этнографии в Ленинграде.

Первый корабль, пришедший в Павловскую гавань в 1842 г., доставил Вознесенскому много писем. В их числе были письма от Брандта. Академик сообщал, что из доклада Вознесенского от 15 февраля 1841 г. «я усмотрел исследование Вашего путешествия, вообще с результатом можно быть довольными». Однако он упрекал Вознесенского в плохой подготовке образцов рыб. «Для меня,— писал Брандт,— упомянутое состояние рыб составляет большую потерю, ибо я надеялся от Вашего путешествия

⁹ Там же, д. 1/5, л. 9 об.

¹⁰ Там же, д. 38, л. 13 об.— 15.

средство [иметь] полную коллекцию российско-американских рыб для исполнения моих исследований»¹¹.

Перед уходом с Кадыка Вознесенский подготовил очередную, шестую посылку с коллекциями, собранными во время пребывания на побережье Кенайского залива и на Кадыке. В основном это были предметы быта, обихода, одежды, а также маски обрядовые, зоологические и ботанические сборы. Путешественник отправил их двумя путями: одна партия ушла через Охотск и Сибирь, а другая — вокруг света¹².

27 марта 1843 г. Вознесенский покинул Павловскую гавань и после короткого перехода достиг ставшего ему родным Ново-Архангельска. Но он понимал, что пробудет здесь недолго: лето еще не начиналось, и впереди предстояли новые походы.

¹¹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 36, л. 6—6 об.

¹² Там же, д. 30, л. 44.

Глава пятая

В Беринговом море

В столице Русской Америки на Вознесенского обрушился поток новостей. П. П. Дорошин рассказал ему о происшедшем в 1842 г. извержении Шишалдинской сопки, расположенной на острове Унимак. При этом знакомые мореходы сообщили о новой сопке, которая в том же году «буквально на глазах росла на острове Симусир». Пришли сведения и о странствиях Л. А. Загоскина. Бриг «Охотск» благополучно доставил его в Михайловский рудут в августе 1842 г.

Но были и печальные новости. Летом того же года погиб Н. К. Кадников, с которым Вознесенский проделал нелегкое плавание — от Кронштадта до Русской Америки. Корабль «Наследник Александр», которым командовал Кадников, на пути от залива Сан-Франциско к Ново-Архангельску попал в сильный шторм. Кадников оказался отрезанным от команды в кают-компании. Он не мог выйти, но до последнего момента, пока не был затоплен водой, руководил через верхний люк спасением людей и корабля. Судно выбросило на берег. И, к сожалению, спаслись лишь немногие.

Чуть больше месяца провел Вознесенский в Ново-Архангельске, готовясь к новому походу. Бриг «Охотск», на котором в свое время отправился в путешествие Загоскин, теперь снаряжался для длительного плавания в Берингово море и Берингов пролив. Цель плавания — обзор крайних северных островов и районов Русской Америки и обеспечение их снабжения. На «Охотске» уходил и Вознесенский. Незадолго до отплытия он подготовил к отправке в Петербург на корабле Гудзоновской компании очередную посылку с коллекциями. Оставшиеся ящи-

ки с образцами он перенес на хранение в «компанейский» магазин¹.

6 мая 1843 г. «Охотск» вышел в море. А. К. Этолин сообщил в Академию наук, что Вознесенский «ныне с разрешения моего отправился на компанейском бриге в север и будет иметь случай быть на Унге, Уналашке, островах св. Павла, св. Георгия, в Михайловском редуте, в разных местах около Берингова пролива, на Азиатском берегу в Мечигменской губе и севернее Берингова пролива в Коцебу-Зунде — словом, во всех местах, куда бриг зайдет во время его плаванья, а осенью возвратиться на нем в Ново-Архангельск. Г. Вознесенский обещает себе хорошую жатву в пользу Академии в тех местах, еще так мало известных естествоиспытателям»².

Вознесенскому и Дружинину предоставлялась возможность высаживаться на берег всюду, где вставал на якорь «Охотск». Первая стоянка была на Шумагинских островах, принадлежащих к группе Алеутских островов. Исследователь собрал здесь ряд интересных коллекционных материалов, а также сделал несколько зарисовок барабор — жилищ алеутов.

После кратковременной остановки у острова Унга «Охотск» бросил якорь на рейде селения Иллюлюк (теперь Датч-Харбор) в Капитанской гавани острова Уналашка. Здесь находилась одна из главных контор Российской-Американской компании на Алеутских островах.

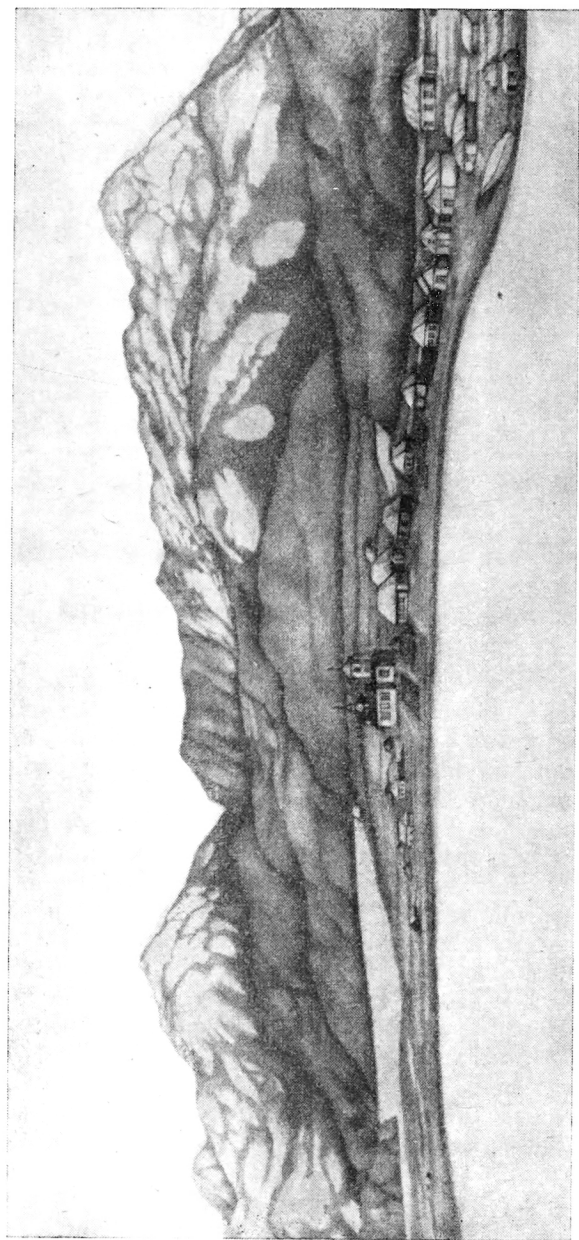
Вознесенский пробыл в Иллюлюке с 31 мая по 5 июня. За это время он успел познакомиться с местным бытом и приобрести несколько ценных экспонатов для своих коллекций. При этом большую помощь ему оказали жители острова. «В бытность мою на острове Уналашке, — писал он в дневнике, — алеуты застрелили для моей коллекции несколько видов урилов, между ними мне попался один, который показался очень замечательным по голым частям щек. Вид этот я называл урил желтощекий. Мера с свежего экземп[ляра] была от начала клюва до конца хвоста 1 аршин с $\frac{1}{4}$ вершка. Мною снят с головы рисунок»³.

8 июня 1843 г. бриг встал на якорь у острова Св. Георгия, входящего в группу островов Прибылова. Первое,

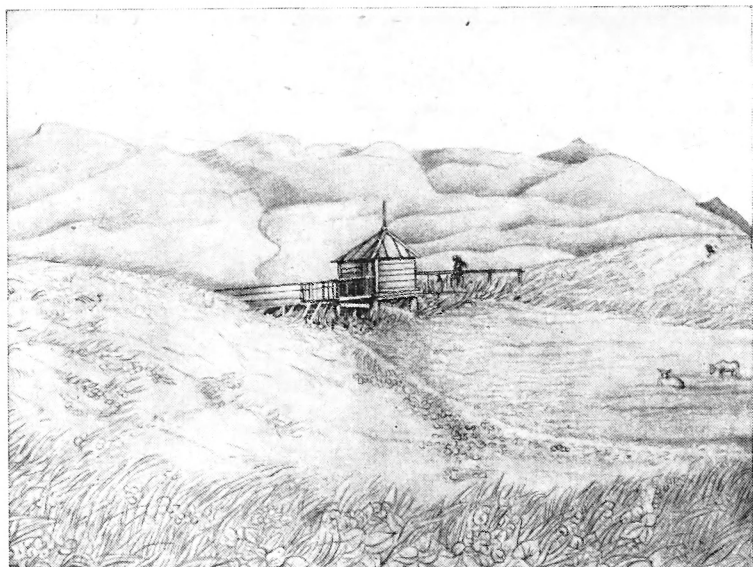
¹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 38, л. 15 об. — 16.

² Там же, ф. 2, оп. 1839, д. 9, л. 44—44 об.

³ Там же, ф. 53, оп. 1, д. 29, л. 2.

Иллюлюкское селение на о. Уналашка. Рис. И. Г. Вознесенского

Мельница на о. Уналашка Рис. И. Г. Вознесенского

что бросилось в глаза путешественнику, это стоящая на берегу за домами высокая мачта с флагом Компании: своего рода сигнал — готовность выслать и принять шлюпку. Вознесенский побывал на берегу. Здесь он осмотрел дом управляющего, магазины и стоящую несколько в стороне часовню Св. Георгия. Вознесенский сделал рисунок селения на острове Св. Георгия и записал в дневнике свои впечатления от его посещения: «8 июня я был на острове Георгия, лесу на вершине хотя есть, но не очень много, впрочем, и встречается и под утесами у моря, но только в малом количестве. Погода прекрасная, я съехал в байдаре в 3-м часу к мысу Толстому, шел по берегу до селения... Берег — изветь, птиц — пропасть. Видел котиков — попадались моржовые кости»⁴.

На другой день «Охотск» уже был у острова Св. Павла. Плохой рейд не позволил бригу подойти близко, и якорь пришлось бросить примерно в 10 милях от берега. С бор-

⁴ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 1/9, л. 1—3.

та корабля хорошо были видны стоящие на пригорке часовня Петра и Павла, построенная в 1821 г., дом управляющего и расположенная между ними торговая лавка. Вознесенский оставил на острове Филата Дружинина. Он сам проводил своего ученика на берег, снабдил его необходимыми вещами. Дружинин должен был собирать коллекции и ждать возвращения путешественника.

Бриг продолжал идти на север, к острову Св. Лаврентия. Вскоре прошли мимо острова Св. Матвея. Здесь уже встречались льды. Именно они вынудили капитана «Охотска» бросить якорь у северной стороны острова Св. Лаврентия. Два дня корабль ждал изменения ледовой обстановки, а затем двинулся к заливу Нортон, где находился Михайловский редут.

30 июня «Охотск» встал на якорь у Михайловского редута, основанного в 1833 г. Михаилом Дмитриевичем Тебеньковым. Расположенный на небольшом обрывистом (около 10 м над уровнем моря) базальтовом мысу, редут был выстроен в форме квадрата и окружен высокой (до 3,5 м) оградой. Вокруг редута лежало безлесное пространство.

О внутреннем устройстве редута можно судить по описанию Е. А. Бломквист: «На юго-западном и северо-восточном углах имеются две рубленые двухъярусные шестиугольные «будки» — небольшие башни с амбразурами для пушек: одна контролировала подходы с моря, другая — со стороны материка. Справа — вписанный в черту ограды — дом для управляющего — трехконный, крытый тесом; перед ним палисадник»⁵.

Внутри ограды находились казарма (в редуте команды было 29 человек, включая байдарщиков и управляющего), контора, два магазина, амбар, арсенал, баня и кухня, каланча, дозорная вышка. На вышке дежурство несло круглосуточно, часовой обязан был бить каждый час в колокол, чтобы показать, что он бодрствует.

В середине 40-х годов XIX в. Загоскин посетил Михайловский редут. «В настоящее время, — писал он, — в редуте находятся следующие строения: дом для управляющего редутом, казарма для служителей, два магазина, — товарный и провиантский, — апбар для складки туземных

⁵ Бломквист Е. А. Рисунки И. Г. Вознесенского. — В сб.: МАЭ. Л., 1951, т. 13, с. 266—269.

запасов, баня и кухня в одной связи. Все эти строения, на пространстве двадцати пяти квадратных сажен, обнесены деревянным глухим забором в пять аршин вышины: две будки, на юго-западной и северо-восточной оконечностях ограды, вооруженные шестью трехфунтовыми пушками, назначены к защите так называемой крепости. Вне ограды находятся кузница, кажим для приезжающих туземцев и часовня, основанная 2 октября 1842 года»⁶.

Пока бриг стоял у редута, Вознесенский предпринял поездку в байдарках по р. Уналаклит, впадающей в море на восточном берегу залива Нортон. Здесь была расположена одна из трех одиночек при редуте; в ней жило семь человек, заготавливавших запасы рыбы для редута, преимущественно горбуши.

Во время путешествия Вознесенского берега залива Нортон заселяло эскимосское племя унакигмутов, с которыми жители редута вели оживленную меновую торговлю. В непосредственной близости от редута находились два поселения этого племени — Атхвик и Течик, или Агахляк. Местные жители охотно вступили с Вознесенским в торговый обмен. Он сумел приобрести здесь 118 предметов, главным образом для этнографических коллекций. Как показывают расходные записи Вознесенского, он купил кое-что в редутской лавке («свинец для винтовки и на раздачу туземцам»).

В Михайловском редуте Вознесенский получил вести о путешествии Загоскина. Последнему были оставлены продовольствие, в том числе ром и почта. Во время пребывания в заливе Нортон Вознесенский много рисовал.

Из залива Нортон «Охотск» направился на север в залив Коцебу. Вознесенскому предстояло пройти проливом Беринга. В архиве путешественника сохранился рисунок «Пролив Берингов между остр[овами] Гвоздевыми и мысом Принца Валлийского». Видимо, бриг шел вблизи американского берега. На рисунке отчетливо виден берег Америки с точки местонахождения корабля, которая «определялась пеленгами: NW 8°10', мыс Принца Валлийского в 28 итальянских милях и вершины острова Гвоздева

⁶ Загоскин Л. И. Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Л. Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах. СПб., 1847, ч. I, с. 29.

NW 35° в 35 итальянских милях. Пеленги взяты по правому компасу». Далее в отчете Вознесенский писал, что они плыли затем «через Берингов пролив между мысом Принца Валеса (Валлийского.— А. А.) и островами Гвоздева, у восточной стороны американского берега по Ледовитому морю до 67° сев. шир. (где) посещен был мною мыс Эспенберг»⁷.

По предписанию командир должен был ввести бриг на якорную стоянку в залив Коцебу, а офицеры — описать полуостров Хорис и р. Букланд. Но эту программу выполнить не удалось: 11 и 12 июля вход в залив забили льды, и не было надежд на скорое его освобождение. Ждать же командир не мог: за короткое северное лето бригу еще нужно было побывать во многих местах. Поэтому «Охотск» двинулся на юго-запад, вдоль американского берега, к Берингову проливу. По пути участники плавания осматривали достопримечательные места, в частности побывали в заливе Шишмарева.

Вознесенский кропотливо пополнял свои коллекции. Он пользовался любой возможностью для наблюдений или сборов. 14 июля он записал в дневнике, что в заливе Коцебу, на мысе Эспенберг, «видел и застрелил единственных птичек, замеченных мною на том берегу водящихся в продолжение ночи и утра моего пребывания. Приобщил их к роду подорожника»⁸.

Пройдя Берингов пролив, «Охотск» зашел в Мичигменскую губу на Чукотке. Вознесенский и здесь не терял времени даром. В его дневнике имеется запись от 25 июля, в которой сообщается, что «урилы тут имеют на голове хохолок».

После короткого пребывания в губе бриг снова направился в залив Нортон к Михайловскому редуту.

Вознесенский и на берегу не прекращает своих занятий. В дневнике появляются новые записи, в альбоме — рисунки, в коллекциях — экспонаты. К этому периоду относится и следующая запись: «Гусь царский из Нортонова залива с берегов Северо-Западной Америки. Старость жизни сей птицы почти только что полгода. Привезен живой Лавр[ентием] Алексеев[ичем] Загоскиным»⁹. 12 ав-

⁷ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1839, д. 9, л. 95 об.

⁸ Там же, ф. 53, оп. 1, д. 29, л. 4.

⁹ Там же, л. 7 об.

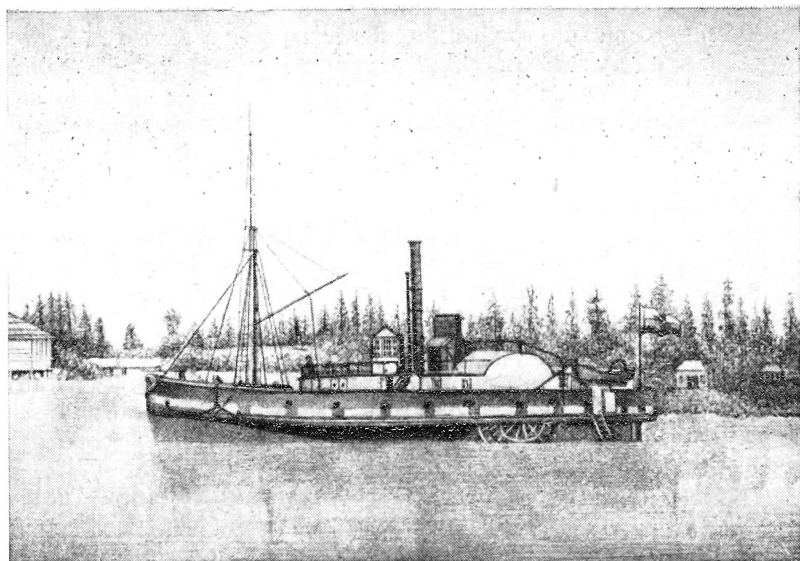
густа в расходной книге он отметил, что куплено «2 медных больших кольца, на которые выменен у азиакмютов пояс»¹⁰.

В начале сентября «Охотск» встал на якорь вблизи островов Св. Георгия и Св. Павла. На борт брига перебрался Филат Дружинин, проживший на острове почти три месяца. «Препараторский ученик» докладывал Вознесенскому, что не смог исполнить поручения о покупке у алеутов «разных их изделий», хотя «употреблял все возможности достать что-нибудь». Причину отсутствия у алеутов нужных Вознесенскому вещей Дружинин объяснил совершенно четко: «Но так как здесь народ работчи довольствуются все компанейским, и по той причине они не имеют своих инструментов и которые уже давно заброшены и забыты; а женщины обыкновенно пьют камлейки и чехлы, но однако с большею трудностью могут что-либо спшитое послать куда или носить сами по той причине, что женщины всегда на работе на компанейской, а вечерами выделывают для Компании горла, за что и получают жалованье годовое, и также здесь нет алеут вольных, как в прочих местах»¹¹.

В другом рапорте Дружинин поясняет обстоятельства появления на берегу острова чисто обработанных скелетов некоторых животных (этим его просил заняться Вознесенский): «Во время прожития моего на острове Святого Павла в течение трех месяцев, о тех насекомых, которые здесь приготавливают скелетов, действие сих насекомых только что три месяца — июнь, июль и август, после сих времен теряются неизвестно куда, уходят на глубину моря или под камни на круглый год и опять являются в июне месяце, и таки же, когда море бурное, не действуют сии насекомые, а надо избрать время тихое; и в это время очень хорошо объедают мясо. Птицу в один день, а зверя, например, как нерпу или котика, два дня, но, если очень тихо, не больше 17 часов. Сивуча остов лежит очень много время; и вообще худо едят, когда пять дней если тихо, даже и с неделю, а моржа остов лежит в воде не больше пяти дней; и был испробован в нынешнее лето первый раз, в чем имею предупредить, что старый остов лежит

¹⁰ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 38, л. 16 об.

¹¹ Там же, д. 35, л. 6.

Пароход «Николай». Рис. И. Г. Вознесенского

несколько времени на ветру, снятую с нее кожу вообще худо работают и очень тихо, а иногда даже рассыпаются кости и мясо еще не объедено»¹².

В середине сентября «Охотск» направился в Ново-Архангельск. По дороге зашли в Уналашку. Вознесенский и здесь сколько мог пополнил свою коллекцию. Он совершил небольшую экскурсию по окрестностям селения Иллюлюк, во время которой много рисовал. Он купил у уналашкинского тойона Панькова «промысловую однолючную байдарку, сделанную по всем правилам искусства и настоящей величины, со всеми к ней принадлежностями»¹³. 13 октября 1843 г. «Охотск» бросил якорь в Ново-Архангельске.

Здесь его ждало радостное известие. Согласно его просьбе, поддержанной Ф. Ф. Брандтом и Е. И. Шрадером, вице-президент Академии наук М. Н. Дондуков-Кор-

¹² Там же, л. 7—7 об.

¹³ Там же, д. 38, л. 17.

саков продлил командировку Вознесенского в Русскую Америку еще на три года. Об этом свидетельствует официальная бумага из Академии наук от 28 февраля 1843 г.¹⁴ В связи с этим Вознесенскому нужно было за зиму обработать все добытые в плавании материалы и подготовиться к путешествию на Курильские острова.

На зиму он решил устроиться основательно. Все имущество, бывшее с ним в плавании, и собранные коллекции Вознесенский временно сложил в «компанейской» конторе, а в своей квартире произвел ремонт. Матросы выкрасили ее «по случаю несметного множества вредных для коллекций насекомых, которые обитали в оной», и обилии углы железными листами «от хищничества крыс, которые портят коллекции»¹⁵. После этого Вознесенский перенес сюда вещи, оставленные в свое время в пушном магазине, и приготовился зимовать.

Пока позволяла погода, он часто бродил по окрестностям Ново-Архангельска и собирал материал для коллекций. Добровольные помощники почти ежедневно доставляли Вознесенскому какое-нибудь животное или редкую птицу. Он много рисовал. К осени 1843 г. относится его зарисовка парохода «Николай» на фоне Японского острова.

Этот пароход — гордость Российско-Американской компании — первый, построенный (1840) на верфи в Ново-Архангельске. Мощность его машин равнялась 60 л. с. Пароход был вооружен 14 пушками и служил для сообщения по Аляскинскому заливу, особенно по Колошенским проливам.

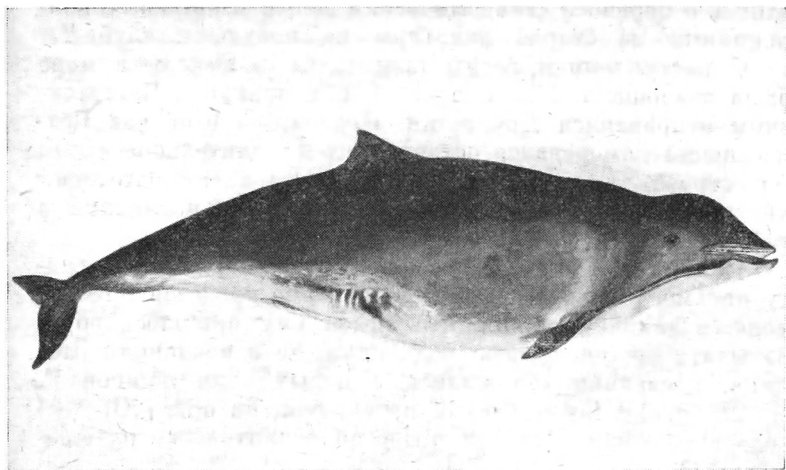
Чаще всего «пароход посылался с шерстяными одеялами, порохом, свинцом, табаком для мены у тлинкитов на пушнину и картофель, который они к тому времени научились разводить в большом количестве во многих местах по своим проливам; по приходе в селение поднимали флаг, этим давали знать тлинкитам, чтобы съезжались на судно для торговли»¹⁶.

На зиму Вознесенский сделал большое количество ценных приобретений. Об этом свидетельствуют записи

¹⁴ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1839, д. 9, л. 41.

¹⁵ Там же, ф. 53, оп. 1, д. 38, л. 17 об.

¹⁶ *Бломквист Е. А.* Рисунки И. Г. Вознесенского, с. 284.

Дельфин. Рис. И. Г. Вознесенского

в его книжках. Так, 25 ноября он приобрел модель курильской байдары; 22 декабря «через толмача Гедеона Ванкевича у колошенск[ого] тоэна Кухантана Сухорукого куплен национальный колошенский старшин... плащ (нахэн)...»¹⁷ Много времени у него отнимало чтение. Особенно его интересовали книги по истории исследования Сибири, Камчатки, Курильских островов, где ему предстояло вскоре побывать.

В начале декабря Вознесенский вместе со всеми жителями Ново-Архангельска стал свидетелем землетрясения. По рассказу П. П. Дорошина, 4 декабря в Ново-Архангельске «первое колебание было в половине 2-го пополудни — слабое; второе посильнее — в 4-м часу, продолжавшееся до 3 секунд. В домах был слышен треск, в лесу качались деревья. 30 минутами ранее чувствовали землетрясение на горячих ключах, вблизи Ново-Архангельска»¹⁸. Уже не этим ли обстоятельством вызвана перемена Вознесенским квартиры? 21 декабря он сделал

¹⁷ Архив АН СССР, ф. 63, оп. 1, д. 38, л. 18 об.

¹⁸ Дорошин П. П. О некоторых вулканах, их извержениях и землетрясениях в бывших Американских владениях России. — «Зап. Имп. С.-Петербур. минерал. о-ва». СПб., 1870, ч. 5, с. 41.

запись о переносе «академических вещей и ящиков с коллекциями из старой квартиры на новую, в клуб»¹⁹.

С наступлением весны подготовка к выходу в море была завершена. Как и прежде, в плавание с Вознесенским отправлялся Дружинин. Правда, на этот раз Вознесенский намеревался оставить его на длительное время на острове Уруп. С этой целью он заранее подготовил «наставление и все необходимое для сбора коллекций и наблюдений».

19 апреля 1844 г. Вознесенский отправил Ф. Ф. Брандту письмо, в котором рассказал о плане предстоящего похода, а также сообщил, что зимой ему пришлось обрабатывать не только свои коллекции, но и коллекции Этолина, последние «уложились в целых семь ящиков»²⁰.

21 апреля Вознесенский переправил на бриг «Промысел» свои вещи. Впереди предстояло длительное путешествие.

¹⁹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 38, л. 18 об.

²⁰ *Ляпунова Р. Г.* Экспедиция И. Г. Вознесенского и ее значение для этнографии Русской Америки.— В сб.: МАЭ. Л., 1967, т. 24, с. 22.

Глава шестая

Курильские острова

В своем отчете Вознесенский так охарактеризовал летнее путешествие 1844 г.: «Путешествие мое в этом году было самое отдаленнейшее от Ситхи и многочисленное по заходам на разные острова. Что касается до исследований моих, то оные ограничивались чрезвычайной кратковременностью, ибо судно, на котором я плавал, останавливалось при нижеупомянутых местах на короткое время либо держалось у вечно туманных берегов под парусами на несколько только часов...»¹

«Промысел» отправился в путь 25 апреля 1844 г. Более полутора месяцев продолжалось непрерывное плавание по северной части Тихого океана вдали от берегов. Оно порядком надоело мореплавателям, и, когда на горизонте показались Курильские острова, к одному из которых — острову Уруп — направлялся корабль, все заметно повеселели.

Вознесенский, особенно тяжело переносивший вынужденное безделье, стал в который уже раз наставлять Филата Дружинина, готовившегося высадиться на остров. 9 июня он написал ему инструкцию: Дружинин должен был «собирать все предметы по части натуральной истории, как животного, так растительного и минерального царств, которые должен надлежащим образом готовить и сохранять, обращая неусыпное попечение на сборение и целость всего собранного»². Вознесенский учил Дружинина ничего не оставлять без внимания, ни-

¹ *Бломквист Е. А.* Рисунки И. Г. Вознесенского. — В сб.: МАЭ. Л., 1951, т. 13, с. 252.

² Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 9, л. 1.

чего не забывать и расходовать не более 60 р. в год. В конце инструкции он, видимо вспоминая свои отроческие годы, дружески советовал юному помощнику: «При старании и усердном желании приобрести животных всегда есть возможность; только нужно быть старательным. Любя дело и занимаясь им прилежно, не будешь иметь причины жаловаться на скудность островных средств и произведений природы. Оставляя тебя на Уруп, я уношу надежду, что в следующем году собранием твоим — птиц, зверей, скелетов, растений, насекомых, рыб и всех морских других животных украшу и преувеличу богатство разнообразных форм и видов, кабинеты С.-Петербургской Императорской Академии наук»³.

12 июня бриг подошел к восточной части острова Уруп и бросил якорь вблизи малодоступной бухты. Вознесенский побывал на берегу, в небольшом промысловом селении Российско-Американской компании, основанном 28 мая 1828 г. Этолиным. Селение представляло собой небольшую крепость, в которой имелось несколько строений, сохранившихся в своем первоизданном виде.

Уруп остался позади. «Промысел» уходил все дальше на север. На пути лежали острова Симушир, Парамушир и Шумшу. В своем отчете Вознесенский писал, что побывал на каждом из этих островов. Путешественник знакомился с природой севера Курил, пополнял свои коллекции. 6 июля корабль покинул Курильские острова и через 10 суток перехода вдоль побережья Камчатки прибыл в Петропавловск.

Вознесенский впервые оказался в этом легендарном городе-порте, основанном еще в 1740 г. Витусом Берингом. И так как «Промысел» вскоре должен был возвращаться в Русскую Америку, Вознесенский с разрешения Этолина перебрался на галиот «Мореход». Последний, к его великой радости, готовился к отплытию на острова Командорские и Прибылова.

В Петропавловске путешественник неожиданно получил письмо Ф. Ф. Брандта, отправленное 20 августа 1840 г. Письмо Вознесенскому передал его петербургский знакомый — врач Петропавловского гарнизона Александр Семенович Полонский, автор превосходного описания истории изучения Курильских и Алеутских островов. Брандт при-

³ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 12, л. 1—4.

зывает сосредоточить все усилия на исследовании Камчатки. При этом он говорил о желании Полонского помочь Вознесенскому в его работе ⁴.

Надо сказать, что камчатские власти очень внимательно отнеслись к нуждам Вознесенского и обещали полную поддержку в его будущих странствиях по полуострову.

В то время начальник Камчатки капитан 2-го ранга Страннолюбский сдавал дела старому знакомому Вознесенского по Ново-Архангельску — Ростиславу Григорьевичу Машину. Сам Страннолюбский много сделал для развития этого края. По его приглашению в 1841 г. на полуостров приехал агроном Кегель и уже в следующем году объехал Камчатку с сельскохозяйственными целями. Страннолюбский «обратил все свое внимание на улучшение быта жителей полуострова. Убедясь, что хлебопашество невозможно там в таких размерах, чтобы вполне обеспечить им продовольствие края, он успел приохотить камчадалов к огородничеству, чему вполне благоприятствует камчатская почва и климат. Успехи его в этом деле были так велики, что в 1844 г. посев картофеля простирался до 1596 пудов, а урожай — до 20 015 пуд[ов] ⁵. В 1843 г. стараниями Страннолюбского в Петропавловске установили памятник французскому мореплавателю Ж. Ф. Лаперузу. Вознесенский одним из первых осмотрел его.

Несмотря на кратковременность пребывания в Петропавловске, Вознесенский успел совершить несколько экскурсий по окрестностям города. При этом он расспрашивал обитателей Петропавловска об особенностях растительного и животного мира Камчатки. Многие петропавловцы охотно делились сведениями о природе своего края. В частности, чиновник Зарудный «сказал, что видел одну чайку с двумя клювами, которые одновременно раскрывались» ⁶. Вознесенский собрал неплохую коллекцию местных растений и составил «Записку о растениях». Описал он и некоторые породы камчатских рыб (красная, горбуша, голец, кижуч, камбала, стерлядка и др.). И конечно, он подготовил к отправке очередную посылку.

⁴ Там же, д. 36, л. 2—3.

⁵ Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке. — «Морской сборник», 1869, № 8, с. 34.

⁶ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 30, л. 122—133, 134—136, 73 об.

25 июля «Мореход» ушел к Командорским островам и спустя два дня встал на якорь у острова Беринга. Вознесенский пробыл на острове всего 48 часов, но ему «посчастливилось отыскать на морском берегу совершенно целый череп морской коровы и несколько других костей от позвоночного столба этого животного»⁷. Ценность этой находки велика: как известно, морская корова была полностью истреблена уже во второй половине XVIII в.

Затем галиот двинулся к островам Атту, входящим в группу Ближних островов. Вознесенский, воспользовавшись короткими стоянками, побывал на берегу. Во время пребывания на Андреяновских островах, на острове Атха он даже выкроил время для небольшого путешествия. Помня о целях своей экспедиции, Вознесенский неустанно собирал этнографические материалы. Так, 15 августа он записал: «Андреяновских островов тою Де-Дюхину за алеутско-атхинскую узорчатую топорковую парку с воротником и выпушками морской выдры» заплачено 25 р.⁸

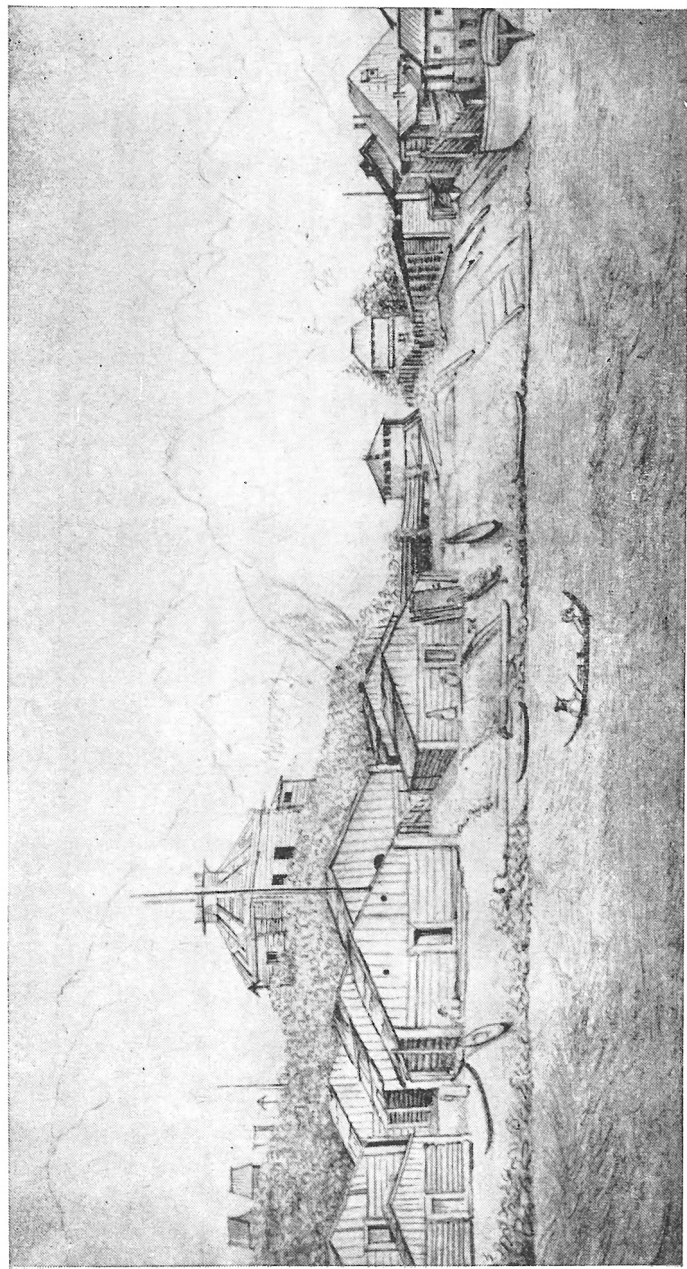
В дальнейшем плавание оказалось малоинтересным для Вознесенского. На островах Прибылова он пробыл всего несколько часов — время, которое требовалось капитану для оформления промысловых и административных дел. На последнем этапе плавания галиот попал в сильный шторм, длившийся 20 суток. Пройдя из Берингова моря через Унимакский пролив в Тихий океан, потрепанный «Мореход» 29 сентября бросил якорь на рейде Ново-Архангельска.

По прибытии Вознесенский занялся перетаскиванием «академического имущества» с галиота на квартиру в клубе, разборкой коллекций и подготовкой к предстоящей зимней обработке. В первое время его научной работе мешали различные хозяйственные дела. Например, утро 6 октября Вознесенский потратил на отправку долгов за экспонаты для этнографической и зоологической коллекций и только уже после этого «занимался у г. Загоскина пересматриванием и рассмотрением растений»⁹. Этолин сообщил Вознесенскому о возможности побывать в так называемых Колошенских проливах: туда должен

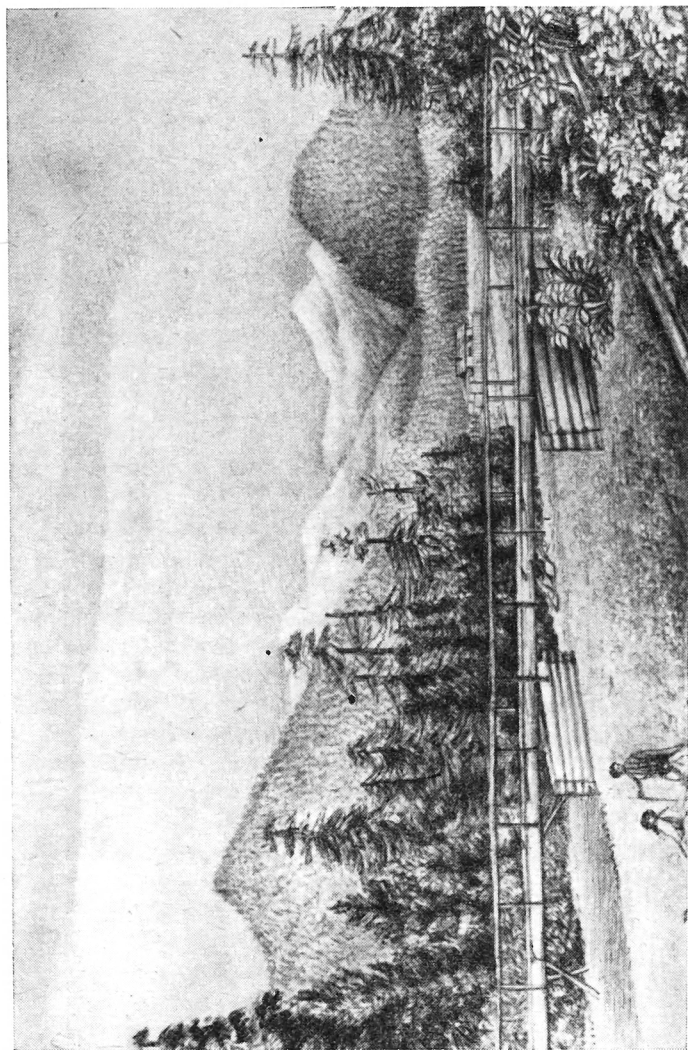
⁷ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1839, д. 9, л. 97.

⁸ Там же, ф. 53, оп. 1, д. 38, л. 22.

⁹ Там же, ф. 53, оп. 1, д. 2/2, л. 19.

Барборы (жилища колош) возле Ново-Архангельска. Рис. И. Г. Вознесенского

Колошанская река. Рис. И. Г. Вознесенского

был отправиться пароход. Исследователь с радостью ухватился за это предложение и даже готов был хоть немедленно отправиться в путь. Его очень интересовали окрестности Ново-Архангельска.

Шли дни. Вознесенский постепенно втягивался в обычную жизнь столицы Русской Америки. 8 октября он записал в своем дневнике: «Вечером замечено северное сияние. В клубе дан был бал г-ном Поротовым, который начался в 6 часов и кончился в $1\frac{1}{2}$ 1 (половине первого.— А. А.) ночи. Гостей приглашенных было 85. В сей вечер осветили тремя или четырью фонарями главную ситхинскую улицу. Я обедал у Главного правителя»¹⁰.

В середине октября, казалось, установилась отличная погода. Вознесенский часто совершал прогулки по долине р. Колошенская, наблюдая за приметами надвигающейся зимы. Вокруг уже не видно было птиц. Правда, 10 октября он заметил на вершинах елей птичек, близких к породе чечеток. Спустя два дня в его дневнике появилась такая запись: «Два дня, которые были ясные, как весной, и холодные, как ноябрьские на Руси, обязали, казалось, надеяться на столь же хорошую погоду и сегодня, как вчера; я проснулся рано и хотел одеваться и идти на охоту, но, к досаде, погода изменила. Снег покрыл кровли жилищ Ново-Архангельска. Я пожалел о перемене ветра и лег опять на постель. Сего дня в 10 час. утра происходила закладка нового судна на здешней верфи, которое наименовано Тунгус. Весь день погода сырая со слякотью. В продолжение целого дня я не выходил из квартиры, кроме конторы по делу о морском бобре кошлоке, который дозволено мне иметь для музея Академии наук, и занимался очищением от плесени насекомых, коих собрал в нынешнее мое путешествие. На лайде во время убылой воды я заметил из окна стаю летающих куликов, немедленно зарядил ружье, подкрался и застрелил 6 штук. Это были род турухтанов... Один экз[емпляр] я приготовил для коллекции... На вершинах гор в продолжение ночи выпало чрезвычайно много снегу»¹¹.

Весьма любопытна его запись, сделанная 18 октября, накануне выхода в плавание по Колошенским проливам (на эту запись обратили внимание этнографы): «Вече-

¹⁰ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 2/2, л. 19 об.

¹¹ Там же, л. 21.

ром я узнал, что у Колошенской речки... (место жительства индейцев-колошей.— А. А.) застрелили колошу: брат убил брата (оба колоши) за то, что будто бы он испортил Сухорукого тоэна, который помер. Завтра будет происходить между колошами война»¹². В коллекции Вознесенского сохранился даже рисунок, изображающий похороны колошенского тойона Сухорукого. Рисунок сделан уже во время экскурсии по проливам.

В этом плавании, длившемся с 19 октября по 2 ноября, пароход часто останавливался в местах расторжек с индейцами-колошами. Это было особенно на руку Вознесенскому. Ведь еще в письме Брандту 19 октября он писал, что намерен во время похода в Северные Колошенские проливы «приобрести что-либо от колош при расторжке из предметов этнографических, а по возможных случаях буду пользоваться выездами на берег для исследований»¹³. Планы его свершились. Пароход побывал во Фридрихзунде, в Худноу и других окрестностях Ново-Архангельска, и везде путешественник добывал материалы в пополнение коллекций.

Начало зимы застало Вознесенского уже в Ново-Архангельске. 9 ноября он записал в дневнике: «С полуночи подул сильный О-вый ветер с проливным дождем; жесточайшая погода продолжалась весь день до 8 час. вечера. В исходе 8-го часа вечера выпал первый по низменностям снег. Погода стихла. Утром я занимался освеживанием голотурии, которых так привезено много на пароходе из Северных Колошенских проливов живых... В 4 часа я оставил работу и отправился к шт[абному] лекарю Романовскому, где занимались рассмотриванием орнитологической коллекции и проч[их] немногих вещей по другим частям натур[альной] истории, присланных ему в нынешнем году с остр[ова] Уналашка от Петелина (60 экз.), из Михайловского редута от Репина (штук 30) из Нушагака... От д-ра Романовского я получил в подарок для коллекции прекрасный экз[емпляр] лисицы красной с остр[ова] Уналашка»¹⁴.

¹² Ляпунова Р. Г. Экспедиция И. Г. Вознесенского и ее значение для этнографии Русской Америки.— В сб.: МАЭ. Л., 1967, т. 24, с. 24.

¹³ Там же, с. 24.

¹⁴ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 2/2, л. 22.

В делах и заботах проходил день за днем. Много хлопот доставила Вознесенскому отправка очередной посылки в академию. Он вновь сделал это через Гудзоновскую компанию. Вместе с экспонатами на родину ушли письма к Брандту и близким.

Не прекращал Вознесенский и научных наблюдений. В этот период его особенно интересуют климатические условия Русской Америки. В его дневнике встречается много записей относительно состояния погоды в Ново-Архангельске. Так, 10 ноября, по его наблюдениям, в городе весь день была облачная погода «и до того по временам темная, что в пору на столе поставить свечи»¹⁵. С конца ноября и весь декабрь часто дул сильный ветер. 27 ноября «день мрачный... дождь весь день и буря. Зубы сильно болят»; 28 ноября «весь день дождь и сильный ветер»; 30 ноября было пасмурно, а 1 декабря началась «с ночи вьюга», и на другой день «погода утром до рассвета ветреная с снежною пургою и метелью. Снегу выпало более чем на 6 футов. Температура теплая — без мороза»¹⁶.

В это время Вознесенский часто мучился от зубной боли. Он обращался к врачам и даже интересовался, как лечат зубы местные жители. В этой связи любопытна запись, которую он сделал в дневнике 8 декабря: «Колоши, страдая болью зубов, употребляют для лечения их разные средства; я помещу один из таких избавлений, которое слышал от Гедеонова (колошенский толмач.— А. А.). Собирают сосновые шишки в морской воде, которые, упав с деревьев на землю по берегу заливов, бывают при больших водах уносимы в море, и оные выбрасываются на берег; набрав таковых мокрых шишек, они кладут на раскаленные уголья и, когда сделается шишка горячею, вынимают из огня, потом отламывают чешуйки и внутреннюю оконечность оной кладут на больной зуб, и этим, припарывая, утоляют боль»¹⁷.

Очевидно, на его зубную боль действовала и погода. По данным Вознесенского, она была весьма неустойчива: то выпадет снег и покроет землю на пять сантиметров, то пойдет дождь. Так случилось и 10 декабря. «Весь

¹⁵ Там же, л. 23.

¹⁶ Там же, л. 25.

¹⁷ Там же, л. 30.

день лил сильный дождь,— писал Вознесенский.— Снег весь смыло совершенно. Улицы Ново-Архангельска почти заполнило ливнем и распустившимся снегом. Ветр сильный от SW-а. Пароход «Николай I», вышедший вчерашнего утра за буксиром, в волнах прилива едва мог прийти сегодня к вечеру без буксира и без... рабочих людей, которых оставил на дороге. Обыкновенные чайки в небольшом количестве опять показались около берегов Ново-Архангельского рейда; прилет или появление птицы этой знаменует ход или явление какой-нибудь рыбы, как-то: корюшки и сельдей, каковой все причем еще нет на рынках у колош, и не слышно, чтобы кто-либо поймал которую-нибудь из них»¹⁸.

Приближался 1845 год. Заканчивался срок пребывания Вознесенского в экспедиции, и ему надлежало готовиться к возвращению в Петербург. Но оставалась не исследованная им Камчатка. Об этом Вознесенский писал в одном из писем к Брандту. Он просил продлить срок экспедиции еще на год. Ответ должен был прийти в Аян, расположенный на берегу Охотского моря. Именно туда намеревался отправиться путешественник весной 1845 г.

Вознесенский много работал и почти не выходил на экскурсии. Его постоянные помощники не забывали добывать ему экспонаты для будущих коллекций. Так, Павлов принес петербургскому натуралисту ястреба краснохвостого, которого Вознесенский видел лишь однажды в Калифорнии. «Я радуюсь,— писал он 11 декабря в дневниках,— что хоть по капле прибывает в мои собранные коллекции, но и через это что-то увеличивается и разнообразится предметами. Над головою моею так много скопилось заботливых дел, которые требуют деятельной и весьма примерной работы до весны, что я дорожу временем и боюсь терять его на частые походы в окрестностях Ново-Архангельска»¹⁹.

Плохая погода оказалась хорошей союзницей Вознесенского в работе. Частые дожди и жестокий ветер, рыхлый снег в лесу, затрудняющий ходьбу,— все это не располагало к его любимым прогулкам с ружьем. А 19 декабря над Ново-Архангельском пронеслась даже гроза. «В 4-м часу пополудни слышен был глухой раскат гро-

¹⁸ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 2/2, л. 10.

¹⁹ Там же, л. 30 об.

ма,— писал Вознесенский,— в 9-м часу нашла черная туча, перед которой блистала молния, и часу в 11 ночи слышал близко раскат грома. Первый гул грома принят был в Ново-Архангельске за выстрел из пушки, полагаемой в заливе»²⁰.

Но когда погода улучшалась, Вознесенский не выдерживал. Он брал ружье и уходил бродить по окрестностям города. «Погода довольно хороша,— писал он 21 декабря,— весь день ясно, по временам облачно, ветер тихий, небольшой мороз. На рассвете я ушел с ружьем в лес и на лайду, где бродил до 8 час. утра, домой воротился около $\frac{1}{2}11$ (половины одиннадцатого.—А. А.) без ничего. Впрочем, незачем и охотиться; всюду однообразно и пусто. Только и видишь на опушке лесопных дроздов красных, арктического воробья, поодиночке сидящих вранов и табуны галок»²¹.

Подошел Новый год. Вместе с радостью обновления он принес и грусть: скоро должно было наступить время прощания с Русской Америкой. Можно было надеяться на продление затянувшейся командировки, но только за счет Камчатки. Несмотря на установившуюся погоду, Вознесенский почти не покидал Ново-Архангельска. Чаще всего его можно было увидеть на местном рынке, где он бродил в надежде раздобыть что-нибудь интересное у колошей. «На колошенском рынке,— писал он 22 января в дневнике,— много было сего дня торговок-колошенок и немало мужчин-колош у лавки для продажи промыслов... Со вчерашнего дня алеуты стали промысливать так называемую здесь рыбу корюшку. Погода ясная, утром был сильный иней с 4° мороза. В продолжение дня я занимался очищением насекомых калифорнийских. Ночью в 12-м часу я заметил сильное яркое мерцание звезд»²².

Дома кипела работа с коллекциями. Иногда она занимала весь день неутомимого исследователя. «С утра до полудня я занимался сортировкой китайских насекомых, переполкою оных и клеением...,— писал он в своем дневнике.— После обеда занятия продолжал над китайскими насекомыми. Вечером занимался записью счетов в материалах приходно-расходной академической...»²³

²⁰ Там же, л. 31.

²¹ Там же, л. 32.

²² Там же, л. 29.

²³ Там же, л. 29—29 об.

Помимо обработки своих материалов Вознесенский выполнял распоряжение Этолина — препарировал животных для его личной коллекции. 19 февраля в его дневнике появилась такая запись: «Был у губернатора и занимался его ящиками... После полудня с помощью двух людей очистил двух котов морских от требухи, которою они были набиты. Один для губернатора, а другой для г. Романова»²⁴. Нередко он занимается этим и в воскресенье. Так, 25 февраля он писал: «Пообедав у губернатора и пришед[ши] домой от скуки (боже мой, от тоски, грызущей мое сердце), я сел за работу обклеивать ящики для губернатора, устанавливая ему рыб китайских. Погода дождливая весь день. Вечер присидел один-одинешенек дома за книгою»²⁵.

В начале февраля Вознесенский с двумя алеутами совершил путешествие на байдарках по Ситхинскому заливу вокруг Японского острова. Цель поездки — «собираение морских коростов»²⁶. Во время плавания Вознесенский отметил любопытную деталь: местные коровы «с жадностью поедали морскую капусту, тот вид, который очень похож по листьям на сухопутное растение»²⁷.

Весна добавила новые хлопоты. Вознесенский готовился покинуть Ново-Архангельск, с которым свыкся и даже полюбил. Он окончательно рассчитался со своими добровольными помощниками, написал последние письма, распорядился насчет посылки возможной корреспонденции. Все вроде бы было переделано и для себя, и для Этолина, который уезжал в Петербург. Оставалось только ждать.

В начале апреля Вознесенский совершил несколько прощальных экскурсий в окрестности Ново-Архангельска. Так, 7 апреля он в колошенском бате плавал в Лисьевскую и Сухую бухты «для собирания моллюсков и других животных». Во время этой поездки петербургского натуралиста сопровождали Загоскин, Франкенгайзер и толмач Гедеонов²⁸.

12 апреля с Кадыяка пришел бриг «Промысел». Спустя неделю Вознесенский присутствовал на обеде, данном «обществом служащих Ново-Архангельского порта в честь

²⁴ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 2/2, л. 33 об.— 34.

²⁵ Там же, л. 33.

²⁶ Там же, д. 38, л. 24 об.

²⁷ Там же, д. 2/2, л. 33 об.

²⁸ Там же, л. 38.

отъезжающего Главного правителя». Был он приглашен и на «большой прощальный обед у Главного правителя, за которым он (Этолин.— А. А.) произнес благодарственную речь служащим» ²⁹.

Пора было и ему самому собираться в путь. В Охотск отправлялся «Наследник Александр». С ним должен был уходить Вознесенский. 12 мая он переправил из квартиры клуба 19 ящиков с коллекциями в «компанейский» магазин, а оттуда — на корабль и приготовил к отправке еще 32 ящика ³⁰. Потом он нанес прощальные визиты и еще раз распорядился отсылать всю корреспонденцию в Аян.

Отплытие было назначено на 16 мая. Накануне вечером Вознесенский перебрался на корабль. Путешественник был одновременно радостен и печален. Он привык к этой стране, далекой от Петербурга, куда ему предстояло вернуться и где его ждали академические товарищи и дорогая матушка.

Вознесенский мог, без преувеличения, быть довольным содеянным: собранные им ботанические, зоологические и этнографические коллекции говорили сами за себя. Больше того, неутомимый натуралист научил искусству препарирования многих жителей Русской Америки. Недаром Л. А. Загоскин писал впоследствии: «...зоолог-преparator г-н Вознесенский независимо от своих трудов на пользу Императорской Академии наук умел во многих из нас вдохнуть страсть к собиранию естественных предметов в стране, до того времени столь мало известной ученому свету» ³¹.

И уж так получается, что, чем дальше от нас уходят времена Вознесенского, тем ценнее его историко-географическое и этнографическое наследство. И в первую очередь материалы и сведения, относящиеся к Русской Америке.

²⁹ Там же, л. 38—38 об.

³⁰ Там же, д. 38, л. 27.

³¹ Ляпунова Р. Г. Экспедиция И. Г. Вознесенского и ее значение для этнографии Русской Америки, с. 32.

По Охотскому побережью

Пять лет Ново-Архангельск и Русская Америка были для Вознесенского гостеприимным домом. И вот теперь корабль увозил путешественника из этого дома, и, быть может, навсегда. «Наследник Александр» держал курс к сибирским берегам. На борту судна среди множества пассажиров, уезжающих совсем или на время из Америки, были представители Компании. Одни из них сопровождали большие грузы, другие — направлялись в Охотск по делам службы. Многих из них Вознесенский хорошо узнал за годы жизни в Русской Америке.

Плавание было обычным. 14 июня впервые увидели юго-восточную оконечность острова Парамушир. Некоторое время корабль лавировал вблизи острова, ожидая байдарки с Филатом Дружининым. Ученик оказался достойным своего учителя. Он провел на острове Уруп год и сделал много полезного. В частности, Дружинин вел ежедневные записи всех событий, происходивших на Урупе, отмечал землетрясения, состояние погоды, фиксировал приливы и отливы. Все эти наблюдения, впервые проведенные систематически в течение года, представляли большую ценность для науки.

Дружинин попытался дать и физико-географическую характеристику острова: «Остров Уруп, — отмечал он в отчете, — омываемый с восточной стороны... океаном, а с западной — Охотским морем, с обеих сторон имеет берега высокие, вершины неровные, постепенно склоняющиеся к морю, где и оканчиваются непрерывными утесистыми падями, которые во многих местах пересекаются быстрыми, но неглубокими ручьями и водопадами, истекающими из гор и вливающимися в море. Внутренность острова

полна крутых, но невысоких гор, беспрерывно одна подле другой лежащих, которые покрыты мелким березовым лесом и ольховником, между коими находятся: стланник кедровый, тальник и рябина»¹.

Большое внимание уделил он описанию местных климатических условий: «Невзирая на умеренность климата, в летнее время большею частию здесь бывают густые мокрые туманы и сильные дожди: чрезвычайно мокрый и сырой климат хуже всякого холода, он причиняет обитателям острова разные болезни. В зимнее время выпадает очень много снегу и до такой степени, что лежит наравне с крышами домов. Также свирепствуют крепкие ветры с жестокими пургами, почему и трудно бывает достать здесь в сие время свежей пищи. Холодов больших здесь не бывает, хотя и случаются морозы, от которых замерзают озерки и речки, но не долгое время, и вскоре тает. Гром здесь случается весьма редко, только что в осеннее время; землетрясения бывают очень часто, особенно в летнее время, по направлению всегда почти от NO в противоположную сторону (к SO). В продолжение года с 20 июня 1844-го и по 20 июня 1845-го землетрясений на Урупe было двадцать один раз. Прилив и отлив в гавани умеренный: вода не поднимается выше четырех с половиной фут[ов], а в равноденствие не более пяти фут[ов]»². Дружинин вновь возвращается к землетрясениям в других местах отчета. По его словам, с 3 на 4 апреля «ночью на исходе 11-го часа было ужаснейшее землетрясение, продолжающееся пять минут, при малооблачной погоде и при NW тихом и ровном ветре»³.

Дружинин на байдарке в одиночку объехал весь остров. На это ушло девять дней. Плавание значительно помогло ему в общей ориентировке на острове. Он отметил, что местное побережье большею частью каменистое и галечное, дресвяное. На острове имелось озеро, в которое впадали две небольшие речки. Было много здесь диких растений (сарана, конский щавель, дикая петрушка, черемша и др.) и ягод (брусника, черника, голубица, рябина), встречались грибы.

¹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 14, л. 2.

² Там же, л. 2 об.— 3.

³ Там же, л. 5 об.

Основной пищей местных жителей являлась рыба (палтус, треска, окунь, горбуша, кижуч, лосось и т. п.), которую обычно ловили с апреля до сентября. Иногда море выбрасывало на берег китов и дельфинов. В одном из плаваний на байдарке Дружинину попался убитый кит с гарпуном в теле. У острова встречалось много морских зверей — нерп, сивучей. Из птиц чаще всего попадались орлы, ястребы, вороны, сороки, турухтаны, кулики, утки, чирки, гуси, лебеди и пр.⁴

Бухта, на берегу которой жил Дружинин, начала покрываться льдом 18 декабря. Однако спустя несколько дней волны разломали лед, и он снова появился 25 декабря. В начале января Дружинин наблюдал мелкий лед в гавани. Март начался с оттепели, в апреле пошли дожди, и к середине месяца бухта очистилась ото льда.

В отличие от неустойчивой ледовой обстановки снегу на острове было много. Часто случались снежные заносы. Например, 17 февраля 1845 г. при восточном «крепком ветре густым снегом занесло здания в гавани, так что невозможно было выйти и весь день нужно было сидеть в домах с огнем»⁵.

Дружинину не повезло с охотой на птиц и животных. О причинах этого он писал в донесении от 1 июня 1845 г.: «Честь имею Вам донести, при оставлении меня на острове Урупе и снабжении меня ружьями двумя, на одно из коих была Ваша надежда, которое было взято из компанейского арсенала капсельное, тульской работы, мог я только довольствоваться четыре дня, на пятый во время езды в байдарке при выстреле сломался курок и утонул в воду, после чего к исправлению употребил всевозможное старание, но однако все было без пути, почему должен был лишиться вовсе его и взять Ваше собственное, у которого замок совершенно был худой и огниво вовсе не имело огня. В первые дни моих охот и экскурсий должен был не охотиться, а досадовать именно потому, что завсичкает, между тем уже птица слетит. Ходил я с сим ружьем слишком месяц, после чего стал просить г. управляющего от компанейской винтовки замок; он дал без всякой застенчивости и с охотой, к которому должен был сделать новый приклад и от которого приобрел несколько

⁴ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 14, л. 4—4 об.

⁵ Там же, л. 7.

птиц, но пользовался сим замком до сентября м[есяца], после должен был отдать обратно, для стрельбы лисиц. В зимнее время приобретены мною морских птиц от алеута, который только держал один мой ствол, а замок был его собственный, и за каждую птицу платил по пяти копеек за всякий раз...»⁶

Жил Дружинин один в своем домике. Иногда в холодные зимние вечера ему становилось скучно. Тогда его выручало чтение. Дружинин читал и перечитывал книги, оставленные ему Вознесенским. Среди них были описания путешествия В. М. Головина, стихотворения Г. Державина, «Зоология» Озерецковского, «Ботаника» Горянинова, «Астрономический телескоп», «Натуральный магазин», врачебное веществословие о растениях, тетрадь с рисунками Академии наук. Учитель хорошо позаботился о пополнении образования своего ученика⁷.

15 июня 1845 г. Вознесенский увидел с корабля остров Маканруши, спустя десять дней показался Охотский порт — старейший русский порт на Тихом океане. «Наследник Александр» бросил якорь на опасном Охотском рейде. Стоянка оказалась недолгой, но Вознесенский успел побывать на берегу.

6 июля корабль уже был на пути к заливу Аян, где имелись порт и фактория Российско-Американской компании. Фактория была совсем недавно переведена сюда из Охотска, и к моменту прихода корабля местные власти были заняты строительством нового пути из Аяна в Якутск — знаменитого Аянского тракта, который должен был стать лучше и короче Охотского.

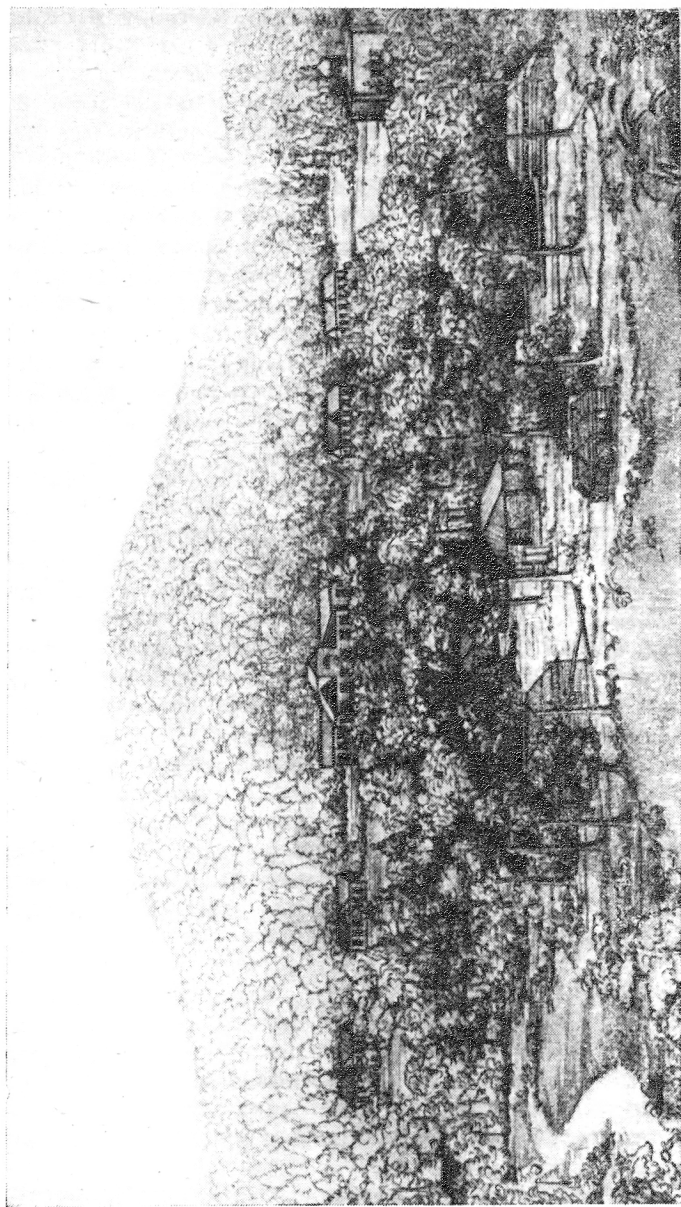
«Наследник Александр» вошел в залив Аян 13 июля. Прибывших встретил А. В. Савин, временно замещавший начальника порта и фактории капитан-лейтенанта В. С. Завойко.

Савин позаботился о первых днях пребывания Вознесенского в Аяне. Он помог ему устроить палатку для жилья и перевезти с корабля вещи. Первое знакомство Вознесенского с Аяном и его ближайшими окрестностями также произошло не без участия Савина.

Спустя две недели путешественник уже обжился на новом месте и работал не покладая рук. И это несмотря

⁶ Там же, д. 35, л. 9—9 об.

⁷ Там же, л. 13.

Фактория РАК на берегу залива Аян. Рис. И. Г. Вознесенского

на жаркую погоду. Например, 23 июля в Аяне в тени было 20°. В этот день к вечеру с р. Уй приехало на оленях трое тунгусов. «Я ждал их с большим нетерпением,— записал в дневник Вознесенский,— чтобы сделать заказы насчет добывания зверей. К сожалению, здесь нет хорошего переводчика, тунгусы же не знают говорить ни слова по-русски; я должен был вести переговоры через единственного здесь, в Аяне, толмача мальчика лет 15-ти, живущего у временного правителя г. подпоручика Савина; мальчик этот с первых лет отрочества живет между русскими, но, кроме самых повседневно употребительных речей, не научили еще ничему, и так нелегко было понимать перевод на простые мои вопросы»⁸.

27 июля в Аян из Охотска пришел бриг «Константин», на котором прибыли новый Главный правитель Русской Америки капитан 1-го ранга М. Д. Тебенков и начальник Аянского порта и фактории В. С. Завойко. Вознесенский ждал их с нетерпением, надеясь, что они привезут ответ на его просьбу о продлении сроков экспедиции. Это ожидание было особенно сильным и потому, что в прибывшей 28 июля из Якутска почте ему «нет ни одного слова ни от кого»⁹.

Рано утром следующего дня он поехал на бриг. Здесь ему вручили дубликат письма Брандта от 15 марта 1844 г. Следует оговориться, что в Охотске Вознесенский уже получил письмо от Брандта, датированное 27 февраля 1845 г., в котором академик, в частности, писал: «Если ты был уже в Камчатке и на Курильских островах, то можешь возвратиться в Петербург при первом удобном случае»¹⁰.

На Камчатке Вознесенский еще не был. Но его насторожили слова в дубликате письма Брандта: «Я долгом считаю еще тебе подтвердить, чтобы ты постарался исполнить в точности и не упустить из виду того, в чем состоит инструкция, тем более что летом 1845 года должна кончиться твоя поездка». А по инструкции он обязан был выезжать в Петербург.

Тогда как же понимать следующее наставление Брандта? «В новейшие времена,— писал академик,— другие на-

⁸ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 2/2, л. 42.

⁹ Там же, л. 45.

¹⁰ Там же, д. 36, л. 13 об.

роды часто посещают русские провинции, потому что русские хотят сделать исследование своих земель, что и должно сделать скорее. Я от тебя ожидал, что нам будешь посылать и морских произведений по возможности. Стыдно русскому имени, если иноземцы воспользуются прежде и успеют и если Академия, которая послала тебя, собственно, для этой цели, потеряет надежду прежнего знания тамошних предметов. На этот предмет надобно тебе строго и с полным усердием смотреть. Ты начал хорошо, а середина всего дела не соответствует началу (имеются в виду сравнительно небольшие коллекции, полученные во время путешествия к северу.— А. А.), но мы надеемся по крайней мере, что конец будет венчаться полным успехом»¹¹.

Вознесенский был в смятении. Он лихорадочно искал выхода из создавшегося положения. Путешественник еще раз навел справки в Охотске и Аяне, но быстро выяснил, что «нет никакой бумаги насчет моего отправления из фактории и ничего того, чтобы дать мне денег на путешествие по Камчатке»¹². И тогда он поехал на бриг «Константин» к Тебенькову. Описывая в дневнике этот визит, Вознесенский подчеркивал его главную цель — «разрешение отправиться на нем в Ситху, с дозволением, чтобы и Дружинин сопутствовал мне до Ново-Архангельска. А в случае [если] не будет «Константин[а]», то отправиться на «Тунгусе» с тем, чтобы на следующий год идти в Камчатку. Зимой мне будет случай сходить в Юж[ную] Калифорнию. Главный правитель согласился благосклонно на все мои представления»¹³.

Из этого можно сделать вывод, что Вознесенский хотел использовать зимнее время для исследований в Русской Америке, а весной, если придет разрешение продлить экспедицию, отправиться на Камчатку. Но, очевидно, под влиянием писем Брандта он переменял свое решение и остался в Аяне. Во всяком случае, 7 августа бриг «Константин» ушел из Аяна в Ситху, увозя с собой лишь письма Вознесенского в Ново-Архангельск. Среди них имелось и его отношение в Ново-Архангельскую контору: «Во время путешествия моего по колониям,— писал исследователь,— я сделал разным лицам предложения и за-

¹¹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 36, л. 8 об.— 9.

¹² Там же, д. 2/2, л. 47.

¹³ Там же, л. 48 об.— 49.

казы насчет собирания предметов натуральной истории и этнографии, относящихся для пополнения образцами животных и редкими изделиями коллекций музеума Императорской Академии наук. Посылки сии должны следовать, если будут, через Ново-Архангельский порт под адресом на мое имя или Академии наук. В случае [если] таковые будут присланы, прошу покорнейше Ново-Архангельскую контору благоволить переслать оные на судне ко мне в факторию Российско-Американской компании на Аяне»¹⁴.

Через день на Аянском рейде бросил якорь «Тунгус». Он доставил с острова Уруп коллекции Ф. Дружинина.

Вознесенский ждал распоряжений из Петербурга. Он по-прежнему жил в палатке. Лето оказалось жарким, а осень, по словам местных, в Аяне была превосходной. Ежедневно рано утром уходил он бродить по окрестностям Аяна. Стояла отличная погода, и он с удовольствием рисовал. К этому периоду относится его рисунок Аянского порта. Вот как комментирует эту зарисовку Е. А. Бломквист: «Среди леса, у подножия высокого лесистого холма, разбросаны деревянные здания Российско-Американской компании, крытые тесом: в центре дом начальника порта и контора — здание больше 17 сажен длины, с передним прирубом и высоким мезонином с полуциркульным окном (всего 12 окон по фасаду); по бокам его — четыре дома по 6 сажен длины, с двускатной крышей и мезонином, о шести окнах по фасаду каждый (один из них — больница, другой — дом священника); на переднем плане — три небольших домика с четырехкомнатной крышей, остов строящейся хозяйственной постройки, какая-то служба справа (баня?); поодаль справа же — крохотная церквушка, с алтарным прирубом и одной приземистой главкой»¹⁵.

В середине августа Завойко предложил Вознесенскому заманчивую экскурсию на оленях по р. Алдома от ее устья до небольшой впадающей в нее речки Людога. Вознесенский с радостью согласился и ранним утром 15 августа отправился в это небольшое путешествие в обществе тунгуса Алеши Карамзина (видимо, переводчи-

¹⁴ Там же, д. 35, л. 21.

¹⁵ Бломквист Е. А. Рисунки И. Г. Вознесенского. — В сб.: МАЭ, Л., 1951, т. 13, с. 300.

ка, о котором он писал в своем дневнике). Исследователь в первый раз ехал верхом на олене, да еще на олене без седла. Пришлось помучиться и даже получить несколько тычков рогами, прежде чем он смог сладить со спиной оленя.

Сначала путешественники двинулись по правому берегу Алдомы. По пути они осмотрели место, где в 80-х годах XVIII в. капитан 1-го ранга Фомин собирался строить порт (вместо Охотского). «Миновав иссохшее русло ручья, — записал Вознесенский, — проводник указал мне в мелком листовичном лесу небольшой возвышенности то место, где (сказав, «здесь бу енерал Фомин!») адмирал Фомин предполагал быть... вместо Охотска. Место это замечено предложенным деревянным срубом, который я прежде принял за памятник, сооруженный над костями чужеземного путника»¹⁶.

К сожалению, Вознесенский не закончил своих записей о путешествии. Он отметил лишь характер реки и береговой растительности. Если вблизи моря Алдома узка, стремительна и мелка, то примерно в часе езды от устья — довольно глубока и «шириной доходит до 20 сажень». Переправляться на противоположную сторону путникам пришлось уже в лодке, которую достали в тунгусском селении. Вечером того же дня они возвратились в Аян. Впечатления от экскурсии были хорошие, к тому же удалось сделать и некоторые приобретения для коллекций.

В дальнейшем Вознесенский сделал несколько выходов к р. Аянка, к пресному озеру, лежащему у входа в залив, к мысу Савая. В результате у него накопилось порядочно материалов для пополнения коллекций морских животных. В дневнике 23 августа он записал, что в течение дня разбирал свои трофеи¹⁷.

Завойко не давал скучать своему гостю. В один из дней он пригласил его в инспекционную поездку на строительство дороги от Аяна до Май. Вознесенский согласился, и 4 сентября они верхом вместе с почтой выехали по дороге на Якутск.

Стояла сухая знойная погода. Деревья еще не осыпались. Вскоре путники перешли вброд р. Сиукчен и дви-

¹⁶ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 2/2, л. 40—40 об.

¹⁷ Там же, л. 50 об.

нулись по проложенной отсюда 20-километровой просеке. Вознесенский собирал, казалось, все, что мог. Под вечер второго дня им встретилось кочевье рабочих. Здесь было решено заночевать.

Утром 6 сентября Завойко и Вознесенский, оставив сопровождающий их отряд, и с тремя проводниками двинулись дальше. Они прошли р. Уй и к концу дня вышли к верховьям р. Алдома. Затем путешественники перешли вброд быстрые горные речки Индигу, Одуру и Альдому, берега которых были завалены валунами, а русло оказалось весьма каменистым. Неподкованные лошади с трудом преодолевали каменные преграды. Ночевали на берегу одной из речек.

Весь следующий день шли к хребту и к вечеру оказались у подошвы Джугджура. Кто-то вспомнил, что местные жители переходят через Джугджур тихо: существует поверье, что дух на перевале не любит громких разговоров.

8 сентября Завойко и Вознесенский поднялись на перевал и долго любовались открывшейся панорамой. «Спустившись с хребта в густую дебрь леса отлогим ущельем,— записал в дневнике Вознесенский,— потом переправившись через полосы всяких топей и перейдя быструю реку Челасен, мы остановились ночевать между двух рек: Малый и Большой Дайгечан»¹⁸.

Дорога к Мае становилась все хуже: топи, болота, глубокий мох. Лошади двигались по брюхо в грязи, «верхом ехать нельзя было, и мы значительную часть дороги должны были брести пешком»¹⁹. 9 сентября отряд шел по следам большого лесного пожара, затем выбрался на казенную дорогу, которая была совсем испорчена и во многих местах размыта.

11 сентября путешественники достигли цели — р. Мая. Перебравшись на другой берег, они оказались в урочище Нелькан. Здесь было малоллюдно, стояли лишь провиантский амбар и несколько домиков, среди которых выделялся дом смотрителя. Завойко и Вознесенский остановились у него. В течение двух дней Вознесенский совершал экскурсии по окрестностям урочища.

¹⁸ Там же, д. 16, л. 1—2 об.

¹⁹ Там же, л. 2 об.

На третий день путешественники вышли в обратный путь. Наступили морозы. Пошел снег и вскоре основательно покрыл все горы. Идти стало еще тяжелее. Особенно трудно было на перевале через Джугджур, где бушевал сильный ветер. Пришлось здесь даже заночевать. Ночью началась пурга. Путешественники соорудили чум из оленьих шкур, выкопали яму в снегу, развели костер и стали ждать погоды.

Утро не принесло облегчения. Проводники сбились с пути, а снег все валил и валил. Когда наконец выбрались на верную дорогу, то пришлось преодолевать разбушевавшиеся горные реки. В Аян все прибыли вконец уставшие и с большим опозданием против намеченных сроков.

Вознесенский вынужден был немедленно расстаться с палаткой и переехать в квартиру, отведенную ему Завойко. Быстро приведя в порядок записи и собранные материалы и немного отдохнув после утомительного путешествия, Вознесенский окунулся в жизнь Аянской фактории со всеми ее заботами и повседневностью.

Представление о том времени дают некоторые записи из его дневника. Например, 11 октября он писал: «Березин (Алексей Петрович, будущий участник Амурской экспедиции.— А. А.) отправлен с почтой в Якутск (9-го числа он приехал из Якутска). Я отправил в Академию список и письма к акад. Брандту, партикулярное письмо матери, Константину Ивановичу и д-ру Романовскому. Последнее отдано на руки Березину... Был сегодня на экскурсии у бывшего озера (где суда наливаются водою), которое замерзло, как стекло, гладко и прозрачно. Я перешел через оное и прошел через утес к Аяну. В море ветер шквалистый, при берегу тихо. День ясный, к вечеру заволокло. Морозы постоянно по утрам и вечерам 7°, в полдень 2¹/₄ и 4°. Птиц очень немного: синицы, дятлы и вороны»²⁰.

В записях Вознесенского отразились и события, происходившие в то время в Аянском порту. Так, он пишет о лесозаготовках для строящейся дороги. Вознесенский часто бывал в лесу и наблюдал, как валят еловый, сосновый, лиственный лес. Затем его вывозили на собаках. Путешественнику рассказывали, что «в прошлую зиму та-

²⁰ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 2/1, л. 15 об.

ким образом заготовили 30 000 лесин». Собачьи упряжки наводят Вознесенского на мысль о сухопутном пути в Петропавловск. «Завойко говорил,— записал он,— что отсюда или из Охотска берегом проезд будет стоить до Петропавловского порта 5000 р. (немало!)» ²¹.

18 октября в Аяне была пурга и выпало много снега. Несмотря на ненастье, Вознесенский ходил в лес и даже застрелил белку и лисицу. На следующий день пурга прекратилась, но снег продолжал идти. В лесу работать стало трудно. «Люди, работавшие в лесу, с великим трудом могли продолжить свои занятия, работая по грудь в снегу,— писал Вознесенский.— Лес возили на нартах собаками (в каждой нарте 12 собак) с большим усилием и трудом» ²².

В те дни предметом особых забот аянских властей была постановка на зимовку бота «Кадыак». Обычно для этой цели использовалось небольшое пресное озеро. Вознесенский внимательно следил за ходом операции и даже пытался анализировать причины ее неудачи. «При теперешнем новолунии воды в море большие, и, несмотря на это, бот «Кадыак» не могут ввести на зимовье,— констатировал он.— В заливе такая мгла, что не видно противоположного берега. Волнения нет нисколько, только у берегов сильный прибой. С северо-восточной стороны за перешейком — буруны страшно стонут, так что слышно в комнате на пространстве 1½ версты или более» ²³. В конце концов 21 октября бот поставили на зимовку, правда не на озеро.

В дневнике Вознесенского имеются записи, относящиеся к жизни и быту местного населения. Например, он приводит сведения, полученные от священника Чернова, о том, что камчадалы «охотно употребляют морскую капусту в пищу — разную или даже почти всю ту, которая имеет широкий лист... Алеутки необыкновенно легко рожают,— писал он в другом месте.— Я видел (сегодня 1 ноября) женщину в кажиме, которая прошлую ночь родила и поутру встала и так же была весела, как будто ни в чем не бывало» ²⁴.

²¹ Там же, л. 14 об.

²² Там же, л. 12 об.

²³ Там же, л. 12 об.

²⁴ Там же, л. 6—6 об.

Постепенно становилось все холоднее. 23 ноября в заливе пошла шуга, а к началу декабря залив замерз. К этому времени Вознесенский подготовил для отправки в академию несколько посылок с материалами, собранными в Аяне. Он продолжал бродить по окрестностям порта и терпеливо ждал ответа из Петербурга.

Вознесенский не знал, что его судьба решалась именно в эти дни. Непременный секретарь Академии наук П. Н. Фус 26 ноября 1845 г. писал министру народного просвещения и президенту Академии наук: «Препаратор Зоологического музея Императорской Академии наук Илья Вознесенский, путешествующий с 1839 года по Российско-Американским колониям и по островам Тихого океана и снабдивший музей Академии в течение этого времени множеством драгоценнейших естественных произведений тех стран, пишет ныне из Аяна, что ему представляется случай посетить весною будущего года полуостров Камчатку, входивший также в первоначальный план его путешествия, но куда доселе, при всех его стараниях, не удалось ему направить свой путь по причине редких с сим краем сообщений колоний наших. Хотя и предполагалось в сем году вызвать Вознесенского обратно в С.-Петербург, но физико-математическое отделение, сообразив важность ученого исследования Камчатки относительно естественных произведений сего края, которых в музее Академии почти вовсе не имеется образчиков, и представляющийся благоприятный случай, в самое время, когда Вознесенский находится еще на месте, считает необходимым воспользоваться сим случаем и побуждает покорнейше просить Ваше Высочайшее повеление о дозволении оставить Вознесенского еще на один год в том крае для посещения Камчатки...»²⁵

Граф С. С. Уваров 15 декабря 1845 г. известил академию о своем согласии продлить командировку Вознесенского²⁶. Сразу же после этого В. С. Завойко были посланы соответствующие указания, в частности в отношении средств на путешествие.

Но в Аяне об этом тогда еще никто не знал. Вознесенский мог лишь мечтать о благополучном ответе. И все же он потихоньку готовился к предстоящему путешествию

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 12, д. 514, л. 4—4 об.

²⁶ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1829, д. 9, л. 63.

по Камчатке, а когда позволяла погода, уходил на экскурсию за новыми материалами для коллекций.

Все это время с ним вместе был Дружинин. Правда, он все чаще посылал его в самостоятельные походы, тем самым увеличивая возможность пополнения коллекций зверей, рыб, птиц, а также этнографических. Обо всем этом кратко и лаконично, а иногда и весьма подробно писал Вознесенский в дневнике. Случалось, что сборы для него делал кто-нибудь из местных жителей. Например, в середине марта по просьбе натуралиста на Алдому ездил тунгус Карамзин. Он собирал материалы у кочующих там тунгусов. В конце апреля Вознесенский сам выезжал в море на байдарке и с помощью алеутов добрался до кромки льда.

В середине июня в Аяне заметно потеплело. Правда, погода стояла дождливая, над бухтой часто нависал туман, а солнце появлялось на небе изредка. Однако природа пробуждалась, и на деревьях во всю распускались почки.

Наступившая весна внесла новое и в жизнь Вознесенского. 16 июня в очередной почте, которую доставил из Ново-Архангельска в Аян бриг «Константин», было много корреспонденций и для путешественника: распоряжение о продлении командировки, письма от близких и Брандта.

«Я с удовольствием вижу,— писал академик Вознесенскому 4 января 1846 г.,— что Вы здоровы и что Вы сделали значительные коллекции разнородных предметов. Я очень желал бы, чтобы Вы возвратились в Петербург скорее. Но обратив внимание, что Вы не имели случая пробыть несколько месяцев летних в Камчатке, то по разрешению Академии долгом считаю Вас уведомить, чтобы Вы воспользовались первым удобным случаем отправиться туда»²⁷. Завойко на основании распоряжений выдал Вознесенскому 500 р. Со дня на день в Аяне ждали корабль «Наследник Александр», на котором путешественник должен был отправиться в Петропавловск. Вознесенский написал Брандту о своих планах путешествий по Камчатке, заверив академика, что «к отходу судов летом будущего года я не премину быть в Петропавловском порте, чтобы немедленно отправиться в Санкт-Петербург»²⁸. При этом он спрашивал Брандта о путях возвращения —

²⁷ Там же, ф. 53, оп. 1, д. 36, л. 14.

²⁸ Там же, ф. 2, оп. 1839, д. 9, л. 69.

через Сибирь или на «компанейском» кругосветном корабле.

22 июня залив Аян неожиданно забило льдами. По словам Вознесенского, их нагнало с моря так много, что «с трудом можно иметь сообщение с ботом, который стоит на якоре кругом во льдах. Погода пасмурная, и при SW ветре шел дождь»²⁹. 1 июля он перебрался на новую квартиру вблизи порта.

Июль прошел в тревожном ожидании корабля на Камчатку. Вместе с Дружининым бродил он по окрестностям Аяна, словно прощаясь с местами, где прожил год. В это время он часто навещал друзей. Так, 7 июля он и Завойко были на товарищеском обеде на бриге «Константин».

В конце месяца на рейде Аяна наконец появился корабль «Наследник Александр». Вознесенский и Дружинин подготовили отправку последних посылок в Петербург. Больше их уже ничего не удерживало на берегу.

31 июля 1846 г. Вознесенский с учеником покинул Охотское побережье. Интересно, что исследование этих мест не входило в планы путешественника — Охотск и Аян должны были стать для него лишь транзитными вехами. Но Вознесенский плодотворно поработал и здесь. Впереди его ждала Камчатка.

²⁹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 3/1, л. 42.

По Камчатке

Вознесенский бывал в Петропавловске и не раз видел берега Камчатки. Но теперь ему предстояло не только любоваться прекрасными видами удивительного полуострова. Его ждала работа во внутренних районах камчатской земли. Исследователю предстояло побывать в ее самых отдаленных уголках и подробно познакомиться с растительным и животным миром, сделать новые сборы для коллекции. 14 августа 1846 г. Вознесенский прибыл в Петропавловск.

Вот уже год начальником Камчатки был капитан 2-го ранга Ростислав Григорьевич Машин. За этот, казалось бы, небольшой срок он успел навести порядок в управлении самой отдаленной материковой областью России. Он во многом способствовал улучшению мореплавания и торговли в здешних краях; в период его правления началось и завершилось строительство первого оптического маяка — Дальнего (открыт в июле 1850 г.). Заботился Машин и об образовании местных жителей, в частности он учредил школу для детей камчадалов в Мильково. Он решительно выступил против безобразий, творимых экипажами иностранных и в первую очередь китобойных судов в Петропавловске и других местах Камчатки¹.

Машин был старый знакомый Вознесенского по Ново-Архангельску. К нему по прибытии и пошел путешественник. Он не ошибся в своих ожиданиях. Машин тепло встретил Вознесенского, помог ему с квартирой и размещением вещей в магазине Российско-Американской ком-

¹ Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке.— «Морской сборник», 1869, № 8, с. 49.

пании. Обещал он исследователю и финансовую поддержку.

Чтобы не терять времени даром, Вознесенский решил начать исследования с устья р. Камчатка. 27 августа туда отправлялся бот «Камчадал» под командованием капитан-лейтенанта А. А. Васильева. Путешественнику предоставлялась прекрасная возможность приступить к осуществлению своих планов. Машин снабдил Вознесенского открытым листом, согласно которому «жители проезжаемых Вами (Вознесенским.— А. А.) селений должны оказывать Вам содействие к собиранию разных предметов и к проезду Вашему, равно как и к провозу в порт имеемого Вами собрания вещей давать средства и в случае, если что-либо оставлено будет Вами на время, в селениях хранить тщательно»².

30 августа бот прибыл в Усть-Камчатск. На следующий день Вознесенский вместе с архиепископом Иннокентием и капитаном Васильевым отбыл в Нижнекамчатск, который планировал сделать своей штаб-квартирой. Но Нижнекамчатск почему-то не устроил Вознесенского, и он перебрался в селение Ключевское. Это селение находилось на перекрестке дорог, соединяющих север полуострова с югом и запад с востоком.

Сняв квартиру, обговорив условия проживания в селении и оставив там Дружинина, Вознесенский и Васильев 7 сентября возвратились к месту стоянки «Камчадала». Вознесенский остановился в Усть-Камчатске на квартире у казака Попова. Прежде чем окончательно перебраться в Ключевское, он решил совершить несколько экскурсий у Камчатского мыса, вблизи Усть-Камчатска, и на озеро Лахтажье, или Лахтак. 10 сентября эту поездку ему удалось осуществить. На байдаре с гребцами Вознесенский проехал от места стоянки бота через Лахтажье озеро к Камчатскому мысу и обратно. На следующий день он с удовольствием отмечал, что, несмотря на нелегкую экскурсию, чувствует себя хорошо. До полудня путешественник разбирал богатые трофеи, а затем совершил прогулку по р. Бажная в камчадальской лодке-однодеревке (бат) к озерам. После поездки он записал в дневнике: «в опушке леса слышал голос одних только чижигов, на тундре видал куропаток, по речке встречались чирики, одного

² Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 36.

застрелил. На тундре, где я за два дня перед сим встретил большое стадо гусей, сего дня оных более не видал; перелетных весьма немного. Утки виднелись на озерах местами»³.

Вечером подул сильный ветер и пошел проливной дождь. Он прекратился лишь к концу следующего дня. Однако на реке было сильное волнение, и пришлось отложить намеченную поездку на батах. Васильев, пользуясь плохой погодой, решил организовать небольшое вечерье, «дабы покazać, как здесь веселятся,— писал Вознесенский,— народу обоего пола набралось человек до 50; женского полу взрослых я насчитал на этом вечере 12. Музыка состояла из плохой скрипки и дурной с шелковыми струнами старой гитары. Плясали однообразного казачка, женщины только ходят по образу пешего хождения, вяло и холодно; на мужчин действовал спирт, им подаваемый, и они были живы и шумливы. Под конец плясали какой-то камчатский танец... пели песни очень нескладно...»⁴.

13 сентября Вознесенский весь день бродил с ружьем по тундре. Он застрелил двух птиц, а в море наблюдал всплывшую нерпу. Дома его ждало известие из Ключевского: Дружинин не смог съездить с казаком Ушаковым за оленями. Эта новость очень взволновала Вознесенского, и он заторопился в дорогу. 15 сентября путешественник на bate отплыл в Ключевское.

По дороге Вознесенский делал зарисовки берегов р. Камчатка и составлял маршрутную карту пройденного пути. Эти карточки-кроки не только дают представление о маршруте, проделанном исследователем. Они свидетельствуют и о высоком уровне его знаний основ географической съемки. С помощью компаса и часов Вознесенский сумел нанести на карту направление реки и ее проток. Интересны его зарисовки и замечания на маршрутных карточках, характеризующих реку и ее берега⁵. Подобные маршрутные карточки составлены Вознесенским почти по всем камчатским рекам, по которым ему довелось путешествовать. Очень жаль, что этот ценный для исторической географии материал до сих пор не введен в научный обиход.

³ Там же, д. 3/1, л. 1.

⁴ Там же, л. 1 об.— 2.

⁵ Там же, д. 3/2, л. 14 об., 20, 23 об.

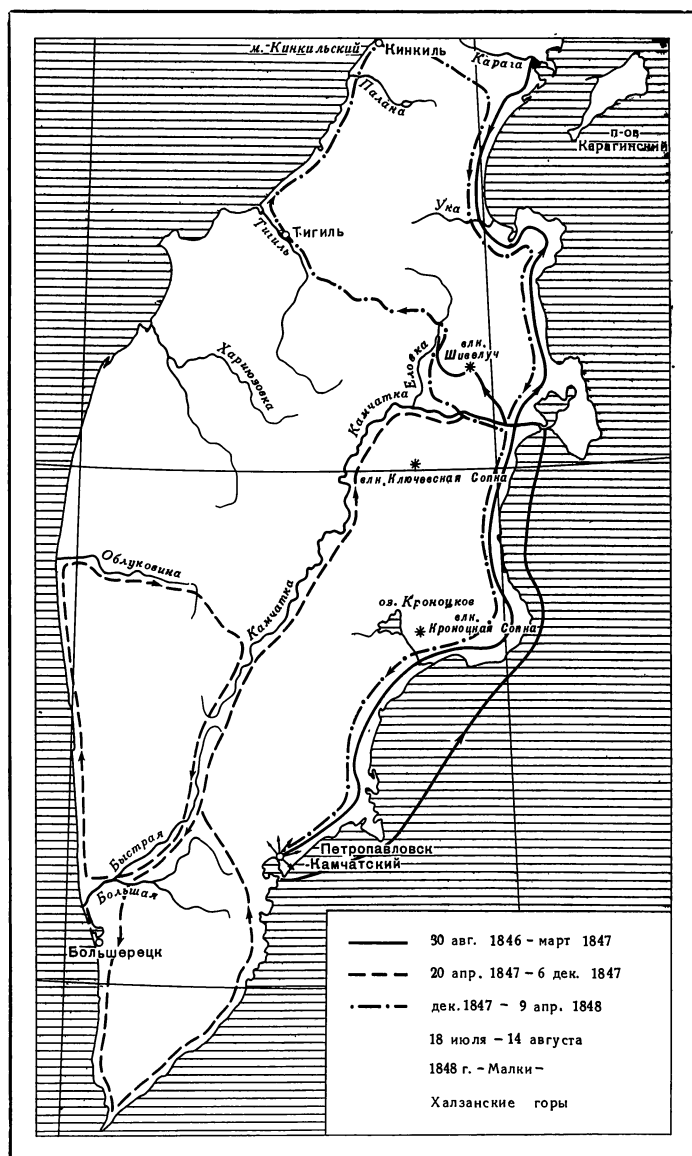
По прибытии в селение Вознесенский договорился с местным старостой относительно закупки оленей и стал собираться в свою первую экскурсию по здешним местам. Он задумал проехать к Харчинскому острожку и к сопке Шивелуч. Пока шли переговоры с проводником, Вознесенский успел прогуляться в окрестный лес и к ключам. «Совершеннейшую дивную типину лесов нарушают только стук дятла, перепела и табуны синиц,— писал он в своем дневнике.— Листья с деревьев и кустарников опали; изредка в лесу видна зелень листьев тальника только. По изгородям перелетывают сороки, на берегу реки табуны ворон со сворою псов на привязи... Красные гуси пролетывают очень высоко над Ключевским селением. У первых ключей я застрелил утку-чирка: заряд дробы положен был очень неумеренный, и я вторично ранил себе руку... Я видел, как ключи бьют воду из-под земли в трех местах, воздымаясь вверх. Возвращаясь с поля, меня настиг сильный довольно дождь; у селения я встретил ватагу ребятишек и женщин, шедших из лесу, куда они ходили копать один род мелкой сараны. Женщины со страхом рассказывали мне, что с ними вместе ходил и медведь»⁶.

Утром 20 сентября пошел первый снег и покрыл горы почти до подошв. Мороза не было, и Вознесенский после обеда погрузился на бат и отправился в путь. К вечеру, преодолев около 40 км, он въехал в Харчинский острожек. «Скот и люди погружены были в глубокий сон,— записал он в дневнике,— вскоре все поднялось на ноги, и в прозябании от легкого заморозка отогрелись в доме внимательного тоэна, который долгом счел угостить меня ужином. Ночь лунная и тихая»⁷.

Вознесенского интересовали дикие бараны, которые водились в районе Харчинского острожка и у сопки Шивелуч. Он даже поведаль тойону, у которого остановился, свою давнюю мечту — раздобыть экземпляр такого барана. Утром тойона на месте не оказалось. Путешественнику пришлось самому начинать знакомиться с жизнью обитателей острожка. «Большая часть небольшого народонаселения камчадальского острожка находится на промысле птиц, гусей и уток, а иные на рыбном,— писал

⁶ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 3/1, л. 6 об.

⁷ Там же, л. 7.

Карта путешествий И. Г. Вознесенского по Камчатке

он в дневнике.— Здешний старшина, или тоэн, чтобы собрать людей вследствие моего прибытия отправиться за дикими баранами, сам с полуночи отправился за ними на места, где они занимаются охотою. С утра до полудня мне ничего не оставалось делать, как идти подышать в пустом лесу чистым воздухом... Меня сопровождал один из камчадал[ов] из острожка с собакою. 6 часов я проходил по нагорным местам подошв хребтов Харчинских; унылая, наводящая сильную тоску на сердце пустота существовала в окрестностях; изредка слышны только перелетающие и походные одни лишь черноголовые синички да однообразный свист обыкновенного снегиря и щебетание осторожной сороки. Я застрелил для коллекции пару снегирей. Более я употреблял поиски вокруг деревьев гнилых, где под корою находил многих неразновидных насекомых. В лесу много я нашел ягод красной смородины совершенно спелой, здешные жители не собирают оной, ягода эта не сладка так, как в России, а более кисловата; камчадал говорил, что русские называют оную кислицей. Листья с деревьев все опали. В полдень прибыл тоэн и некоторые из жителей (с промысла за птицами) острожка. Тоэн велел собраться всему околodку ко мне и просил меня прочесть бумагу, которую я имею от начальника Камчатки, во всеуслышание, ибо здесь никто не понимает грамоте... Я удовлетворил его и мира желание. Не знаю, что они поняли из прочитанного приказа. Охотников идти со мною за баранами не вызывалось: стали отговариваться, кто болезнью вередов (господствующей), кто говорил, что нужно заготовить сено и проч. Нужно было употребить существенную ласку: попотчевать табаком и поить чаем, тогда камчадалы сделались говорливее и начали соглашаться на мой вызов; нашлось охотников 4 человека, в этом числе и сын молодой тоэна; положили, если будет погода благоприятная, то немедленно отправиться завтра утром в путь»⁸.

На другой день Вознесенский выехал из острожка на трех батах. Его сопровождали берегом три охотника верхом на лошадях. Они проследовали вдоль озера Крах к озеру Кайнычин, находящемуся неподалеку от сопки Шивелуч. Исследователю очень хотелось осмотреть эту сопку

⁸ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 3/1, л. 8—8 об.

и, конечно, заполучить хотя бы одного горного барана. «От 23-го числа до 25-го я пробыл у озера Кайнычин в недалеком расстоянии от сопки Шивелич (Шивелуч.— А. А.),— отметил он в дневнике.— Утром сего числа на рассвете оба озера: Кайнычин и Крох — покрылись льдом на вершок, а местами и толще. До восхождения солнца я с охотниками готов был пуститься в путь к селению Харчинскому, но, не торопясь, мы не прежде тронулись с места, как в 7-м часу утра. Я поплыл напролом льда по озерам с двумя человеками в двух батах, в каждом бату по одному охотнику; передний крепкий большой бат проламывал впереди лед, и я следовал за оным; прочие два камчадала с тремя лошадьми и 5 рыбаками отправились берегом»⁹. По пути ловили гольцов, व्यюнов, уток.

В острожек вернулись в 2 часа дня. Здесь Вознесенского поджидал прибывший из Ключевского Дружинин. Он сообщил, что в окрестностях селения выпал обильный снег. Вознесенский рассказал ему о неудачной охоте на баранов и о своем желании переправиться на ту сторону озера Кайнычин. Спустя несколько дней он совершил эту экскурсию, пополнив свои коллекции новыми материалами.

Побывал он и у сопки Шивелуч. В частности, об этой сопке Вознесенский упоминает и в описании своей знаменитой коллекции «Горнокаменных и береговой формации образцов, собранных в 1-е путешествие на реку Камчатку осенью 1846 года». Этой удивительной коллекции сопутствуют отдельные записи в дневнике путешественника, одна из которых относится к сопке Шивелуч: «Настоящая основная горнокаменная порода от сопки Шивеличь, или, как назыв[ают] камчадалы, Севеличь, взятая от огромного камня, оторвавшегося от утеса (тут кряж — горят подошвы). Под этим камнем, когда камчадалы осенью приезжают за промыслом кам[чатских] баранов, то живут под ним. Камень этот весьма тяжел и очень крепок, мелкозернистого сложения, красновато-темного цвета, гранитной породы, массы его скреплены известковым цементом»¹⁰.

⁹ Там же, л. 9.

¹⁰ Там же, д. 24, л. 19 об.

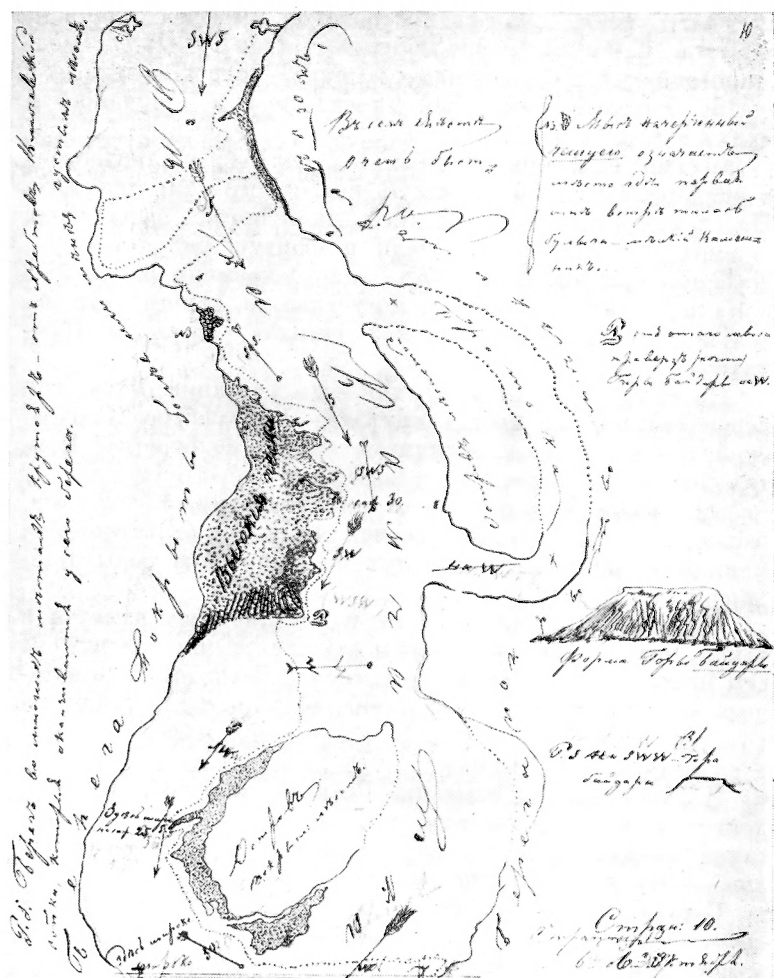
26 сентября Вознесенский возвратился в Харчинский острожек, откуда уже на другой день выехал в Ключевское. Вечером в дом старосты, где жил Вознесенский, зашел старый охотник, уезжавший охотиться в Крестовский острог. Вознесенский попросил его привести экземпляры некоторых зверей, в том числе и диких баранов. Старик рассказал путешественнику любопытную историю «о длинноногом медведе». Вознесенский записал ее: «Медведи эти весьма редки; этот поселенец, проводя большую часть времени лет своих по лесам и тундрам, один раз только видел его на приморском устье, на берегу большого озера. Он говорил: «Я был с товарищем на охоте и видим: кто-то ходит на берегу. Мы почли это существо за человека и дивились, кто бы был такой. Но когда подошли ближе, то тотчас увидели, что это не человек, а длинноногий страшный медведь, у которого с головы до половины шерсть цветом была белая или седая, а зад темный, и издали оный нам казался как бы в куртке ходящий; мы были от него в весьма близком расстоянии, не утерпели и начали стрелять: 4 пули впились в грудь его, но он как бы оные и не чувствовал, только весьма рассвирепел и начал гоняться за нами, мы струсили и убежали. У медведя этого ноги передние весьма длинные, а задние весьма коротки, и он ходит как бы прямо, подобно человеку»¹¹.

В этот же вечер Вознесенский заготовил письмо в Нижнекамчатский, Харчинский, Гигильский и другие остроги и селения и, пользуясь «открытым листом», пообещал награду тому, кто убьет и доставит такого медведя.

Приближалась зима. Вот-вот должны были замерзнуть реки. Вознесенский решил предпринять еще одно плавание по р. Камчатка и ее притокам. 3 октября он с двумя гребцами-проводниками в одном бате отправился вверх по реке и, минуя Крестовский, Утколоцкий, Козыревский острожки, дошел до устья р. Толбачин. Дальше они плыли по этой реке и к вечеру 10 октября прибыли в Толбачинский острог.

Во время плавания Вознесенский вел маршрутную съемку. Сохранившиеся в его архиве маршрутные карточки позволяют судить о тщательности записей, которые

¹¹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 3/1, л. 11—11 об.

Карта-схема реки Камчатки в районе Ключевской сопки.
Сост. И. Г. Вознесенский 6 октября 1846 г.

вел в пути исследователь. На всех карточках имеются отметки о характерных особенностях маршрута. Так, на карточке «Плавание в Крестовский острожек из Ключевского селения — 4-го числа октября 1846 [г.]» нанесены

перекаты реки, протоки, острова и имеются надписи: «Остров. Сенокосы ключевских жит[елей]»; «Берег мелкокаменистый с березняком»; «Грунт — берег наносный с лесом, который виден во многих местах, торчащий в ярах» и т. п.¹²

Весьма подробны записи на картах, составленных 6 октября. И в этом, пожалуй, нет ничего удивительного. По словам Вознесенского, «весь день погода была очень хорошая, теплая, я в шинели и куртке сидел в бату... особенно приятен был закат... с того времени как я был в Калифорнии, я не видел, могу сказать, такого очаровательного неба вечернего, как сегодня, здесь, в Камчатке»¹³.

На одной из карт этого дня есть указание о том, что берег «во многих местах крутой — от хребтов Ключевской сопки, которые оканчиваются у сего берега». Противоположный берег, по словам исследователя, покрыт мелким лесом. Участок берега, заштрихованный «чешуею», означает место, где Вознесенскому впервые встретился мелкий камешник-булыга; тут же зарисовка горы Байдара¹⁴.

На другой карточке кроме навигационных имеется и такая надпись: «Темная ночь заставила прекратить на сем месте черчение реки. До острожка Утколокского осталось версты 3». Рядом Вознесенский помещает врезку, на которой нанесен объезд к Утколокскому острожку и дается вид самого острожка¹⁵.

В Толбачинском острожке Вознесенский встретился с доктором А. С. Полонским, тем самым, который впоследствии написал историю исследования Курильских островов — «Курилы». А на другой день он уже плыл по р. Толбачин, поражаясь безжизненностью ее берегов. Не встретив здесь никаких зверей, исследователь решил возвратиться в острожек. Отсюда он переправился через Толбачинское озеро и по р. Камчатка 16 октября прибыл в Ключевское.

В селении Вознесенский прожил до окончания ледостава на реках. За это время он сделал несколько выла-

¹² Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 3/4, л. 1 об.— 2.

¹³ Там же, д. 3/6, л. 7 об.— 8.

¹⁴ Там же, д. 3/4, л. 10.

¹⁵ Там же, л. 12 об.— 13, 13 об.— 14.

зок к ключам, производя зарисовку местности. Дома вел обработку собранного материала, занимался закупкой животных, которые стоили здесь значительно дороже, чем в Русской Америке. 9 ноября, дождавшись, когда река стала, Вознесенский на собаках по льду выехал в Харчинский острог, откуда совершил новую поездку к сопке Шивелуч, надеясь поймать дикого барана.

Сразу же по прибытии в Ключевское Вознесенский стал готовиться к большому санному путешествию. Теперь он решил двинуться на север по восточному, олюторскому берегу Камчатки. Подготовка велась тщательно. Сооружались крытые нарты, заготавливались припасы и снаряжение.

В таких заботах и хлопотах незаметно пролетели две недели. Но Вознесенский не забывал и о главной цели своей командировки — сборе всевозможных коллекций. 18 ноября в его дневнике появилась такая запись: «Сегодня я имел случай приобрести за небольшую цену клык мамонта, привезенный сюда с острожка Щекино; говорят, что там оные кости находятся в яру над речкою Камчаткою. Есть слухи, что в вершине какой-то реки в Камчатке костей этого допотопного зверя находится очень много, но камчадалы, из опасения, что заставят их отрывать оные, таят или скрывают, сообщая о сем иногда приятелям своим русским, и то так, как бы по преданиям к ним о сем дошедшим»¹⁶. Радостным днем оказалось для него и 20 ноября, когда путешественника «порадовал один харчинский камчадал, привезя одной водяной мыши, которой, без всякого сомнения, нет еще ни в одном из кабинетов натуральной истории»¹⁷.

В Ключевском до Вознесенского дошли слухи, «будто бы олюторцы покинули свои селения и бегут от страшного голода к Приморскому устью и в гавань. Завтра по сему делу здешний староста уведомит (будто бы) меня формально и представит невозможность отправления к олюторцам. Обидно, если это только правда; тогда отдаленные пределы Северной Камчатки только останутся в соображении, которое на деле нужно очень подкрепить»¹⁸.

¹⁶ Там же, д. 3/1, л. 32.

¹⁷ Там же, л. 32 об.

¹⁸ Там же, л. 33.

Слухи подтвердились — на восточном берегу Камчатки начался голод. В связи с этим Вознесенскому не советовали пускаться в задуманное путешествие. Но он все-таки решился. 29 ноября Вознесенский на собаках выехал на север, намереваясь достичь Олюторского острога.

Поездка оказалась очень тяжелой, и Вознесенскому не удалось добраться до конечного пункта. В отчете о поездке он писал, что «до Олюторска я не мог доехать по случаю падежа собак и голодовки, ибо в то лето очень мало ловилось рыбы»¹⁹. Преодолев свыше 400 км труднейшего пути, он остановился в Карагинском остроге, где и пробыл с 9 по 13 декабря. За это время он совершил несколько поездок в окрестности острога, произвел выгодные обмены с приезжающими сюда олюторцами. При этом Вознесенский сумел приобрести много новых экспонатов для академических коллекций.

Вместе с тем он окончательно убедился, что того времени, которое ему отвели для исследования Камчатки, явно недостаточно. Вознесенский чувствовал, что останется тут еще на один год. И он уже строил планы исследования всех районов обширного полуострова, который до него более ста лет назад изъездил только один человек — Степан Петрович Крашенинников, участник экспедиции В. И. Беринга. Символично, что работу Крашенинникова об этом путешествии Вознесенский всегда возил с собой.

Из путешествия по восточному берегу Камчатки Вознесенский возвратился 31 декабря 1841 г. Исследователь торопился: нужно было готовиться к отъезду в Петропавловск, а незавершенных дел оставалось много. Приходилось работать даже в воскресенье. В этот период в его дневнике часто встречаются такого рода записи: «Весь день (5 января, воскресенье.— А. А.) я провел за работою окончательно медведя, который и повешен на морозе сушиться. Еловский тоэн доставил мне сегодня волка»²⁰. Из-за этого волка Вознесенский отказался пойти на местную свадьбу: потребовалась срочная обработка шкуры²¹.

Наконец все дела в Ключевском были завершены. 1 февраля 1847 г. Вознесенский с Дружининым выехали

¹⁹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1839, д. 9, л. 99 об.

²⁰ Там же, оп. 1, д. 4/1, л. 1 об.

²¹ Там же, л. 2 об.

на четырех нартах в Петропавловск. По дороге они посетили многие камчадалские острожки: Крестовский, Ушковский, Козыревский, Толбачинский, Шапинский, Машурский, Карагинский, селение Мильково, Шоромский, Пушинский, Ганальский, Малки, Начиканский, Коряцкий, Старый. В пути Вознесенский постоянно записывал в дневник свои наблюдения. Со слов каюра Слободчикова он нанес на карту все речушки, впадающие в море между мысами Шипунский и Кроноцкий.

12 февраля они въехали в Петропавловск. Город встретил путников обильным снегом. Вознесенский отметил в дневнике, что снег лежал вровень с тыном и палисадниками домов.

Вознесенский быстро подыскал себе квартиру в порту, в доме унтер-офицера Николая Мутовина, и сразу же приступил к подготовке путешествия по западному берегу Камчатки. Он решил с наступлением весны перебраться в Большерецк и уже оттуда совершить поход на север — к Тигилю, а затем на юг — до мыса Лопатка. О своих планах он написал в Академию наук. Согласовал он их и с Р. Г. Машиным и вновь получил от правителя Камчатки «открытый лист».

В это время в дневнике Вознесенского появляются записи его впечатлений о жизни Петропавловска. Так, 4 апреля он констатировал: «Здесь, в Петропавловске, ведутся метеорологические наблюдения г. прапорщиком корпуса флотских штурманов Кузьминым под личным надзором г. начальника. Результаты наблюдений отсылаются в Гидрографический департамент к г. Рейнеке. Сегодня погода весь день ясная, безоблачная и тихая: утром и вечером морозы, наст на дороге очень хороший. Авачинская сопка сильно дымится. Облака дыма образуют вокруг вершины венец»²².

Встречаются в дневнике и грустные записи. Например, с почтой 8 апреля: «...привезли многих печальное известие, что предместник нынешнего начальника г. Страннолюбский помер в Петербурге через два месяца по приезде». При этом путешественник в сердцах возмущается порядками на петропавловской почте: «Ни газет, ни книг на сей почте нет. Варварство!»²³

²² Там же, д. 4/2, л. 130 об.—131.

²³ Там же, л. 134.

Между тем в Академии наук для Вознесенского готовился сюрприз. Брандт и другие академики оказались настолько довольны его действиями, поведением и достигнутыми результатами, что решили достойным образом вознаградить путешественника. О намерениях академиков в отношении Вознесенского, а также о планах его дальнейшего пребывания в экспедиции можно судить по докладу неперменного секретаря Академии наук П. Фуса товарищу министра народного просвещения 30 сентября 1846 г. Описав обстоятельство организации экспедиции в Русскую Америку, Фус констатировал: «Вознесенский в столь неожиданной мере оправдал доверие к нему Академии, что смело можно сказать, что доставленные им в течение первого трехлетия предметы и количеством, и редкостью пород, и сохранностью далеко превышают в ценности употребляемые на путешествие его средства. Кроме того, отзывы об нем Главного правителя колоний и даже бывших в тех краях иностранных путешественников выхваляют благородное его поведение, примерное усердие в исполнении данных ему поручений и необыкновенное искусство в собирании и препарировании естественных предметов. Все эти обстоятельства побудили Академию в 1842 году просить разрешения начальства на оставление Вознесенского в тех краях еще на три года, на тех же основаниях, которое и последовало в предложении г. вице-президента от 28 февраля 1843 года за № 66. По истечении второго трехлетия представился Вознесенскому случай посетить залив Аян и полуостров Камчатку, и он убедительнейше просил Академию дозволить ему воспользоваться сим случаем. Физико-математическое отделение, сообразив, что Камчатский полуостров, в отношении к естественным его произведениям далеко недостаточно еще исследован, что он в новейшее время обратил на себя внимание даже иностранных (французских и английских) мореходцев и естествоиспытателей и что богатые естественными произведениями музеумы наши почти вовсе не имеют представителей тамошней фавны (фауны.— А. А.) и флоры, просило г-на министра об отсрочке путешествия Вознесенского еще на один год на прежних [условиях], для посещения Камчатки, на что и последовало разрешение его сиятельства 15 декабря прошлого года. И этот год минул. Медленность в письменных сообщениях с сим отдаленным краем и другие.

не зависевшие от Вознесенского обстоятельства были причиною, как изъясняет он в письме своем из Аяна от 25 июня сего года, что не прежде середины или исхода июля будет ему возможно прибыть в Петропавловский порт и что желание его исследовать Камчатку во всем ее протяжении сбыться не может, если ему не будет дозволено употребить на это еще лето 1847 года и возвратиться уже в С.-Петербург к осени или исходу будущего года. Отделение, убедившись из семилетнего опыта в пользе сего путешествия и видя богатство принесенных им плодов, частью неоценимых, считало бы истинною потерю для наук не воспользоваться бытностью Вознесенского на месте для основательного изучения естественных произведений Камчатки, тем более что подобный случай не скоро представится вновь, а если и представится, то потребует больших расходов. Упраздненное с увольнением г-на Шрадера место штатного хранителя Зоологического музея предполагается предоставить Вознесенскому, по возвращении его»²⁴.

Предложения Академии наук были приняты. 16 декабря 1846 г. Фус сообщил Вознесенскому о положительном решении и добавил, что в адрес Камчатского приморского управления путешественнику передано 1000 р. серебром, «назначенные Вам Академиею на путешествие по Камчатскому полуострову на покрытие части издержек Вашего обратного приезда в С.-Петербург»²⁵.

Впоследствии Вознесенский так охарактеризует маршрут этого путешествия: «С 20 апреля 1847 года я поехал на западный берег Камчатки через Большерецк сначала на северную сторону до реки Омлуковина, а отсюда на юге весьма трудными путями пробирался до Лопатки к хребту Чумту»²⁶.

Из Петропавловска Вознесенский и Дружинин выехали на трех собачьих упряжках, направляясь к западному побережью Камчатки. Путь их лежал через Авачу, Старый и Коряцкий остроги. В последнем острожке путешественники попали в сильную пургу и пришлось нанимать еще одну упряжку собак, чтобы легче было тащить груз. Затем они вышли к Начиканскому острогу и от него до-

²⁴ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 12, д. 514, л. 7—8 об.

²⁵ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 35, л. 33.

²⁶ Там же, ф. 2, оп. 1839, д. 9, л. 100.

брались до селения Малки. Следующим пунктом их маршрута оказался Опачинский острог. Вознесенский купил здесь медведя, застреленного камчадалским старшиной Фирсом Трапезниковым.

26 апреля они прибыли в Большерецк. Местные жители рассказали Вознесенскому о больших трудностях, с которыми связано путешествие на север полуострова. Подумав, он решил ехать туда один. Остававшемуся в Большерецке Дружинину было приказано завершить комплектацию накопившихся материалов и при удобном случае возвратиться в Петропавловск, где были оставлены все собранные в первом путешествии коллекции.

Вознесенский отсутствовал в Большерецке с 29 апреля по 23 мая 1847 г. За это время он проехал на нартах около 300 км вдоль западного берега Камчатки. В основном его путь пролегал вблизи моря через прибрежные селения и острожки — Укинский, Коловской, Воровской, Компаковский, Крутогоровский. Конечным пунктом путешествия стал Облуковинский острог — отсюда путешественник повернул обратно. За время поездки Вознесенский пополнил свои коллекции, причем в основном за счет образцов горных пород и этнографических предметов, вынесенных у редких обитателей пустынного побережья.

Возвратившись 3 июня 1847 г. в Петропавловск, Вознесенский стал готовиться к путешествию на юг полуострова, к мысу Лопатка. Однако сборы часто прерывались: путешественник составлял отчеты, писал письма. Так, 17 июня он «подал на почту письмо к г-ну Брандту и послал еще к матери. Весь день занимался бумагами. Погода яснооблачная, и к вечеру совершенно ясно. В 9-м часу вечера я был на бриге «Охотск» с прощальным визитом у г-на Рыдалева». Не забывал он и своих друзей из Русской Америки. Вознесенский также писал им письма и отправлял посылки. Например, 15 июля он передал командиру корабля «Наследник Александр» Гардеру посылку с различными вещами для Ивана Петелина — лекарского ученика на Уналашке²⁷.

В Петропавловске Вознесенского часто можно было видеть в обществе начальника Камчатки. Об этом имеются записи в дневниках исследователя. Например, 20 июня

²⁷ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 38, л. 41.

он записал: «в 5 час. вечера г. Начальник пригласил меня к памятнику Лаперуза в поле на чай»²⁸.

В свободное время Вознесенский знакомился с окрестностями Петропавловска. В частности, он совершил несколько экспедиций по берегу Авачинской губы. Затем он на бате с двумя гребцами плывал в Тарьинской губе, а спустя несколько дней — в северо-восточной части Авачинской губы, где собирал морские растения и животных. Возвратясь в Петропавловск, исследователь стал окончательно готовиться к путешествию на юг. Вместо пришедшей в ветхость палатки, купленной еще в Россе, он приобрел другую.

2 августа 1847 г. Вознесенский с четырьмя гребцами и рулевым на вельботе отплыл в южную, как он сам считал, третью экспедицию по Камчатке.

На этот раз путешественник намеревался побывать на юге полуострова. Но сначала он опять направился к Большерецку. От Авачи до Старого острога участники похода доплыли на трех батах, а затем на лошадях добрались до Коряцкого острога. Через перевал Холзан Вознесенский с двумя проводниками-камчадалами перебрался в Опачинский острожек.

В Опаче путешественник задержался на несколько дней. Он учил искусству препарирования животных Мирона Трапезникова. «Ученику Мирону Трапезникову,— записал Вознесенский в своем дневнике,— которому во время моих пребываний на Опаче даны уроки препарации, и для приготовления животных впредь даны ему разные необходимые материалы, инструменты и вещами»²⁹.

В Большерецк Вознесенский прибыл по р. Бааню на трех больших батах. После короткого отдыха и окончательных сборов он 26 августа 1847 г. выехал в Голыгин острожек. На этот раз на двух батах его сопровождали четыре гребца. В пути Вознесенский значительно пополнил свои ботанические коллекции. Судя по записям в дневнике, в это время он много рисовал. Через три дня отряд прибыл в Голыгин острожек.

Неутомимый натуралист сразу же отправился осматривать окрестности. Вместе с двумя проводниками он совершил четырехдневную экскурсию к Жемчужному озеру.

²⁸ Там же, д. 4/3, л. 181—182 об.

²⁹ Там же, д. 38, л. 42.

4 сентября Вознесенский выехал в Явино — последнее селение на пути к мысу Лопатка. По-прежнему основным средством передвижения служили баты, которые приходилось перетаскивать волоком с реки на реку. В дороге у Вознесенского неожиданно сломался дробовик. К счастью, в Явино нашелся умелец-камчадал. Он помог путешественнику починить ружье.

Вознесенский сделал Явино базой третьего путешествия. Отсюда отправлялся он в увлекательные экскурсии по югу Камчатки. Самой значительной из них стала поездка к мысу Лопатка. В течение десяти дней (с 7 по 18 сентября) он в сопровождении пятерых проводников-камчадалов знакомился с одним из интереснейших уголков камчатской земли. Путешественник добрался до самого мыса, откуда смог наблюдать ближайшие, Курильские острова. Сборы его дополнились «образцами горнокаменных пород», показавшихся ему малоизвестными. По крайней мере определить их он не смог³⁰.

Еще одну интересную экскурсию он совершил 25 и 26 сентября. На этот раз Вознесенский с двумя проводниками-охотниками отправился на мыс Октцым. Исследователь приобрел здесь двух молодых горных баранов. Затем он побывал на берегу Курильского озера, у устья р. Озерная.

Вознесенский пробыл в Явино до 2 октября. В свободное от походов время он занимался выделкой шкур, приведением в порядок собранных материалов. Большую помощь ему при этом оказали местные жители, и в первую очередь явинский тойон Яков Буренин.

С юга Вознесенский возвращался несколько иной дорогой. Из Явино до устья р. Опала он ехал на лошади, а в батах находилось экспедиционное имущество. В устье Опалы он пересел в бат и в течение семи суток плыл до Большерецка, откуда на лошадях добрался до Опачинского острожка.

Наступило 14 октября. Зима была не за горами. Но Вознесенский был полон новых планов и задумок. В сопровождении тойона Трапезникова он отправляется к минеральному источнику, чтобы пополнить свои естественные коллекции. Отсюда на лошадях путешественник пытался пробиться к селению Малки. Но наступившая рас-

³⁰ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 24, л. 19 об.

путица сделала этот способ передвижения невозможным. Пришлось вернуться в Опачу, нанять четыре собачьих упряжки и уже потом через перевал выйти к Малкам.

В селении Вознесенского ждало письмо от Брандта, посланное 30 ноября 1846 г. Академик извещал его о получении в Петербурге письма и рапорта Вознесенского из Аяна. «Я представил рапорт Конференции Академии,— писал Брандт,— и она препоручила мне, чтобы писать Вам свое полное удовольствие за Ваше похвальное прилежание и за Вашу ревност[ност]ь. Что касается до Вашего путешествия по Камчатке, то Вы пробудете там еще до будущей осени, т. е. 1847 года, а потом Вы возвратитесь в С.-Петербург прямо без всяких препятствий»³¹.

Таким образом, по предписанию Вознесенский должен был сворачивать экспедицию и срочно отправляться в Петербург. Но путешественник понимал, что раньше лета 1848 г. ему просто не выбраться с Камчатки. И он решил использовать оставшееся время с полной нагрузкой, хотя чувствовал себя все хуже и хуже: появилось «стеснение в груди», как писал он в официальном рапорте.

По первопутку на двух подводах Вознесенский преодолел 50 км, отделяющие Малки от Ганалы. Вблизи этого селения, как сообщили Вознесенскому, водились горные бараны. Путешественник быстро договорился с местными охотниками и вскоре уже шел с ними в горы. Сопровождающие его камчадалы-охотники знали заповедные места Камчатского хребта, и они быстро вышли на баранов. Охота удалась. Позднее Вознесенский записал в дневнике, что ему удалось приобрести два экземпляра превосходных баранов³².

Пробыв в Ганалах две недели — нужно было обработать шкуры,— Вознесенский выехал в Ключевское. Он добирался туда обычным на Камчатке трактовым путем через острожки и села. За 20 дней пути он посетил Пущинский, Шоромский, Верхнекамчатский, Кирганикский, Машурский, Толбачинский, Козыревский, Ушковский, Крестовский острожки, а также селения Мильково и Щекино. В последнем Вознесенский пополнил свою коллекцию отличным экземпляром соболя.

³¹ Там же, д. 36, л. 16—16 об.

³² Там же, д. 38, л. 43 об.

Ранним декабрьским утром путешественник возвратился в Ключевское. Его ожидали хорошие новости. Местный староста Иван Ушаков сберег в замороженном состоянии 6 экземпляров редких птиц и одного зверя. Кроме того, как писал Вознесенский, в Харчине «для этнографической коллекции от приморских жителей приобретены модели: речного рыбного запора с балаганами, вешалами и проч., следующими к ним принадлежностями, которые сделаны по моему заказу»³³. Старый знакомый Вознесенского казак Минюхин доставил в Ключевское запас продовольствия, товары и вещи (сургуч, гвозди, свечи, бумаги, квасцы, мука и т. п.), необходимые для нового путешествия. В свое время Вознесенский заказал их в Петропавловске у комиссионера Российско-Американской компании Андреянова³⁴.

Вознесенский понимал, что его две первые экспедиции (по восточному и западному берегам Камчатки) не принесли желаемых результатов. Исследователю не хватило опыта путешествий по камчатской земле. К тому же различные обстоятельства, в частности голодный год, не благоприятствовали успешному проведению экспедиций.

Сознавал он и то, что приближается последний день пребывания его на Дальнем Востоке. Поэтому Вознесенский решил спланировать четвертую экспедицию по Камчатке с таким расчетом, чтобы побывать в наиболее труднодоступных местах полуострова. Он намеревался достигнуть западного берега и, поднявшись по нему на север до Паланы, пересечь Камчатский хребет, выйти к восточному берегу в районе Дранкинского острога и оттуда спуститься в ставшее ему родным Ключевское.

10 декабря 1847 г. Вознесенский выехал из Ключевского на трех нартах, доверху груженных снаряжением и продуктами. Он держал путь в крепость Тигиль. Миновав Харчинский и Еловский острожки, путешественник через Тигильский хребет вышел к острожку Седанка, расположенному на западном берегу полуострова. Недалеко была и крепость Тигиль. Внимание Вознесенского больше всего привлекали выходы пород на поверхность в горах и в долинах рек. Впоследствии в рапорте Брандту он писал: «Самое разнообразное, что собрал я во время пере-

³³ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 38, л. 44 об.

³⁴ Там же, л. 44.

ездов чрез горы и по паланскому берегу, то это заключается в многочисленных образцах ископаемого царства: ни один утес и ни одна россыпь не были пропущены, от каждой отколоты камни»³⁵.

В крепости Тигиль Вознесенский встретил своего старого знакомого — штурмана А. М. Гаврилова. Его корабль стоял здесь на зимовке. Исследователь решил оставить на корабле все образцы пород и экспонаты коллекций. В навигацию Гаврилов обещал доставить их в Петропавловск. Интересно, что он и сам имел небольшую коллекцию, которую впоследствии передал через Вознесенского в дар Академии наук.

22 декабря Вознесенский выехал из Тигиля в Омянинский острожек. Там он пробыл недолго и вскоре снова был в пути. Проехав Воянпольский и Кахтанинский острожки, путешественник 27 декабря был уже в Палане. Тут он снова пополнил свои этнографические сборы, купив у коряцкого старшины Этека «оленные ездовые санки с бичом» и «коренной зуб мамонта». У паланского тойона Вознесенским была приобретена «настоящей величины и самой изящной работы камчадалская санка с упряжью — алыками, плетеными потягами и проч. на пять собак»³⁶.

Вознесенский прошел еще севернее — к Кинкильскому острогу, расположенному в 50 км от Паланы. «Осмотрев Кинкильский мыс,— писал он в дневнике,— замечательный по многому содержанию разнородных камней, в особенности аметистовых щеток, и посетив юрты кочующих оленных коряк, на другой день нового 1848 года я отправился опять через горы на восточный берег Камчатки к Дранкинскому селению и оттуда по Укинскому краю достиг 12 января берегов реки Камчатки»³⁷.

Любопытна одна деталь. В дневниковых записях Вознесенского, относящихся к периоду четвертого путешествия по Камчатке, превалирует геологическое направление. Вот некоторые из них: «Формация берегов р[ек] Тигиля и Седанки. Спускаясь от острожка Седанки к крепости Тигиль (по течению реки). Самый высокий берег гористый — это по левую сторону, состоит из намывной

³⁵ Там же, ф. 2, оп. 1839, д. 9, л. 64.

³⁶ Там же, ф. 53, оп. 1, д. 38, л. 45.

³⁷ Там же, ф. 2, оп. 1839, д. 9, л. 63 об.

луды или из мелкозернистого рыхлого хряща, проникнутого местами железной окисью. Из этой массы составились горы. Кряж их тянется от SW к NO. В недалеком расстоянии повыше кр[епо]сти Тигиль в левой стороне берега пространное место занимает отвердевшая глина, с избытком проникнутая железной окисью... Береговая формация левого берега р. Седанки — по течению, — миновав (не вовсе) каменноугольные пласты, состоит из желтого крупнозернистого хряща, под ним лежит ряд разной величины гольцов... Большое пространство занимает торф по течению реки на левой стороне берега реки Тигиль. Я нашел оный тогда, когда ездил с г. Гавриловым в Гаванку из крепости Тигильской 18 декабря 1847 года... Западная сторона спуска с Тигильского хребта, как кажется, вся состоит из гранитной породы, почти при истоке р. Седанки, где берега ее усеяны на большое расстояние сплошными взрытыми острыми камнями и кекурьями. Я отколол от одной огромной глыбы камень-образец, который очень тверд, весьма тяжеловесен, изредка круглодырчатый, плотный, словно однообразный, светло-серого цвета»³⁸.

Как видим, записи Вознесенского довольно профессиональны и отличаются научной точностью. На своем большом пути исследователь встречал в россыпях признаки каменного угля, каменной соли и даже аметистов. На основании геологических и минералогических сборов Вознесенского академик К. И. Гревинг уже в 1850 г. издал «Орографический и геогностический очерк северо-западного берега Америки и соседних островов». К сожалению, большая геолого-минералогическая коллекция, собранная Вознесенским в Русской Америке и на Камчатке, полностью до сих пор не обработана.

Новый, 1848 год Вознесенский встретил в Кинкильском острожке. «Жестокая пурга, продолжавшаяся вчера весь день, — записал он 1 января 1848 г. в дневнике, — помешала мне отправиться с Кинкильского острожка к хребту, и поэтому я решил провести день Нового года здесь. Пурга продолжалась не только что в течение прошедшего дня, но и всю ночь, и до рассвета сего числа»³⁹.

³⁸ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 24, л. 8 об. — 10 об.

³⁹ Там же, д. 5, л. 1.

Когда непогода поутихла, путешественник на собачьих нартах двинулся в дальнейший путь к хребтам. На этот раз ему попались хорошие проводники, и через день он уже был на Дранкинском перевале, откуда мог наблюдать многочисленные хребты, простирающиеся в разных направлениях. Спуск на восточную сторону Камчатки оказался очень крутым. Тем не менее к вечеру 5 января он достиг Дранкинского острога ⁴⁰.

Несколько дней Вознесенский отдыхал. Правда, можно ли считать эти дни отдыхом, если все они были наполнены заботами о пополнении коллекций? Особенно повезло ему здесь с этнографическими сборами. 6 января он записал в дневнике: «Карагинский тоэн по прошлогоднему заказу приготовил: а) модели укинской или олюторской байдарки, б) аргызной или грузовой коряцкой санки, с) олюторскую костяную трубку и проч.» ⁴¹.

9 января Вознесенский покинул гостеприимное село. Теперь ему предстоял обычный путь возвращения в Ключевское через многочисленные и уже знакомые ему острожки. В дороге он часто останавливался, опять-таки для пополнения коллекций. Натуралисту повезло. В Холюлинском острожке он приобрел двух сов, в Укинском — экземпляр редкого гуся, а в Харчинском — двух каменных баранов — самца и самку.

В Ключевском Вознесенский пробыл до середины марта. Он жил у Ивана Ушакова, который, будучи старостой, по мере сил помогал гостю из далекого Петербурга. Со временем он стал помощником Вознесенского и как препаратор. Исследователю помогал и сельский учитель Павел Кречетов. Вместе с ними Вознесенский препарировал привезенных из путешествия в замороженном состоянии животных.

Коллекции натуралиста заметно пополнялись. Весной он приобрел прекрасные экземпляры волка, белоплечного орла и двух толбачинских глухарей. К его этнографическим экспонатам добавились санки костяные, калауш (дорожный камчадалский чемодан), медвежья шкура, лыжи (подбитые нерпой), камчадалская кухлянка, торбас и лисьи рукавицы. Теперь приходилось ломать голову, как уложить эти богатства. И можно представить себе радость

⁴⁰ Там же, д. 38, л. 47.

⁴¹ Там же.

Вознесенского, когда он сумел упаковать больших зверей в добротный обитый железом ящик, купленный им по случаю у усть-камчатского лощмана Выходцева. Исследователь специально на несколько дней ездил в Нижнекамчатск и в Усть-Приморское селение, чтобы лично договориться об отправке ящиков с коллекциями морским путем в Петропавловск.

Возвратившись в Ключевское, он расплатился с Ушаковым и в благодарность за помощь подарил ему необходимые для препарирования инструменты. Потом он отправил в Усть-Камчатск ящики с коллекциями. Ничто больше не удерживало Вознесенского в этом селении. 9 апреля 1848 г. он прибыл в Петропавловск с целью подготовиться к отъезду в Петербург.

Начальник Камчатки Р. Г. Машин рекомендовал Вознесенскому возвращаться через Сибирь. При этом он гарантировал сохранность всех коллекций путешественника и их своевременную отправку в Петербург. Вознесенскому же очень не хотелось возвращаться в Европу этим путем. Несмотря на заверения капитана 1-го ранга, его беспокоила судьба собранных коллекций. Именно о них, а не о своем здоровье думал неутомимый исследователь. Не забывал он и о возможности их пополнения.

Вознесенский ответил Машину следующим письмом: «Расстроенное мое здоровье долголетним путешествием, которое в последнее время еще более ослабло от зимних странствований в северной части Камчатки, лишает меня теперь способности приготовиться к отходу отсюда на транспорте в Охотск для следования оттуда в Санкт-Петербург. По советам врачей для поправления здоровья мне нужно воспользоваться покойным состоянием на берегу некоторое время лета. Тяжелый и неблагоприятный климат Охотска нисколько не представляет выгод моему здоровью, а трудный верховой путь от Охотска до Якутска должен еще усугубить мой недуг. Вследствие чего я решился пробыть здесь, в Камчатке, до прихода колониального судна из Аянского порта, на котором желательно мне отправиться в Ново-Архангельск с тем, чтобы на корабле, принадлежащем Российско-Американской компании, достигнуть до Петербурга водою, т. е. вокруг света. Между тем, имея в виду, что такое обратное мое путешествие будет выгодно Академии и полезно для ее музеев: выгодно, потому что на издержки этого путеше-

ствия, по соображению моему, требуется меньше денег, чем на береговой путь от Петропавловского порта через Охотск до Санкт-Петербурга: в рассуждении пользы для музеев, какие могу я еще сделать в кругосветное плавание это, состоят в приобретении тех естественных предметов, которыми тропические страны так разнообразны в своих приобретениях — что обещает... (лист документа оборван.— А. А.). К этому следует присоединить и то... (лист документа оборван.— А. А.) даст случай взять с собою почти все многочисленные коллекции, собранные в Камчатке,— хранить их во время пути под личным надзором и доставить Академии наук без всякой за провоз платы,— в надежде на это, потому что в шестилетнее мое пребывание в владениях Российско-Американской компании Главное правление, приняв меня, по просьбе Академии, под особое свое покровительство, оказывало все пособия и средства. Изложив причины и последствия, я обращаюсь к Вашему высокоблагородию с всепокорнейшею просьбою — оказать мне содействие Ваше в исполнении предпринятого мною намерения поправить свое весьма расстроенное здоровье и принести посильные труды той цели, для которой Академия сделала мне честь своим избранием и поручением»⁴².

Необходимо отметить, что еще 17 ноября 1847 г., общая Брандту о своих успехах и нуждах, Вознесенский также писал, что «он по причинам бесчисленных затруднений, встречающихся в способах сообщения в тех странах, и должен был отложить свой отъезд до наступления настоящего года (1848-го.— А. А.), где имел представиться случай к перевозке его из Петропавловска в Охотск или Аян, и что, таким образом, он теперь едва ли может надеяться возвратиться в С.-Петербург пред исходом настоящего года»⁴³.

Брандт довел это известие до сведения Комитета Академии наук. Последний просил министра народного просвещения назначить Вознесенскому до возвращения оклад второго хранителя Зоологического музея. С. С. Уваров принял такое решение⁴⁴.

Но теперь наступало лето 1848 г. Многое изменилось

⁴² ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 15, л. 35—35 об.

⁴³ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 12, д. 514, л. 10.

⁴⁴ Там же, л. 11.

в делах Вознесенского, заметно ухудшилось состояние здоровья. В его письмах в Академию наук зазвучали другие нотки. Так, в официальном рапорте Брандту 12 июня 1848 г. Вознесенский писал: «Под конец долголетнего путешествия я теряю крепкое свое здоровье, прошедшее осенью на возвратном пути от мыса Лопатки к Нижнекамчатску я стал часто страдать сильным стеснением в груди с повременным колотьем; болезнь эта еще более развилась от зимних странствий, совершенных мною чрез хребты гор в Тигиль и по другим севернейшим частям Камчатки, которая привела меня в такое изнеможение, что лишает теперь средств приготовиться к отплытию из Петропавловского порта на транспортном судне в Охотск для следования оттуда в С.-Петербург»⁴⁵. В конце рапорта Вознесенский опять высказывался относительно целесообразности своего возвращения в Петербург на корабле Российско-Американской компании.

В частном письме к Брандту путешественник поведал о своем житье-бытье на Камчатке. Он сообщил ему, что зимой в селение Ключевское «обучил всем нужным правилам препарирования с практическим указанием, как сохранять и упаковывать разнородные предметы натуральной истории общественного ключевского старосту Ивана Ушакова и тамошнего школьного преподавателя русской грамоты Павла Кречетова». Писал Вознесенский и о своем новом ученике, присланном Машиним в начале апреля, — кантонисте Никандре Кожевине, «который в течение месяца оказал удовлетворительные успехи». Он даже просил у Брандта разрешения «снабдить Кожевина анатомической готовальней». В конце письма снова звучали грустные нотки — неутомимая душа исследователя тосковала по работе: «Как ни прискорбно мне болезненное мое состояние теперь, но я начинаю скучать бездействием: в скором времени отправлюсь хотя в ближайшие окрестности и примусь за поиски»⁴⁶.

Вскоре Вознесенский действительно совершил несколько экскурсий вблизи Петропавловска. Во второй половине мая он плавал на байдаре в Тарьинской бухте, собирал морские растения и животных при входе в Авачинскую губу и у маяка Дальний.

⁴⁵ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1839, д. 9, л. 61.

⁴⁶ Там же, л. 66 об.

1
211

Билетъ

Предъавителю сего Т. Присутствую
Императорской Академии Вознесен-
скому отправляющемуся по Петро-
павловскому Порту въ Охотск для
сбора ртутью для Академии,
предписывается велика Монархъ и
Старостамъ идти на проездъ по
Вознесенскому, тамъ равно и на
собрание ртутныхъ приискавшихъ
Т. Вознесенский нумерованъ для
Академии, давать все средства,
а если Т. Вознесенский не имеетъ бу-
дешь осматривать на которыхъ лодкахъ
близъ селеній лавинъ, то приехать
случай давать ему бѣло-одежные
проводники. Петропавловскій
Портъ Ноя 12го года 1848 года.

№ 682

Иванъ Ивановичъ Кашинъ

Секретарь

Сразу же по прибытии в Петропавловск Вознесенский перевез на казенную квартиру все свое имущество, хранящееся в «компанейских» магазинах. Целыми днями он готовил материалы к отправке: препарировал, сушил, увязывал... Приходилось выполнять и слесарные работы, в частности сколачивать ящики для посылок. Если бы не помощь Кожевина, Вознесенскому было бы очень трудно. К тому же добровольные помощники приносили все новые и новые материалы для коллекций. Исследователь только успевал расплачиваться — за двух морских котиков, росомеху, за различных рыб...

Много времени уходило и на общественные дела. Например, в это время Вознесенский активно участвовал в работе, связанной с прививкой оспы. 10 сентября 1848 г. Камчатский оспенный комитет специальным решением даже отмечал, что «вменяет себе в справедливый долг свидетельствовать сим особенную свою Вам признательность»⁴⁷.

Проходили дни, а ожидаемого корабля все не было. У Вознесенского появилась возможность отправиться летом еще в одну экспедицию. На этот раз он решил побывать в центре Холзанских гор. Исследователь спешно стал готовиться к последнему камчатскому путешествию: покупал снаряжение, договаривался с гребцами, запасался необходимыми документами. В архиве путешественника сохранился «открытый лист», с которым он отправился в последнюю поездку по Камчатке: «Предъявителю сего г. препаратору Императорской Академии наук Вознесенскому, отправляющемуся из Петропавловского порта в округ для собирания редкостей для Академии, предписывается всем тознам и старостам как к проезду его, Вознесенского, так равно и к собиранию предметов, признаваемых г. Вознесенским нужными для Академии, давать все средства, а если г. Вознесенский намерен будет осмотреть некоторые места близ селений лежащие, то при сем случае давать ему благонадежных проводников. Петропавловский порт. Июля 12-го дня 1848 года. Начальник Камчатки Машин»⁴⁸.

18 июля на вельботе с четырьмя гребцами Вознесенский и Кожевин отплыли к деревне Аваче. Оттуда на ло-

⁴⁷ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1839, д. 9, л. 104.

⁴⁸ Там же, ф. 53, оп. 1, д. 19, л. 1.

шадях они добрались до Старого и Коряцкого острожков. 24 июля путешественники въехали в Начиканский острог.

В Начики Вознесенский договорился с охотниками-камчадалами о походе к Холзинским высотам. В течение пяти дней исследователь знакомился с одним из неизученных районов полуострова, пополнял свои коллекции. Путешественники побывали и в селении Малки.

Вознесенский беспокоился, что в их отсутствие в Петропавловск пришел долгожданный корабль. Поэтому 3 августа он прервал экспедицию и возвратился в Коряцкий острожек. Оставив все собранные материалы на попечение Кожевина, Вознесенский «отправился по необходимой надобности в Петропавловский порт (плыл реками и заливом)»⁴⁹.

В Петропавловске он наконец узнал более или менее точный срок отплытия корабля. Он быстро произвел все расчеты с кредиторами и 9 августа был уже снова в Коряцком острожке. 13 августа он записал в дневнике, что «отплыл из Коряцкого острожка к Старому острогу со всеми приобретенными в поездку на Холзан и другие места естественными предметами и учеником в двух спаромленных батах с 5 камчадалами». От Старого острожка до Петропавловска Вознесенский добирался верхом на лошади, а имущество экспедиции транспортировалось на батах⁵⁰.

21 августа на Петропавловском рейде появился корабль «Атха», которым командовал финский шкипер Риддель. На этом принадлежащем Российско-Американской компании судне и должен был отплыть Вознесенский.

Однако Комчатка подарила на прощание путешественнику еще один природный сюрприз. «4 сентября при совершенно ясной и безветренной погоде в Петропавловском порте было весьма сильное землетрясение продолжавшееся сплошь три минуты; подземный гул и волнообразное движение земли продолжались или повторялись еще несколько раз вскоре после первого жестокого землетрясения, но только несравненно слабее. Замечательно было при сем случае необыкновенное волнение в Авачинском заливе с отливом и приливом на берег (теперь это

⁴⁹ Там же, д. 39, л. 44.

⁵⁰ Там же.

называют цунами.— А. А.)»⁵¹. О землетрясениях, происшедших в 1848 г. в различных районах Алеутских островов и на острове Шумшу в гряде Курильских островов в свое время сообщал П. П. Дорошин⁵².

До отхода корабля оставалось совсем немного времени. Вознесенский перевез и укрепил в трюме и на палубе ящики с академическими коллекциями. Ему помогал Кожевин, которому путешественник с благодарностью оставил на память инструменты для препарирования. В предотъездной суете — последние распоряжения, посылочки и письма камчатских чиновников столичным родственникам и знакомым, слова прощания — наступил час отплытия.

13 сентября 1848 г. Вознесенский навсегда покинул Камчатку, которую за два года исходил и изъездил вдоль и поперек.

⁵¹ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1839, д. 9, л. 75.

⁵² *Дорошин П. П.* О некоторых вулканах, их извержениях и землетрясениях в бывших Американских владениях России.— «Зап. Имп. С.-Петербур. минерал. о-ва». Спб., 1870, сер. 2, ч. 5, с. 34, 41.

Глава девятая

Возвращение

Плавание было очень тяжелым и длилось целый месяц. Все это время корабль трепали сильные ветры, нередко налетали штормы. Коллекции Вознесенского часто заливало водой. Но исследователь ничего не мог поделать и поэтому вздохнул с облегчением, когда наконец на горизонте показалось знакомое и близкое побережье и открылся родной Ново-Архангельск.

Для многих в городе встреча с Вознесенским оказалась приятной неожиданностью: все думали, что после Камчатки он отправился в Петербург через Сибирь. И Вознесенский был рад встрече с друзьями. Он остановился на квартире своего старого знакомого — Дионисия Федоровича Зарембо, исполняющего обязанности Главного правителя Русской Америки. И сразу же приступил к спасению коллекций. С помощью выделенных для этой работы служителей Вознесенский распаковал большое количество ящиков и хорошенько просушил их содержимое. Выяснилось, что «Атха» — судно весьма сырое, поэтому для дальнейшей транспортировки многие экспонаты пришлось запаковать в новые ящики. Все коллекции уместились в 38 ящиков. Кроме них добавились ящики с редкостями, которые нужно было доставить в Петербург по поручению начальника Камчатки и Главного правителя Российско-Американской компании.

Вознесенский на этот раз пробыл в Ново-Архангельске 16 дней. И все они были насыщены до предела. Помимо забот с коллекциями отбывающему в Петербург натуралисту пришлось принять массу поручений. Колошенский тойон Михайло передавал поклон своему крестному И. А. Купреянову, от которого вот уже сколько

времени не было никаких известий. Правитель Ново-Архангельской конторы И. С. Костромитинов отправлял посылку своим родным, а П. П. Дорошин просил собрать и прислать образцы горных пород с Сандвичевых островов. Подобных поручений было много, и Вознесенский едва успевал записывать¹.

Погода большей частью была дождливая. Но она не помешала Вознесенскому обсудить ряд вопросов, интересующих Компанию, с Д. Ф. Зарембо, нанести визит архиепископу, съездить ненадолго к колошам и дважды побывать на балах в местном клубе. Большую помощь при отъезде Вознесенскому оказал бывший Главный правитель М. Д. Тебенков. Он также отправлялся в Россию и договорился о бесплатном проезде Вознесенского со всем багажом на «Атхе». Как выяснилось, этот корабль не являлся собственностью Российско-Американской компании, а был зафрахтован на один переход в Петербург.

Перед самым отплытием Вознесенский получил посылку с острова Уналашка от своего ученика Ивана Петелина — два ящика с орнитологическими коллекциями. Не забыл своего учителя и Филат Дружинин: он подарил ему на прощанье огромного ската².

30 октября «Атха» подняла паруса. Начался последний этап путешествия Вознесенского — его возвращение на родину.

«Атха» держала курс на Сандвичевы острова, на которых Вознесенский мечтал побывать еще по пути в Русскую Америку. К сожалению, в то время его мечтам не суждено было сбыться. Теперь же у путешественника появилась возможность посетить остров Оаху, появившийся на горизонте ровно через месяц после отплытия «Атхи» из Ново-Архангельска.

1 декабря Вознесенский получил из таможни порта Гонолулу отношение, «которым разрешается свезти с корабля на берег ящик с инструментами, материалами и другие вещи для произведения экскурсий и зоологических работ»³. В этот же день он написал письма в академию и родным. Как стало известно, в Ливерпуль отплывал

¹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 6/6, л. 6 об.—7 об.

² Там же, д. 39, л. 49 об.

³ Там же, л. 47.

бриг «Тэпик» и его капитан взялся переправить корреспонденцию в Россию.

Изложив коротко события, происшедшие с момента отправления последнего письма, Вознесенский писал: «К сожалению, как ни кратковременно будет мое здесь пребывание на острове Воагу (Оаху.— А. А.), но невзирая на это, я спешу найти и нанять на берегу сандвичевскую казу (шалаш), осененную тенью кокосовых деревьев, чтобы там занять дней 6 работами и экскурсиями»⁴.

Он сделал все для осуществления своих намерений. Путешественник провел на острове 11 дней, знакомясь с его природой и бытом обитателей. 3 декабря он с сандвичанином Харре совершил пешую экскурсию по горам и посетил местный рынок, где купил для коллекции трех рыб. На следующий день Вознесенский вновь ушел в горы и снова вернулся с трофеями — рыбой и мешком, в котором «туземцы носят кокосы». В течение трех последующих суток он совершил несколько экскурсий по морскому берегу, пополнив коллекции различными видами раков.

Вознесенский по возможности старался записывать увиденное. А наблюдал он много интересного. Путешественник обратил внимание на то, что питание на острове стоит очень дорого. Он нашел объяснение этому в том, что все продукты идут в Сан-Франциско, где в Сакраменто открыли золото. «Вчера я был у одного негоцианта,— писал он в дневнике,— и видел, как была куплена грубокая тарелка чистого золота (фунтов 6) за 1080 испанских пиастров»⁵.

При этом Вознесенский вспомнил, что и сам ходил по золотой земле и что давний его знакомый геолог П. П. Дорошин неоднократно указывал на наличие золота в Русской Америке. «Указать на существование золота в известной местности есть дело науки,— отмечал несколько позднее в одном из обзоров Дорошин,— открытие же богатых россыпей всегда было делом случая. Но, во всяком случае, чем в известное время большее пространство данной местности будет разведано, тем, без сомнения, более возможностей открыть россыпь, заслуживающую работ. А для этого необходимо, чтобы разведочная партия име-

⁴ Там же, ф. 2, оп. 1839, д. 9, л. 75.

⁵ Там же.

ла наибольшую подвижность или же чтоб было несколько партий. Но в бытность мою в Америке ни тому, ни другому условию удовлетворить колонии не могли»⁶.

11 декабря Вознесенский прибыл на корабль и перевез на него все собранные на Сандвичевых островах коллекции, а спустя три дня «Атха» уже направилась вокруг мыса Горн к берегам Бразилии.

Вначале Тихий океан оправдывал свое название и не чинил особых препятствий мореплавателям. Часто встречались птицы. 25 декабря вблизи корабля появилось стадо дельфинов. В этот вечер «Атха» пересекла экватор.

По мере продвижения корабля на юг все бурливее становился океан. Сороковые бурные широты и на сей раз оправдали свое название: корабль трепало ветром и волнами. Всем было жутко, и лишь уверенность и спокойствие капитана помогали людям переносить невзгоды плавания. У мыса Горн стало заметно прохладнее, пришлось одеться в пальто и шапки. На подходе к Америке встретили Новый год.

В Петербурге в это время стало известно о скором возвращении Вознесенского. 6 января 1849 г. Брандт отправил ему письмо: «Получив верное известие о Вашем счастливом скором возвращении, я непременно нужным считаю объявить Вам, что в Петербурге ожидает Вас положение, довольно различное от прежнего; потому при Вашем приезде в Петербург я ожидаю от Вас как от опытного человека, что Вы при встрече с Вашими прежними товарищами не перешагнете границу, установленную между начальником и его подчиненным. Обратитесь всего прежде, при Вашем приезде, к живописцу Приссу, находящемуся при Зоологической обсерватории, а потом представьтесь Павлу Николаевичу Фусу, потому что я, вероятно, буду на даче; в этом случае узнайте от г-на Присса мое местонахождение и навестите меня как можно скорее»⁷.

Положение, о котором совершенно непрозрачно упоминает в письме Брандт,— это готовящееся назначение Вознесенского на должность консерватора (хранителя)

⁶ Дорошин П. П. Несколько подробностей о распространении золота в Русских Северо-Американских владениях.— «Горный журн.». СПб., 1866, № 1, с. 281.

⁷ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 36, л. 18.

Зоологического музея Академии наук, т. е. на ту самую должность, которую занимал при отправлении Вознесенского инструктировавший его Е. И. Шрадер. Живописец Присс исполнял обязанности консерватора до возвращения Вознесенского. Эта часть письма написана писарем под диктовку или с черновика Брандта, а в конце — письма Брандта, сделанная собственноручно (сохраняем орфографию и пунктуацию подлинника): «Может быть Вам покажется самое лучшее дело мне так скоро как можно видеть. Поэтому Вы можете по Вашем приезде в Кронштат отправить тотчас по катеру в Ораниенбаум и оттуда же в Ораниенбаумской колонии где я живу в доме колониста Готфрида Гурка, т. е. в предпоследнем доме упомянутой колонии. Ораниенбаумская колония находится между Ораниенбаумом и Петергофа близ дачи его императорской величества Марии Николаевны. В 14 числа юня я буду в Петербурге также в 27 числа сего месяца»⁸.

Эти письма Вознесенский получит несколько позже, а пока корабль нес его в Бразилию, в Рио-де-Жанейро, где он начинал свою собирательскую деятельность по дороге в Русскую Америку. И когда в конце февраля «Атха» появилась на рейде Санта-Круц, Вознесенский знал, что нужно посмотреть в этом красивейшем городе Южной Америки.

За время пребывания в столице Бразилии Вознесенский съездил в Сан-Кристоф, откуда в сопровождении сына Ридделя совершил двухдневную экскурсию на гору Корковадо. Он по-прежнему часто бывал на базарах, где выискивал редкие экземпляры рыб и ящериц. Познакомившись с торговцем естественными предметами Мзамбе, он купил у него 18 чучел птиц, 5 чучел зверей, в том числе выдры, вампира, мангусты. Кое-что из своих коллекций исследователь сменял на экспонаты из Королевского музея⁹.

Незаметно пролетели три недели стоянки в Рио-де-Жанейро. И снова был океан. Вознесенский погрузился в будни длительного и утомительного плавания, где единственно светлым пятном были рыбы, дельфины, кашалоты, киты, быстрые буревестники. Опять он терпел жару

⁸ Там же, л. 18 об.

⁹ Там же, д. 39, л. 48.

тропиков и безмолвие экватора. Огромный Атлантический океан целых два месяца владел кораблем. И наконец «Атха», целая и невредимая, вошла в порт Копенгаген.

И вот уже взору Вознесенского открылось родное Балтийское море, Финский залив. Справа остался Ревель, слева — Гельсингфорс, впереди показались высокие и такие близкие кронштадтские маяки. За ними лежал Кронштадт, который Вознесенский покинул почти 10 лет назад. Над Купеческой гаванью, куда буксиры вели кругосветный «купанейский» корабль, опустился вечер. И быть может, потому «Атху» никак не могли ввести в гавань — мешали военные корабли, которые медленно выводили из доков.

Вознесенский весь в нетерпении. Прямо на борту корабля он пишет письмо Брандту и отправляет его с первым катером в Петербург: «Ваше высокородие, милостивый государь Федор Федорович! Благодарю бога! Наконец после 264-дневного плавания от Ситхи я прибыл на корабле «Атха» в Кронштадт сегодня в 5 часов вечера. К прискорбию, кораблю нашему нельзя втянуться в Купеческую гавань по случаю выхода из доков военных кораблей, которые, не торопясь, тянуться будут долго. Извещая Вас о прибытии своем, почтительнейше прошу извинить меня за скоропись письма этого, при коем прилагаю список ящиков и мест всех с коллекциями. Я так теперь рассеян, что не могу дать подробного отчета в моем кругосветном плавании, — прилив сердечной радости тяготит мою грудь. Бумаги мои все опечатаны таможенным (не городовым) чиновником — грустное впечатление! Впрочем, это сделано по правилам таможенного устава. До свидания, я завтра постараюсь приехать один в Петербург без вещей, если позволите мне, ибо я не имею при себе никакого пашпорта. С глубочайшим почтением и преданностью имею быть покорнейшим слугою. И. Вознесенский. 21 июня 1849 [г.]. В 7 час. вечера»¹⁰.

В списке, приложенном к письму, перечислялись 54 места — ящика. Чего только в них не было: живая ящерица, череп касатки, камчадалские лыжи, скорпионы, рыба скат, образцы горных пород, шкуры больших зверей, рыбы...

¹⁰ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 31, л. 170.

Вознесенский догадывался о новом назначении, и оно конечно, не могло его не радовать. «Хранитель Зоологического музея Академии наук» — звучало почетно и вполне заслуженно. Но в то же время это назначение причинило Вознесенскому множество хлопот.

Дело в том, что должность хранителя являлась классной должностью: ее мог занять человек, имеющий гражданский чиновничий чин. Недворянское же происхождение Вознесенского не позволяло получить его без определенной выслуги. Пришлось добиться царского разрешения засчитать в срок выслуги службу Вознесенского в должности помощника препаратора начиная с 1834 г. В случае такого разрешения можно было бы ходатайствовать и о производстве Вознесенского в первый классный чин, и, следовательно, он мог беспрепятственно занять должность, на которую его уже назначили.

Недворянское происхождение Вознесенского и назначение его хранителем Зоологического музея, как это ни странно, имело прямое отношение к тому, что путешественник не обработал своих материалов, а Академия наук не издала интересной книги о его пребывании в Русской Америке и на Дальнем Востоке. Цитировавшиеся в данной книге отрывки из записных книжек Вознесенского позволяют утверждать, что при должном внимании и помощи ведущих ученых Академии наук выпуск такой книги был бы возможен.

Вознесенский и сам собирался обработать материалы экспедиции. Выше уже цитировался его рапорт Брандту в 1848 г., в котором, в частности, говорилось: «Продолжительность кругосветного плавания даст мне время привести в систематический порядок журнал моего путешествия и отдельные записки, которые мне должно будет по приезде в Санкт-Петербург представить вашему высокородию»¹¹.

В свое время сожаление по поводу того, что путешественнику не удалось обработать и издать свои материалы, высказывал академик А. А. Штраух. «Не ограничиваясь одним только коллектированием,— писал академик,— Вознесенский собрал также в дневниках своих массу наблюдений относительно образа жизни животных, охоты

¹¹ «Американский ежегодник». М., 1971, с. 317.

на них, перелета и гнездования птиц и проч.; к сожалению, неблагоприятные обстоятельства помешали ему обработать эти ценные заметки»¹².

Но академик ни словом не обмолвился о самих обстоятельствах! А они, конечно, были. Постоянная неустроенность в делах, огромная занятость текущей работой и подорванное здоровье — вот в первую очередь что мешало Вознесенскому разобрать и проанализировать результаты экспедиции. К этому нужно добавить: сожаления и высказывания о нем академиков появились лишь после смерти путешественника. При жизни же никто не хотел помочь Вознесенскому в обработке привезенных коллекций, никто не позаботился о временном освобождении натуралиста от текущих дел и предоставлении ему возможности работать со своими материалами. Зато многие маститые ученые писали по этим материалам свои научные трактаты, нисколько не думая об авторе первоисточников.

¹² *Штраух А. А.* Зоологический музей Императорской Академии наук.— «Зап. Имп. Академии наук». Спб., 1890, № 3, с. 46.

Консерватор Зоологического музея

Двадцать два года без малого прожил на свете Вознесенский после возвращения из путешествия. И все это время он безвыездно жил в Петербурге, работая в Академии наук.

Первое, за что взялся Вознесенский по прибытии на родину, — это составление отчета об экспедиции. Он изложил ход всех своих путешествий и представил итоговый перечень собранных коллекций. Последний буквально поражает своей полнотой и обстоятельностью. Нельзя не удержаться, чтобы не привести эту часть отчета полностью:

«За обозрением и изложением плана совершенного мною путешествия, — писал Вознесенский, — я имею честь представить вашему высокородию выписку, составленную из путевых каталогов — о[б] общем итоге собранных предметов (препарированных), находящихся в Зоологическом музее Императорской Академии наук:

Млекопитающих (Mammalia) 434 экз.

Орнитологических предметов (Aves) 2859 экз.

Рыб (Pisces) одних отцепиров. шкур 179 экз.

Препарированных черепах (Chelonii) 5 экз.

Остовов зверей и птиц (Skelett) 210 экз.

Всего 3687 экземпляров. Эти цифры итога показывают только ту коллекцию, которая требовала кроме практического умения и искусства приготовить и сохранить многих еще преодоленных трудностей и забот, чтобы приобрести их.

Вслед за этим представляется многочисленнейшее собрание — не по числу экземпляров, не по количеству родовых и специальных особей, которых под категории ито-

га трудно подвести положительно, а потому я ограничусь одними их главными наименованиями:

а) Предметы, хранящиеся в спирту: рыбы, амфибии, скорлупняки, кольцецы (*annulata*), моллюски, зоофиты и проч.

б) Препараты, приготовленные в сухом состоянии, суть: раки, лучистые животные, раковины, животныхрастения (*poliparii*), гнезды, яйца птиц и проч. предметы.

с) Большое собрание насекомых, простирающееся за 10 000 экз.

д) Из ископаемого царства: открыты на Беринговом острове кости морской коровы и черепа оной (*Rytina Stelleri*), а в иных странах найдены клыки и зубы мамонтов; к этому можно еще присовокупить и черепа разных народов.

е) По части ботаники: собранный травник (гербарий) включает в себе множество образчиков растений, которые расположены почти в 2000 листах, к этому нужно еще присоединить и богатое разнообразие морских просторов (*Algae*).

ф) По части минералогии: отпечатки (петрификаты), окаменелости, земли, руды, береговые и горнокаменные формации, состоящие в огромном количестве разнородных штуфов, собранных в Русско-Американских колониях и по Камчатке.

г) По части этнографии: большое собрание одежд, оружий, домашней утвари, украшений, моделей и иных многих предметов, приобретенных у обитателей Северо-Западной Америки: от Нового Альбиона и до Зунда Кецебу; также и от островитян Алеутской и Курильской гряды, камчадал, чукчей и других соседственных им народов.

При путевом журнале и при разных зоологических наблюдениях и замечаниях моих находятся рисунки, снятые и раскрашенные мною с натуры:

- 1) по части натуральной истории раскрашенных изображений 93,
контуров с разных животных 25,
- 2) картин (виды, портреты) 38,
- 3) карт специальных 6,
- 4) несколько очерков берегов, рек, островов.

Изложив ход моего путешествия и показав смету главным приобретениям, поступившим в музеумы Академии

наук, я считаю приличным заключить отчет мой тем, что кроме разнообразных моих служебных обязанностей я не упускал случаев быть полезным в отдаленных краях полуострова Камчатки,— где по приглашению Начальника Камчатки... я с успехом трудился за оспопрививанием и распространением оной; в удостоверение чего и имею честь приложить при сем лист, данный мне в Петропавловском порте — от Камчатского оспенного комитета»¹.

Разнообразие и полнота привезенных Вознесенским коллекций были поразительны. М. В. Степанова, занимающаяся этнографическими результатами его экспедиций, в частности, отмечала: «Благодаря трудам Вознесенского отдел Америки в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР и по настоящее время обладает исключительным по полноте и ценности собранием этнографических предметов, вывезенных из Русской Америки и занимающих первое место в ряду подобных собраний в зарубежных музеях»².

«Богатство коллекций, собранных во время девятилетнего пребывания в Российско-Американских владениях и на восточном берегу Сибири,— констатировал в свое время академик А. А. Штраух,— превосходит всякое вероятие; при этом все собранные предметы были образцово препарированы и сохранены, так что коллекции его принадлежат к разряду лучших вещей, когда либо поступавших в Музей»³.

Он отметил, как уже говорилось, и ценность дневниковых записей Вознесенского. При этом академик сделал соответствующую оговорку, видимо, стараясь оправдать тот факт, что заметки путешественника не были изданы: «Дневники его, правда после смерти автора, поступили в Музей, где и доступны во всякое время; но теперь, понятно, они далеко не представляют прежнего интереса, и постороннее лицо, во всяком случае, извлечет из них несравненно меньше результатов, чем сам автор»⁴.

¹ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1839, д. 9, л. 102—103.

² Степанова М. В. И. Г. Вознесенский и этнографическое изучение Северо-Запада Америки.— *Изв. Всесоюз. геогр. о-ва*, 1944, т. 76, вып. 5, с. 277.

³ Штраух А. А. Зоологический музей Императорской Академии наук.— *Зап. Имп. Академии наук*. Спб., 1890, № 3, с. 46.

⁴ Там же, с. 47.

В этом отношении Штраух несомненно прав. Автору этой книги пришлось долгие месяцы работать с архивом И. Г. Вознесенского. Удалось разобрать немало его записей, но многое еще осталось не разобранным, не прочитанным до конца. В дневниках Вознесенского есть еще материалы, представляющие ценность для этнографов, зоологов и ботаников.

Десятилетнее путешествие Вознесенского проводилось по инициативе, на основании инструкций и на средства Академии наук и при весьма существенной помощи Российско-Американской компании. Выполняя свою главную задачу — сбор коллекций, препарирование рыб, птиц, морских и сухопутных животных, — а он собрал более 150 ящиков этнографических экспонатов, препарировал 3887 всевозможных животных, дав науке более 400 новых видов представителей флоры и фауны, — Вознесенский не упускал случая собирать и другие материалы, вести записи всевозможных наблюдений, составлять карты пройденных маршрутов, вести дневники.

Прежде чем поподробнее поговорить об этой стороне результатов путешествий Вознесенского, хотелось бы привести (со слов К. К. Гильзена) посмертную характеристику научного значения трудов Вознесенского, данную его непосредственным и многолетним начальником академиком Ф. Ф. Брандтом: «В течение своего 9-тилетнего странствования и пребывания на нашем крайнем Востоке г. Вознесенский неуклонно, с редкой энергией преодолевая все встречавшиеся ему затруднения и нередко сам терпя лишения, исполнял возложенное на него поручение, и благодаря его неутомимым трудам музеи Академии обогатились огромными коллекциями естественных и этнографических предметов из наших самых дальних стран. Вместе с тем при большом запасе этих предметов, в особенности зоологических, часть их с большою пользою могла быть употреблена на обмен с иностранными музеями и, таким образом, в течение многих лет позволяла, да и теперь еще позволяет, Зоологическому музею и при мелких денежных средствах постоянно обогащаться новыми препаратами. В научном же отношении богатые коллекции, составленные г. Вознесенским, послужили материалом для новых ученых трудов гг. академиков Бэра, Брандта, Миддендорфа, Шренка, Штрауха, и нет зоологического труда о Восточной Сибири и наших бывших севе-

роамериканских колониях, в котором с благодарностью не упоминалось бы имя Вознесенского»⁵.

Эта оценка, конечно, весьма лестна, особенно после смерти, но, когда детально начинаешь анализировать причины того, что записи Вознесенского остались необработанными и неизданными, напрашивается и такая мысль. По всей видимости, и Брандту, и Штрауху, и другим академикам и в голову не приходило, чтобы помочь сыну унтер-офицера довести его материалы до книги. Ведь в начале плавания Брандт и в письмах-то обращался к нему на «ты» — Вознесенский, по замыслу академиков, должен был приготовить материалы для их научных работ, но не вести самостоятельной научной работы. В этом — главное.

Нам представляются весьма ценными как для истории географии, так и для исторической географии все дневниковые записи и зарисовки, относящиеся к Русской Америке. И особенно интересны кроки маршрутов Вознесенского по Камчатке. Ведь Вознесенский путешествовал по всему полуострову впервые после экспедиции С. П. Крашенинникова. Обработанные должным образом, эти кроки могли бы послужить превосходным материалом для создания гидрографической карты Камчатки и лоции р. Камчатка.

Не менее интересны статистические сведения, из которых можно установить не только названия селений той поры, но и расстояния от селения до селения, число домов в каждом селении и число жителей в каждом населенном пункте. А поскольку Вознесенский побывал практически во всех селениях Камчатки, то не будет большим преувеличением сказать, что при должной обработке материалов мы можем говорить о них как о своеобразной переписи населения Камчатки в 1846—1848 гг.

Приведем в качестве примера статистические данные по маршруту: Авачинское — Малкинское — Мильково — Козыревское — Компаковское — Крутогоровское — Облуковинское — Сопочное — Ушаковское — Ключевское — Озерновское — Дранкинское — Карагинское — Утколокское — Тигильская крепость — Паланское — Кинкильское — Подкагирское — Пусторекское. На маршруте Воз-

⁵ Гильзен К. К. Илья Гаврилович Вознесенский. К столетию со дня рождения. — В сб.: МАЭ. Пг., 1916, т. 3, с. 9.

несенский посетил 53 селения (1846), указав их названия, расстояния между селениями, число домов в каждом селении. Всего оказалось 486 домов и, по нашему подсчету, 1712 жителей⁶.

И. Г. Вознесенский составил несколько физико-географических очерков берегов, рек, островов. И несомненно, наиболее интересны из них описания Русской Америки 40-х годов XIX в., на которые было обращено внимание в этой книге, бытовые зарисовки из жизни индейцев, алеутов, первых русских поселенцев, воспоминания о капитане Суттере в Калифорнии, факты из жизни Росса — характерные штрихи той эпохи, позволяющие острее чувствовать ее сегодня. Здесь мы встречали упоминания о Л. А. Загоскине, А. М. Гаврилове, В. С. Завойко, А. П. Березине, П. П. Дорошине, И. А. Купреянове, И. С. Костромитинове, А. В. Савине и др.

Описания наполнены сведениями о растительном и животном мире посещенных Вознесенским мест и стран. Есть в его дневнике и весьма любопытная запись, заслуживающая внимания ученых, интересующихся проблемой-легендой «снежного человека». Это — то место, где Вознесенский передает рассказ камчатского промышленника о необыкновенном медведе с длинными передними конечностями, имевшем своеобразную окраску — верхняя или передняя часть белого цвета, а задняя — темного⁷.

Достоин упоминания и то, что Вознесенский обучил искусству препарирования многих местных жителей (в частности, Л. А. Загоскин также обучался у Вознесенского), а его ученик Ф. Дружинин вел самостоятельные исследования на Курильских островах. Вознесенский обучал грамоте жителей Аляски и Камчатки, делал им прививки от оспы — вел просветительскую деятельность в самой гуще жителей Русской Америки и Камчатки.

Важное место в научном наследии Вознесенского занимают рисунки. Их насчитывается 156, из которых 93 раскрашенных — «по части натуральной истории», 25 «контуров с разных животных» и 38 картин, видов, портретов. В отчете его значатся также 6 специальных карт, которых, к сожалению, пока обнаружить не удалось. Представление о рисунках Вознесенского дают поме-

⁶ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 18, л. 1—1 об.

⁷ Там же, д. 3/1, л. 11—11 об.

щенные в книге фотоконпии некоторых из них. Вряд ли нужно говорить о том, какую ценность представляют они для истории географии и для исторической географии Русской Америки и Дальнего Востока, для жителей Аляски и Камчатки.

Итак, Вознесенский, возвратившись в Петербург, занял должность консерватора Зоологического музея. Но на действительной службе он еще не значился. Поэтому 27 августа 1851 г. вице-президент Академии наук М. Н. Дондуков-Корсаков ходатайствовал об утверждении Вознесенского «в службе при Академии со времени поручения ему должности помощника препаратора при Зоологическом музее Академии с 1 апреля 1834 года, когда ему было от роду 18 лет»⁸.

1 апреля 1852 г. Комитет министров вынес следующее постановление: «Комитет, признавая и с своей стороны, что оказанные Вознесенским отличия, выходя из ряда обыкновенных, заслуживают особенного внимания, полагал согласно ходатайству министра народного просвещения оставить его на службе при Академии наук, считая оную со времени поручения ему должности помощника препаратора при Зоологическом музее (1 апреля 1834 года), с тем однако, чтобы Вознесенский продолжал службу непременно по ученому ведомству. Государь император положение Комитета высочайше утвердить соизволил»⁹.

После этого дело пошло быстрее. Такая большая выслуга давала право Вознесенскому на получение первого классного чина. И 4 ноября 1852 г. «высочайшим приказом по Гражданскому ведомству за № 220 (Вознесенский) произведен за выслугу лет в коллежские регистраторы, со старшинством с 1 апреля 1846 года»¹⁰. Научные заслуги И. Г. Вознесенского были отмечены избранием его в мае 1852 г. членом-сотрудником Русского географического общества. На следующий год Вознесенский стал губернским секретарем «со старшинством с 1 апреля 1850 года».

Несомненно, по тем временам это было немалой наградой для солдатского сына, и Вознесенский ревностной

⁸ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 13, д. 136, л. 2.

⁹ Там же, л. 17 об.

¹⁰ Там же, оп. 225, д. 85, л. 45 об.—47.

службой старался оправдать оказанную ему честь — быть классным чиновником Академии наук и занимать научную должность. Вот как описал А. А. Штраух исполнение Вознесенским его новой должности: «Как преемник Шрадера, Вознесенский стал исполнять те же обязанности, т. е. стал управлять технической лабораторией и вести списки новых приобретений, а сверх того ему был вверен еще надзор за всей громадной массой сырого материала, накопившегося в кладовых. Здесь Илья Гаврилович являлся, так сказать, единственным хозяином, потому что он один мог ориентироваться среди массы ящиков, банок, жестянок и т. п., и без его помощи коллекции и кладовые были недоступны даже самому Брандту. Главным образом его неусыпным трудам Музей обязан столь удовлетворительным состоянием чрезвычайно ценных шкурок птиц и млекопитающих, почти не пострадавших от моли, несмотря на самые жалкие приспособления для их сохранения. Хотя обязанности Вознесенского почти исключительно заключались в технических и механических работах, он с течением времени приобрел весьма порядочные сведения по зоологии и особенно по части млекопитающих и птиц, составляющих предмет охоты, так что предварительное определение и разбор приходивших коллекций обыкновенно делал вполне самостоятельно. Сверх того, зная немецкий, а отчасти и французский языки, он был в состоянии заниматься и действительно занимался также научными определениями, особенно в коллекции птиц. Но главная его специальность заключалась в знании пушного зверя, которое он приобрел, вероятно, во время продолжительного пребывания в Российско-Американских владениях. Среди здешних скорняков и меховщиков он считался первостепенным знатоком пушного товара, и Академия точно так же всегда поручала ему исследование и определение шкур всякий раз, когда они присылались для такой надобности из таможи»¹¹.

Жизнь Вознесенского в эти годы целиком была поглощена работой в музее и многочисленными заказами со стороны по пушным делам и изготовлению чучел. Но не забывал путешественник своих американских и дальневосточных друзей и знакомых. Например, выполняя свое

¹¹ Штраух А. А. Зоологический музей..., с. 47.

обещание, он послал на корвете «Оливуца», отправлявшемся в 1850 г. в дальневосточные воды, книги для Камчатки¹². В архиве Вознесенского много писем, свидетельствующих о его дружеских связях: 9 января 1859 г. Николай Николаевич Арцыбашев из Серпухова шлет Вознесенскому по железной дороге посылку с птицами, млекопитающими и гадами; 26 июня 1857 г. есаул Сибирской конно-артиллерийской бригады Степан Абакумов сообщает и присылает некоторые предметы по зоологии для музея и благодарит Вознесенского за письмо к нему от 5 апреля¹³.

Вознесенский почти ежегодно награждался денежными премиями. 15 декабря 1856 г. он получил бронзовую медаль на Андреевской ленте в память о войне 1853—1856 гг., а за отличную, усердную службу 25 декабря 1867 г.— орден св. Станислава 3-й степени. Вот и все его официальные награды. В 1859 г. Вознесенский стал одним из членов-учредителей Русского энтомологического общества. Он работал рядом с такими учеными и путешественниками, как А. Ф. Миддендорф, Л. И. Шренк, Р. К. Маак, Г. И. Радде.

Наладив обширную сеть корреспондентов, Вознесенский значительно пополнил коллекции музея. «Чтобы легче ориентироваться среди все возрастающей массы шкур, консервация которых требовала большой тщательности, Вознесенский рассортировал весь материал по коллекциям таким образом, что предметы, добытые одним путешественником или приобретенные от каких-либо торговцев или музеев, помещались в одном, а при большой массе и в нескольких ящиках. На каждом ящике имелась надпись, указывающая от кого и в котором году получены находившиеся в нем предметы, и сверх того содержатся ли в нем исключительно млекопитающие или птицы, или же представители обоих классов вместе... При всем несовершенстве таких порядков они все-таки, в общем, по-видимому, достигали своей цели: по крайней мере, Вознесенский был в состоянии во всякое время ориентироваться среди накопившегося материала, который поэтому при жизни его оставался совершенно доступным для пользования»¹⁴.

¹² Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1839, д. 9, л. 109.

¹³ Там же, ф. 53, оп. 1, д. 36, л. 2—5.

¹⁴ *Штраух* А. А. Зоологический музей..., с. 158.

В 50-х годах произошли перемены и в личной жизни Вознесенского. Как следует из письма Вознесенского Даниилу Никитичу Зыкову на остров Кадык (11 апреля 1853 г.) и из ответа последнего (11 марта 1854 г.), у Вознесенского в начале 1853 г. умерла матушка, и он впервые сообщил о намерении жениться. Известно, что Вознесенский женился в начале 1858 г., что 6 октября родилась дочь Мария и что спустя три года Вознесенский овдовел¹⁵.

О последних годах жизни и деятельности Вознесенского мы можем судить лишь по отрывочным сведениям, заметкам, фактам, полученным из переписки путешественника, его записным книжкам, в которые он заносил иногда сведения о расходах. Он по-прежнему загружен работой, часто прихварывает, ведет обширную переписку, имеет учеников-препараторов.

27 января 1861 г. он записал: «Была мать с сыном Исаева, живут Псковская улица № 17 дом г. Рубцова Нестера Гавриловича». Сыну Исаевой Тимофею было разрешено изучать в лаборатории препарацию с 7 февраля 1861 г., и занимался он до 20 мая 1862 г. Любопытное совпадение: упомянутые Исаевы жили в доме, принадлежавшем известному путешественнику по Бразилии, участнику экспедиции Г. И. Лангсдорфа — Н. Г. Рубцову, которого, следовательно, Вознесенский хорошо знал.

...Известный ученый Н. Я. Данилевский 14 июня 1861 г. шлет письмо Вознесенскому из Тронхейма (Норвегия), в котором просит проследить за посланными на его имя 11 ящиками... Много записей относится к сбору материалов для коллекций, при этом он упоминает известных русских деятелей и путешественников — П. П. Семенова-Тян-Шанского, Г. И. Радде и др.¹⁶

В письме Николая Михайловича Чернявского из Баргузина от 15 января 1862 г. содержатся сведения о готовящемся отправлении экспонатов для музея и упоминается «г. Ротчев из Иркутска». Василий Павлов в письме от 13 сентября 1863 г. из Сан-Франциско сообщает, что его

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 225, д. 85, л. 43 об.—44. Нам даже неизвестно имя его жены. По косвенным сведениям, можно предположить, что звали ее Мария Михайловна: тетку дочери Вознесенского звали Александра Михайловна Гуляшева.

¹⁶ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 35.

дядя, Илларион Иванович Архимандритов, «ходит теперь командиром на «Нахимове» между Кадыяком и Калифорнией с грузом льда из Кадыяка и с провиантом из Калифорнии в Кадыяк»¹⁷. Это весьма любопытные подробности об одном из исследователей Русской Америки. В этом же письме В. Павлов передает приветы Михаилу Федоровичу, Александре Михайловне и просит поцеловать Манечку от его имени. Вероятнее всего, что Михаил Федорович — отец жены Вознесенского, Александра Михайловна — сестра жены и Манечка — дочь Вознесенского.

Наши предположения основываются на неоднократных записях Вознесенского в книжке-дневнике, куда он заносил свои расходы. Среди них встречаются и такие: «На прогулку под горы дочери и тетке — 0 руб. 75 к.» В другой раз тетка названа — Александра Михайловна: «Остался должен Александре Михайловне 1 р. 67 к.» и др.¹⁸

Илья Гаврилович Вознесенский всю жизнь был бессребреником. Несмотря на то что он имел полнейшую возможность по своей дефицитной профессии зарабатывать помимо основной работы, он все свободное время отдавал музею, добровольно исполняя там обязанности даже контролера во время открытия музея для свободного посещения публики.

Известно также, что в последние годы жизни Вознесенский являлся присяжным заседателем в Петербургском окружном суде. Ввиду продолжительной и тяжелой болезни он в начале 1871 г. был освобожден от этой обязанности, о чем сохранился документ от 24 февраля 1871 г., присланный судебным приставом С.-Петербургского окружного суда¹⁹.

Илья Гаврилович Вознесенский скончался после продолжительной болезни в ночь с 17 на 18 мая 1871 г. и был похоронен на Смоленском кладбище. «Вознесенский оставил после себя 13-летнюю дочь без всяких средств к существованию, так как в продолжение своей жизни не мог скопить что-либо для ее обеспечения. Он жил весь для своего горячо любимого Музея, работал, хлопотал и обогащал его, и у него не хватило времени для частного

¹⁷ Там же, д. 35.

¹⁸ Там же, д. 37, л. 108—108 об.

¹⁹ Там же, л. 108—108 об.

заработка. Но И. Г. Вознесенский оставил потомству свое богатое наследие в виде собранных им огромных коллекций; эти последние еще долго будут служить неисчерпаемым материалом для многочисленных научных работ, в которых, по выражению Ф. Ф. Брандта, с благодарностью будет упоминаться имя Ильи Гавриловича Вознесенского»²⁰.

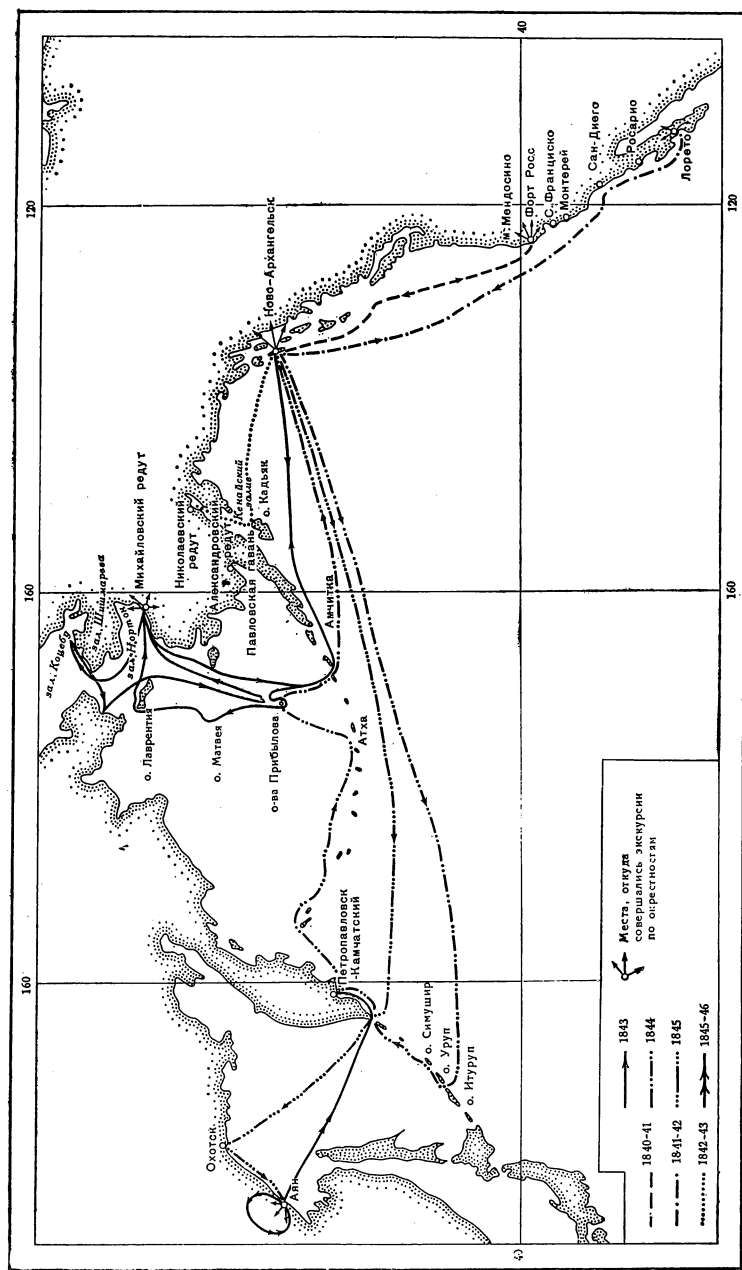
Академик А. А. Штраух написал по поводу кончины Вознесенского: «Музей лишился не только долговременного опытного управителя технической лаборатории, но и вообще одного из деятельнейших, надежнейших работников, а сверх того еще единственного человека, хорошо знавшего кладовые. Первое время отсутствие Ильи Гавриловича чувствовалось во всем, особенно же когда являлась надобность достать что-либо из необработанных коллекций, которые стали почти вполне недоступны, и пришлось затратить массу времени и труда, чтобы привести их в порядок и сделать доступными»²¹.

Мы нашли один-единственный документ, приоткрывающий завесу над судьбой дочери Вознесенского: «С.-Петербургский сиротский суд прошением от 18-го сего января (1872 года) за № 355, уведомляя Комитет правления Академии наук, что опекунша по опеке над имением и дочерью умершего губернского секретаря Ильи Вознесенского вдова титулярного советника Александра Гуляшева в рапорте, поданном в Сиротский суд 20 декабря 1871 г., объяснила, что во исполнение предписания суда она явилась вместе с опекуном купцом Скугаровым 16 декабря в Академию наук для составления описи хранящемуся в оной имуществу умершего Вознесенского, но ваше превосходительство (бумага адресована Ф. Ф. Брандту.— А. А.) изволили объявить опекунам, что о предписании им от Сиротского суда Вам неизвестно, а потому допустить их к описи не может, вследствие чего просит Комитет передать опекунам, вдове титулярного советника Александре Гуляшевой и купцу Николаю Скугарову принадлежащие умершему Вознесенскому вещи согласно 266-й ст[атье] 1-й части 10-го тома Свода законов»²².

²⁰ Гильзен К. К. Илья Гаврилович Вознесенский..., с. 14.

²¹ Штраух А. А. Зоологический музей..., с. 48.

²² Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 37, л. 109—110.

Карта путешествий И. Г. Вознесенского по Русской Америке и Дальнему Востоку

Очевидно, опекуны дочери Вознесенского получили имущество покойного путешественника. Вероятно также, что Мария Ильинична Вознесенская воспитывалась у Александры Михайловны Гуляшевой, но какова ее дальнейшая судьба нам проследить не удалось. Попытки разыскать в Ленинграде лиц, носящих фамилии Скугаровы или Гуляшевы, увенчались определенным успехом, но, к сожалению, самые пожилые из людей с такими фамилиями не могли сообщить что-либо о Вознесенской. Не знали они ничего и об Александре Гуляшевой и Николае Скугарове. Не сохранилась и могила путешественника — во всяком случае, наши поиски ее на Смоленском кладбище не привели к успеху. Вознесенский остался жить в собранных им коллекциях, которыми и по сие время и долгие годы вперед будут любоваться люди.

Сейчас имя Вознесенского известно преимущественно специалистам. Во всяком случае, нет его в Краткой географической энциклопедии, опубликованной в СССР в 1960—1966 гг., нет и в именном указателе «Лоции Аляски и Алеутских островов», выпущенной в США в 1944 г., нет и в издаваемой Большой Советской Энциклопедии, нет и на современной карте Камчатки и Аляски. Академики царской России, хваля Вознесенского за усердие и наградив его классным чином, считали, что хорошо отблагодарили путешественника за материал, по которому многие писали свои трактаты. Даже после смерти они не подумали об увековечении его памяти.

Лишь в советское время заслуги Вознесенского оценены учеными. О нем пишут работы, ему посвящают сборники, наследие его изучается. Неутомимый труженик, искусный препаратор, ученый зоолог, этнограф, ботаник, выдающийся путешественник заслужил свое почетное место в истории отечественной науки.

Указатель имен

- Абакумов С. 143
Азатьян А. А. 17
Андреев А. 116
Архимандритов И. И. 24, 44, 145
Арцыбашев Н. Н. 143
- Баранов А. А. 30, 34, 50
Березин А. П. 92, 140
Беренс Е. А. 24
Беринг В. И. 70, 108
Бертрам 43, 44, 49
Блашке Э. 30—32
Бломквист Е. А. 10, 11, 34, 36, 53, 61, 66, 69, 89
Блюменбах 49
Бодига Квадра Х. Ф. де ла 33
Бонгард Г. П. 19, 20
Бородин И. 8
Брандт Ф. Ф. 8, 18—22, 30, 36, 43, 47, 55, 65, 68, 70, 76—78, 87, 88, 92, 95, 110, 112, 115, 116, 121, 122, 130—133, 138, 139, 142, 146
Буренин Я. 114
Бэр 138
Бюффон 18
- Ванкевич Г. 67
Ванкувер Д. 33
Васильев А. А. 98, 99
Вениаминов И. Е. 9, 30, 49, 50
Воеводский С. В. 32
Вознесенская М. И. 144, 145, 148, 149
Вознесенский Г. 16
Выходцев 120
- Гаврилов А. М. 24, 27, 30, 117, 118, 140
- Гардер 112
Гвоздецкий Н. А. 17
Гедеонов 77, 80
Гепнер 49
Гёц 27, 28
Гильзен К. К. 9, 17, 138, 139, 146
Головин В. М. 85
Горянинов 85
Гревинг К. И. 118
Гуляшева А. М. 144—146, 148
Гурка Г. 131
- Данилевский Н. Я. 144
Дедюхин 72
Державин Г. 85
Дондуков-Корсаков М. Н. 65, 141
Донскова З. Н. 17
Дорошин П. П. 30, 32, 57, 67, 126, 128—130, 140
Дружинин Ф. 31, 37, 38, 50, 53, 55, 58, 61, 64, 68, 69, 82—85, 88, 89, 95, 96, 98, 99, 103, 108, 111, 112, 128, 140
- Завойко В. С. 24, 85, 87, 89—96, 140
Загоскин Л. А. 8, 30, 32, 42, 48, 50, 57, 61—63, 72, 80, 81, 140
Залдберг 25
Зарембо Д. Ф. 30, 50, 127, 128
Зарудный 71
Захаров 18
Зиберт Э. В. 11
Зубкова З. Н. 10
Зыков Д. Н. 144
- Исаев Т. 144

Кадников Н. К. 24, 25, 33, 38, 57
 Карамзин А. 89, 95
 Карэерос 46
 Кашеваров А. Ф. 30
 Квасников 54
 Кегель 71
 Клинковстрем М. 24
 Ключев 25, 28
 Кожевин Н. 122, 123, 125, 126
 Кожин П. М. 11
 Колесников С. 42
 Консбрух Г. В. 49
 Костромитинов И. С. 50, 128, 140
 Костромитинов П. 33
 Крашенинников С. П. 108, 139
 Кречетов П. 119, 122
 Кузьмин 109
 Купреянов И. А. 24, 30—32, 38, 127, 140
 Купфер М. 16, 17, 149
 Кусков И. А. 34
 Лангсдорф Г. И. 16, 144
 Лаперуз Ж. Ф. 71, 113
 Ленц Э. Х. 16
 Линней К. 49
 Липшиц Б. А. 10, 36
 Литвинов Д. 8
 Ломоносов С. Г. 26
 Ляпунова Р. Г. 11, 24, 30, 46, 68, 76, 81
 Маак Р. К. 143
 Марков С. Н. 10
 Машин Р. Г. 30, 32, 71, 97, 98, 109, 120, 122, 123
 Мейер К. А. 16, 17, 149
 Менетрие Э. П. 16, 17, 149
 Мзамбе 131
 Миддендорф А. Ф. 138, 143
 Минюхин 116
 Муни А. 42
 Мутовин Н. 109
 Невельской Г. И. 24
 Озерецковский 85
 Окладников А. П. 4, 6, 13
 Павлов В. 78, 144, 145
 Паньков 65
 Петелин И. 76, 112, 128
 Полонский А. С. 70, 71, 106
 Пономарев 37

Попов 98
 Поротов 75
 Присс 130, 131
 Прокофьев И. 20, 23
 Прюдон В. 38
 Радде Г. И. 143, 144
 Разумовская Р. А. 11
 Рейнгарт 25
 Рейнеке 109
 Репин 76
 Риддель 26, 131
 Ричардсон А. 37, 38
 Романов 80
 Романовский 76, 92
 Ротчев А. Г. 30, 34, 36, 37, 40, 42, 49
 Ротчева Е. П. 36
 Рубцов Н. Г. 144
 Рыдалев 112
 Савин А. В. 85, 87, 140
 Сгибнев А. С. 71, 97
 Семенов-Тянь-Шанский П. П. 144
 Сергеев В. Е. 37
 Сергеев Д. А. 11
 Сигнеус 27
 Скугаров Н. 146, 148
 Слободчиков 109
 Соловьев А. И. 13
 Сольберг 27, 28
 Степанова М. В. 9, 10, 30, 137
 Страннолюбский 71, 109
 Суттер Д. (Саттер) 39, 40, 140
 Сухорукий К. 67, 76
 Тебеньков М. Д. 30, 61, 87, 88, 128
 Томас 46
 Торвальдсен 25
 Трапезников М. 113
 Трапезников Ф. 112, 114
 Триниус К. А. 19
 Труфанова И. П. 11
 Уваров С. С. 19, 94, 121
 Ушаков И. 99, 116, 119, 120, 122
 Федорова С. Г. 12
 Федчина В. Н. 17
 Фишер Ф. Е. 20
 Фомин 90

Франкенгайзер 80
Фус П. Н. 19, 94, 110, 111, 130

Халезов А. А. 33

Харре 129

Хаширов К. 16

Черемной 48

Чернов 93

Черных А. 33, 34, 47

Чернявский Н. М. 144

Чеченев 42

Шелихов Г. И. 30, 50

Шрадер Е. И. 17, 18, 20, 21, 65,
111, 131, 142

Шренк Л. И. 138, 143

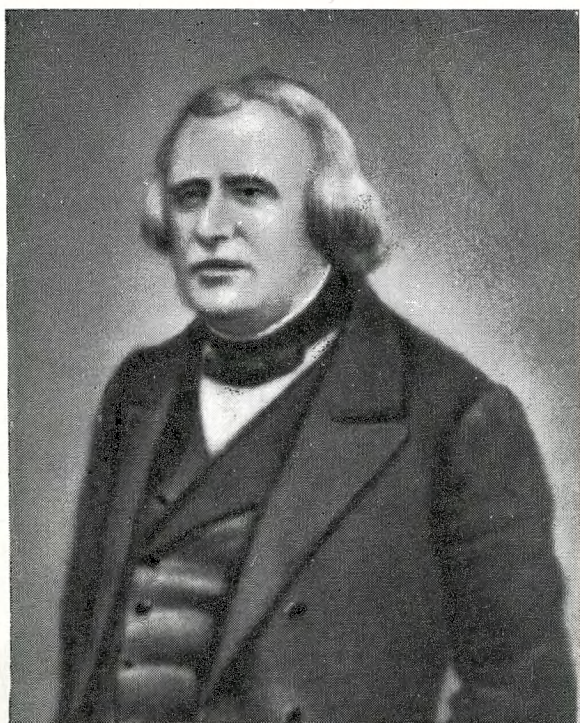
Штраух А. А. 8, 16, 133, 134,
137—139, 142, 143, 146

Этек 117

Этолин А. К. 24, 25, 27, 31, 43,
48, 50, 52, 53, 58, 68, 70, 72,
80, 81

Оглавление

Предисловие	5
От автора	7
Глава первая	
Начало пути	14
Глава вторая	
Плавание в Русскую Америку	24
Глава третья	
В Калифорнии	33
Глава четвертая	
Кадык и Кенайский залив	48
Глава пятая	
В Беринговом море	57
Глава шестая	
Курильские острова	69
Глава седьмая	
По Охотскому побережью	82
Глава восьмая	
По Камчатке	97
Глава девятая	
Возвращение	127
Глава десятая	
Консерватор Зоологического музея	135
Указатель имен	149

А. И. Алексеев

**Илья Гаврилович
ВОЗНЕСЕНСКИЙ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИМЕЕТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГА:

Н. М. РАСКИН, И. И. ШАФРАНОВСКИЙ

Эрик Густавович ЛАКСМАН,

выдающийся путешественник и натуралист XVIII в. 1971.

275 стр. 1 р. 15 к.

Академик Эрик Лаксман (1737—1796 гг.) всю свою научную деятельность тесно связал с изучением природы ряда районов России, главным образом Сибири. Им были открыты новые, очень важные минералы, часть которых нашла в дальнейшем практическое применение (ляпис-лазурь, гроссуляр, байкалит, вилуит). Несмотря на увлечение изучением флоры, фауны и минеральных богатств Сибири, Лаксман не ограничился только этими обычными занятиями ученых-путешественников XVIII в. Он был горячим поборником организации здесь промышленного производства и направлял свои усилия на разработку новой технологии в солеварении, сернокислотной, содовой и стекольной промышленности.

Издание рассчитано на историков науки, географов, минералогов, натуралистов, химиков.

Для получения книги почтой заказы просим направлять по адресу:

117464 МОСКВА, В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197110 ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7^а, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

Цена 46 коп.